

Paul Valéry
POÉSIES

Поль Валери
СТИХОТВОРЕНИЯ

*Перевод с французского,
составление и послесловие
Алексея Кокотова*

Москва «Текст» 2017

TABLE DES MATIÈRES

Première partie

CHARMES

Aurore
Au Platane
Air de Sémiramis
Cantiques Des Colonnes
L'Abeille
Poésie
Les pas
La Ceinture
La Dormeuse
Fragments Du Narcisse
La Pythie
Le Sylphe
L'Insinuant
La Fausse Morte
Ébauche d'un serpent
Les Grenades
Le Vin Perdu
Intérieur
Le Cimetière marin
Ode Secrète
Le Rameur
Palme

PIÈCES DIVERSES DE TOUTE ÉPOQUE

Neige
Sinistre
Colloque (Pour deux flûtes)
La Distraite

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

CHARMES

Заря
Ода Платану
Песнь Семирамиды
Песнь колонн
Пчела
Поэзия
Шаги
Пояс
Спящая
Фрагменты Нарцисса (I, II, III)
Пифия
Сильф
Вкрадчивый
Мнимомертвая
Попытка Змея
Гранаты
Потерянное вино
Intérieur
Кладбище над морем
Тайная Ода
Гребец
Пальма

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ РАЗНЫХ ЭПОХ

Снег
Крушение
Беседа (для двух флейт)
Рассеянная

Insinuant II
Heure
L'oiseau cruel...
À l'aurore
Équinoxe
La caresse
Chanson à part

DOUZE POÈMES

La jeune fille
Abeille spirituelle
Béatrice
Le Philosophe
À chaque doigt...
T'évanouir...
À la vitre d'hiver
À des divinités cachées
Odelette nocturne
Fragment
Silence
Aux vieux livres

Deuxième partie

Œuvres posthumes

CORONA

Sonnet à Narcissa
Ode au jasmin
Le Saule
Parfois, je pense à ton enfance...
Âme, quoi de plus tendre, aux cris du vent d'automne...
Jeanne, ton corps me suit...
Ô proue en or de la plus noble nef...
Que ce rien vienne à ton réveil...

Вкрадчивый II
Час
Жестокая птица
На рассвете
Равноденствие
Ласка
Песня на два голоса

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Девушка
Духовная пчела
Беатриче
Философ
Пальцем двинь — засеребрится...
Избыть тебя...
К окну замерзшему горячий лоб придвину...
К спрятанным богам
Ночная оделетта
Фрагмент
Молчание
К старым книгам

Часть вторая

*Из посмертной книги «Корона. Коронийя.
Сонеты Жану Вуалье»*

КОРОНА

Сонет Нарциссе
Ода «Жасмину»
Ива
Порою я думаю о твоём детстве...
Пусть ветер за окном...
Телесно ты со мной!..
О гордый ростр...

Polydore, Front beau...
Chanson d'un sou
Grande Beauté, Rose spirituelle...
Trop beau Soleil, tu m'étonnes les yeux...
Ma soif de toi, source suave et vive...
Crois-tu qu'il soit chose...
La vie est vaine, à peine toi laissée...
Plus je te bois, ma Fontaine sans fond...
Quoique tu ne sois point derrière moi dans l'ombre...
Sans toi, pensant à toi, quand j'ai perdu le jour...
Oubliant sur mon cœur la force de tes formes...
Absence
Tu m'as dit que ton cœur n'est pas mystérieux ...
Nos cœurs se sont ouverts, nos crimes se sont bus...
Ma Bien-Aimée...

CORONILLA

Sonnets à Jean Voilieri

Romance
À la Petrarque
En Acte
Fleur de mon Soir et miel de mon dernier breuvage...

Poèmes dates

... Je m'éveille à mon nom que vous dites, peut-être?..
Amour, tu pars...
Ballade à l'aube
Ce ciel gris, moins d'été que d'hiver attiédi...

Poèmes sans date

Élégie
Épître au vide
Ô plante vivace...

Пускай хоть этим пустяком...
Высокое чело...
Песенка в один грош
О, Красота...
Слепящая! Ты этою зимой...
Я жажду, ушла вода живая...
Нет ли в мире чуда...
Пустеет жизнь...
Тебя я пью — и только дальше дно...
Я один, пустота у меня за спиною...
День без тебя погас...
Пусть тела твоего тепло мне позабылось...
Разлука
Пусть лазурь в небесах...
Распахнуты сердца и общий грех допит...
Моя родная, в столь ясный день...

КОРОНИЙЯ

Из цикла «Сонеты Жану Вуалье»

Романс
В манере Петрарки
Тела сплелись...
О цвет вечерний мой!..

Из цикла «Стихотворения с проставленной датой»

...Как будто голос...
Ты едешь...
Предраcветная баллада
Как зимой, потускнел и поблек небосклон...

Из цикла «Недатированные стихотворения»

Элегия
Послание пустоте

Ô cheveux forts et drus et doux...
Ode Vivante
Nous avons bien dormi...
Grande Belle que tout débauche...
Ô Belle Personne...
Belle... Oui. Mais plus tendre encore...
Je te quitte... Mes mains tremblent...
Prestissimo
Ferme les yeux!..

Derniers vers (1945)

Il disperato
Longueur d'un jour...

О та, что предстала живой купиной!..
Волос тишайший водопад...
Ода жизни
Нам хорошо спалось...
Все переймешь, все переманишь...
Изгнанница рая
Хороша... но еще и нежна, и порою...
Руки не уняли дрожи...
Prestissimo
Закрой глаза!

Из цикла «Последние стихи» (1945)

Il disperato
День долог..

Часть первая

CHARMES

AUORE

La confusion morose
Qui me servait de sommeil,
Se dissipe dès la rose
Apparence du soleil.
Dans mon âme je m'avance,
Tout ailé de confiance:
C'est la première oraison!
À peine sorti des sables,
Je fais des pas admirables
Dans les pas de ma raison.

Salut! encore endormies
À vos sourires jumeaux,
Similitudes amies
Qui brillez parmi les mots!
Au vacarme des abeilles
Je vous aurai par corbeilles,
Et sur l'échelon tremblant
De mon échelle dorée,
Ma prudence évaporée
Déjà pose son pied blanc.

Часть первая

CHARMES

ЗАРЯ

Исчезает морок мрачный,
Спутанный, развевя сон —
Всходит солнце и прозрачный
Розовеет небосклон.
Преисполненный доверья
Прохожу души преддверья —
Перворечи чуден шум!
Тьму оставив за собою,
Умною своей стопою
Меру вымеряет ум!

Здравствуй заспанное братство
Сходных, дружественных слов,
Рифм отзывчивых богатство,
Блеск улыбчивых основ!
Ох, да их вокруг — корзины,
Гуд все ширится пчелиный,
Скала хрупкая дрожит,
На ее ступеньке шаткой
Безрассудно украдкой
Осмотрительность стоит.

Quelle aurore sur ces croupes
Qui commencent de frémir!
Déjà s'étirent par groupes
Telles qui semblaient dormir:
L'une brille, l'autre bâille;
Et sur un peigne d'écaille
Égarant ses vagues doigts,
Du songe encore prochaine,
La paresseuse l'enchaîne
Aux prémisses de sa voix.

Quoi! c'est vous, mal déridées!
Que faites-vous, cette nuit,
Maîtresses de l'âme, Idées,
Courtisanes par ennui?
— Toujours sages, disent-elles,
Nos présences immortelles
Jamais n'ont trahi ton toit!

Nous étions non éloignées,
Mais secrètes araignées
Dans les ténèbres de toi!

Ne seras-tu pas de joie
Ivre! à voir de l'ombre issus
Cent mille soleils de soie
Sur tes énigmes tissus?
Regarde ce que nous fîmes:
Nous avons sur tes abîmes
Tendu nos fils primitifs,
Et pris la nature nue
Dans une trame ténue
De tremblants préparatifs...

Солнце осветило гузки —
И они уже дрожат!
Словно сонные моллюски
Рифмы хитрые лежат.
Та — блеснула, та — зевнула,
Вяло пальцем шевельнула,
Им по гребню провела,
Та — лениво потянулась,
Та — уже совсем проснулась,
Даже голос подала.

Что же нужно сделать, чтобы
Утром встать наискоски?
Мысли, разума зазнобы,
Эк гульнули вы с тоски!
— Дома мы не покидали,
И зачем нам эти дали?
Мы — с тобой, в твоём уме.
Бесконечными веками
Обитаем пауками
В сокровенной древней тьме.

От ответов наших новых
Опьянеешь сразу ты!
Наплели мы солнц шелковых
Под покровом темноты,
Мы над пропастью, в зените
Протянули наши нити,
Потрудились чуток —
И заткали верхотуру
Шутка ль? — самое Натуру
Проведя через уток.

Leur toile spirituelle,
Je la brise, et vais cherchant
Dans ma forêt sensuelle
Les oracles de mon chant.
Être! Universelle oreille!
Toute l'âme s'appareille
À l'extrême du désir...
Elle s'écoute qui tremble
Et parfois ma lèvre semble
Son frémissement saisir.

Voici mes vignes ombreuses,
Les berceaux de mes hasards!
Les images sont nombreuses
À l'égal de mes regards...
Toute feuille me présente
Une source complaisante
Où je bois ce frêle bruit...
Tout m'est pulpe, tout amande,
Tout calice me demande
Que j'attende pour son fruit.

Je ne crains pas les épines!
L'éveil est bon, même dur!
Ces idéales rapines
Ne veulent pas qu'on soit sûr:
Il n'est pour ravir un monde
De blessure si profonde
Qui ne soit au ravisseur
Une féconde blessure,
Et son propre sang l'assure
D'être le vrai possesseur.

В ключья рви их труд верховный!
Прочь холстину! Поспеши
В лес свой внутренний духовный,
В Дельфы песенной души.
Слух вселенский! Суть живая!
Волны, до небес взмывая,
Страстный дух возносят ввысь
К куполу небесной дрожи,
Чтоб слова, что с нею схожи,
С губ дрожащих сорвались.

Виноградник прихотливый!
Снов заветных дом родной!
Только брошу взгляд пытливый
— Новый образ предо мной...
Каждым листиком над бездной
Ключ живой укрыт любезный
Тайных вод неспешен ход,
Обещает шум мне дальний:
В каждой чашечке миндальной
Новый созревает плод.

Куст не страшен мне терновый,
И побудка веселит!
В душу мне рассвет суровый
Все ж сомнение вселит:
Раной самую кровавой
Не приобретешь ты славы.
Чтоб не умерли ключи,
Чтобы пенью быть неложным
А владенью непреложным —
Творчески кровотоочи.

J'approche la transparence
De l'invisible bassin
Où nage mon Espérance
Que l'eau porte par le sein.
Son col coupe le temps vague
Et soulève cette vague
Que fait un col sans pareil...
Elle sent sous l'onde unie
La profondeur infinie,
Et frémit depuis l'orteil.

Путь ведет меня недалний
К озеру холодных вод.
По нему в тиши хрустальной
Упование плывет,
Неустанно хорошея,
Лебединой тонкой шей
Рассекает грудь волны,
И с волною той сливаясь
Постигает, содрогаясь,
Бесконечность глубины.

AU PLATANE

Tu penches, grand Platane, et te proposes nu,
Blanc comme un jeune Scythe,
Mais ta candeur est prise, et ton pied retenu
Par la force du site.

Ombre retentissante en qui le même azur
Qui t'emporte, s'apaise,
La noire mère astreint ce pied natal et pur
À qui la fange pèse.

De ton front voyageur les vents ne veulent pas;
La terre tendre et sombre,
Ô Platane, jamais ne laissera d'un pas
S'émerveiller ton ombre!

Ce front n'aura d'accès qu'aux degrés lumineux
Où la sève l'exalte;
Tu peux grandir, candeur, mais non rompre les noeuds
De l'éternelle halte!

ОДА ПЛАТАНУ

Как скиф молодой, Платан, себя ты отдаешь,
Свой ствол склоняя белый.
Но твой порыв стеснен, ты с места не шагнешь
Стопой закоренелой.

О сень огромная, в тебе лазурь сама,
Тебя обьяв, застыла.
Родимую стопу, как черная тюрьма,
Земля отяжелила.

Пускай твое чело блуждает в вышине —
Ветра ему мирволят,
Земля тебе ступить, хоть и в волшебном сне,
И шага не позволит!

Пусть соки вверх текут, восходят до чела
По жилам исполина,
Но вечного ему не разорвать узла,
Не двинуться с притина.

Pressens autour de toi d'autres vivants liés
Par l'hydre vénérable;
Tes pareils sont nombreux, des pins aux peupliers,
De l'yeuse à l'érable —

Qui, par les morts saisis, les pieds échévelés
Dans la confuse cendre,
Sentent les fuir les fleurs, et leurs spermes ailés,
Le cours léger descendre.

Le tremble pur, le charme, et ce hêtre formé,
De quatre jeunes femmes,
Ne cessent point de battre un ciel toujours fermé,
Vêtus en vain de rames.

Ils vivent séparés, ils pleurent confondus
Dans une seule absence,
Et leurs membres d'argent sont vainement fendus
À leur douce naissance.

Quand l'âme lentement qu'ils expirent le soir
Vers l'Aphrodite monte,
La vierge doit dans l'ombre, en silence, s'asseoir,
Toute chaude de honte.

Elle se sent surprendre, et pâle, appartenir
À ce tendre présage
Qu'une présente chair tourne vers l'avenir
Par un jeune visage. . .

Ты чувствуешь вокруг себя личин растущий строй
Подземной гидры славной,
Подобные тебе, стоят и вяз с сосной,
И клен и дуб державный —

Под властью мертвецов куделью власяной
Врастают в пепел стылый,
И вниз летит от них цветочный, семенной
Поток тысячекрылый.

Осина, граб, и тот четырехствольный бук
(Четыре девы вместе)
Немое небо бьют, вздымая сотни рук,
В порыве тщетной мести.

Поодиночке жить должны, разделены,
Рыдать в недоуменьи —
Кто ветви им рассек напрасно, без вины
При нежном их рожденьи?

И к Афродите ввысь возносится душа
И вечер догорает,
И дева в сумерках проходит, не спеша,
И от стыда пылает.

Предвестьем пленена в нежнейший этот час,
Ей, побледневшей, мнится,
Что вскоре плоть ее на будущего глас
Должна оборотиться...

Mais toi, de bras plus purs que les bras animaux,
Toi qui dans l'or les plonges,
Toi qui formes au jour le fantôme des maux
Que le sommeil fait songes,

Haute profusion de feuilles, trouble fier
Quand l'âpre tramontane
Sonne, au comble de l'or, l'azur du jeune hiver
Sur tes harpes, Platane,

Ose gémir! . . . Il faut, ô souple chair du bois,
Te tordre, te détordre,
Te plaindre sans rompre, et rendre aux vents la voix
Qu'ils cherchent en désordre!

Flagelle-toi! . . . Parais l'impatient martyr
Qui soi-même s'écorche,
Et dispute à la flamme impuissante à partir
Ses retours vers la torche!

Afin que l'hymne monte aux oiseaux qui naîtront,
Et que le pur de l'âme
Fasse frémir d'espoir les feuillages d'un tronc
Qui rêve de la flamme,

Je t'ai choisi, puissant personnage d'un parc,
Ivre de ton tangage,
Puisque le ciel t'exerce, et te presse, ô grand arc,
De lui rendre un langage!

Но ты невиннее зверей лесных, и ты —
Ветвями весь в лазури.
И в сон предутренный войдут твои мечты,
Как грозный призрак бури,

О лиственная сень! Холодная идет
С нагорий трамонтана,
Звени, когда зима рукою проведет
По струнному Платану.

Решишь на стон!.. Крутись! Пусть гибкая кора
Свивается канатом,
Стенание твое давно уже пора
Отдать ветрам крылатым!

Как мученик святой, кору с себя содрав,
Хлещи себя бичами!
Пусть, тлеющей золы бессильный прах поправ,
Восстанет к небу пламя!

Затем восходит ввысь пылающий псалом
До птичьих поселений,
Чтоб задрожал Платан своим сухим стволом
От огненных прозрений!

Насельник парка! Ты к любым ветрам привык —
От качки ты хмелеешь!
И просят небеса: дай нам, Платан, ЯЗЫК!
Всемощный, ты сумеешь!

Ô qu'amoureuement des Dryades rival,
Le seul poète puisse
Flatter ton corps poli comme il fait du Cheval
L'ambitieuse cuisse! . . .

— Non, dit l'arbre. Il dit: Non! par l'étincellement
De sa tête superbe,
Que la tempête traite universellement
Comme elle fait une herbe!

Пуškai тебя поэт прославит на земле,
С тобой в одно сливаясь.
Наездник так сидит, как пригнанный, в седле,
С конем не разделяясь...

Нет, — говорит Платан — пускай с моей главой,
Сияющей в лазури,
Поступит ураган, как с ветхою травой,
Мы с ней равны пред бурей!

AIR DE SÉMIRAMIS

Dès l'aube, chers rayons, mon front songe à vous ceindre !
À peine il se redresse, il voit d'un œil qui dort
Sur le marbre absolu, le temps pâle se peindre,
L'heure sur moi descendre et croître jusqu'à l'or...

*

... «Existe !... Sois enfin toi-même ! dit l'Aurore,
Ô grande âme, il est temps que tu formes un corps !
Hâte-toi de choisir un jour digne d'éclorre,
Parmi tant d'autres feux, les immortels trésors !

Déjà, contre la nuit lutte l'âpre trompette !
Une lèvres vivante attaque l'air glacé ;
L'or pur, de tout en tour, éclate et se répète,
Rappelant tout l'espace aux splendeurs du passé !

Remonte aux vrais regards ! Tire-toi de tes ombres,
Et comme du nageur, dans le plein de la mer,
Le talon tout-puissant l'expulse des eaux sombres,
Toi, frappe au fond de l'être ! Interpelle ta chair,

ПЕСНЬ СЕМИРАМИДЫ

Чело предчувствует лучистую корону,
На глади мрамора, сквозь век смеженных зрит,
Как время бледное расцвечивает крону,
Нисходит час ко мне и золотом горит...

*

«Явись в конце концов! И будь самой собою,
Душа великая, пора уж плотью стать,
Спеши, — твердит заря — над бездной огневою,
Средь мириад огней возникнув, запылать!

Глухую ночь пронзил трубы протяжный голос,
Живые губы вновь пьют ледяную тьму...
И, брызнув золотом, пространство расколосось —
В тот миг, как блеск былой припомнился ему!

К просвету протянись, рванись из тьмы дремучей,
Пловца, покрытого нахлынувшей волной,
На воздух выведет толчок пяты могучей —
Толкнись внутри себя, явись на свет дневной!

Traverse sans retard ses invisibles trames,
Épuise l'infini de l'effort impuissant,
Et débarrasse-toi d'un désordre de drames
Qu'engendrent sur ton lit les monstres de ton sang !

J'accours de l'Orient suffire à ton caprice !
Et je te viens offrir mes plus purs aliments ;
Que d'espcae et de vent ta flamme se nourrisse !
Viens te joindee à l'éclat de mes pressentiments ! »

*

— Je réponds !... Je surgis de ma profonde absence !
Mon cœur m'arrache aux morts que frôlait mon sommeil,
Et vers mon but, grand aigle éclatant de puissance,
Il m'emporte !... Je vole au-devant du soleil !

Je ne prends qu'une rose et fuis... La belle flèche
Au flanc !... Ma tête enfante une foule de pas...
Ils courent vers ma tour favorite, où ma fraîche
Altitude m'appelle, et je lui tends les bras !

Monte, ô Sémiramis, maîtresse d'une spire
Qui d'un cœur sans amour s'élance au seul honneur !
Ton œil impérial a soif du grand empire
À qui ton spectre dur fait sentir le bonheur...

Ose l'abîme ! Passe un dernier pont de roses !
Je t'approche, péril ! Orgueil plus irrité !
Ces fourmis sont à moi ! Ces villes sont mes choses,
Ces chemins sont les traits de mon autorité !

Среди невидимых пройди переплетений
И бесконечности бессилье разорви,
Скорей освободись от хаоса видений
И снов, что рождены от демонов в крови.

Я не боюсь причуд твоих непостоянства,
Мне яства лучшие легко тебе подать —
Питают пламень твой и ветер и пространство,
Предчувствия мои попробуй оправдать!»

*

Я отзываюсь!.. Прочь из пропасти бездонной,
Где руки мертвецов бессильные сплелись,
Несет меня орел, всевластьем упоенный —
Я им восхищена в полуденную высь!

Лишь розу взяв, бегу... Стрелую пронзена я
Насквозь!.. вот горсть шагов, возникнув в голове,
Рассыпалась, бежит — вот башня, мне родная,
Вот руки я тяну к холодной синеве!

Семирамида, ты — отточенная спица,
Стремись, безлюбая, в единственную цель!
Лишь царства жаждает великая царица —
Ему твой призрак злой — наисладчайший хмель.

Не бойся пропасти! Внизу, в воздушной яме,
Повис цветочный мост! Грозна я и горда!
Владычествую я над теми муравьями,
Дороги стрелами пускаю в города!

C'est une vaste peau de fauve que mon royaume !
J'ai tué le lion qui portait cette peau ;
Mais encor le fumet du féroce fantôme
Flotte chargé de mort, et garde mon troupeau !

Enfin, j'offre au soleil le secret de mes charmes !
Jamais il n'a doré de seuil si gracieux !
De ma fragilité je goûte les alarmes
Entre le double appel de la terre et des cieux.

Repas de ma puissance, intelligible orgie,
Quel parvis vapoureux de toits et de forêts
Place aux pieds de la pure et divine vigie,
Ce calme éloignement d'événements secrets !

L'âme enfin sur ce faite a trouvé ses demeures !
Ô de quelle grandeur, elle tient sa grandeur
Quand mon cœur soulevé d'ailes intérieurs
Ouvre au ciel en moi-même une autre profondeur !

Anxieuse d'azur, de gloire consumée,
Poitrine, gouffre d'ombre aux narines de chair,
Aspire cet encens d'âmes et de fumée
Qui monte d'une ville analogue à la mer !

Soleil, soleil, regarde en toi rire mes ruches !
L'intense et sans repos Babylone bruit,
Toute rumeurs de chars, clairons, chaînes de cruches
Et plaintes de la pierre au mortel qui construit.

Владения мои лежат звериной шкурой,
Ее хозяин — лев — моей рукой убит,
Но все скитается его тут призрак хмурый,
И, смерть в себе нося, стада мои хранит.

На солнцем залитом застыла я пороге,
Я сбросила с себя таинственный покров,
И слабости своей впиваю я тревоги,
И неба и земли двойной я слышу зов.

О пир могущества, трезвейшая из оргий!
Как паперть дымная из дальних крыш и рош
Пред зрительницей ниц пластается в восторге!
Как подчиняется событий тайных мощь!

Моя душа сейчас на этой кровле — дома!
Каким величьем ей величие дано,
Когда она, рукой невидимой ведома,
В глуби меня самой отворит вдруг окно!

Лазури жаждущий и славой упоенный
Теней бесплотных ад с чутьем вполне земным,
О грудь моя! Вбирай долины населенной
Чуть влажный аромат и душ прохладных дым!

Со смехом, солнце, вниз смотри на рой жужжащий!
Там во всю мощь, без сна мой Вавилон поет:
Кувшинов слышен звон и ход телег скрипящий
И жалобы камней на каменщика гнет.

Qu'ils flattent mon désir de temples implacables,
Les sons aigus de scie et les cris des ciseaux,
Et ces gémissements de marbres et de câbles
Qui peuplent l'air vivant de structure et d'oiseaux !

Je vois mon temple neuf naître parmi les mondes,
Et mon vœu prendre place au séjour des destins ;
Il semble de soi-même au ciel monter par ondes
Sous le bouillonnement des actes indistincts.

Peuple stupide, à qui ma puissance m'enchaîne,
Hélas ! mon orgueil même a besoin de tes bras !
Et que ferait mon cœur s'il n'aimait cette haine
Dont l'innombrable tête est si douce à mes pas ?

Plate, elle me murmure une musique telle
Que le calme de l'onde en fait de sa fureur,
Quand elle se rapaise aux pieds d'une mortelle
Mais qu'elle se réserve un retour de terreur.

En vain j'entends monter contre ma face auguste
Ce murmure de crainte et de férocité :
À l'image des dieux la grande âme est injuste
Tant elle s'appareille à la nécessité !

Des douceurs de l'amour quoique parfois touchée,
Pourtant nulle tendresse et nuls renoncements
Ne me laissent captive et victime couchée
Dans les puissants liens du sommeil des amants !

Так пусть же страсть мою к суровым грозным храмам
Пилы и долота стенанья утолят!
Пусть толщу воздуха наполнят птичьим гамом,
Пусть форму ей дадут и строго огранят!

Рождается мой храм, встает между мирами
Обета моего — меж равных равный — плод,
Он к небу сам собой возносится волнами,
Легко преодолев кипень смутных вод.

Народ бессмысленный, прикована к тебе я,
Нуждаясь в тысячах трудолюбивых рук.
Пусть в тысячах голов горит вражда плебея,
Их хруста под пятой сколь сладок самый звук!

Растоптанных рабов столь музыкален ропот,
Их гнев, рассеян, спит в спокойнейшей волне,
Что плещется у ног и чей чуть слышен шепот...
Но ужас мести жив и спрятан в глубине.

Бесстрастно слушаю я эти переливы —
В них ненависть ко мне давно затаена.
Душа великая всегда несправедлива —
Необходимости навек обречена!

Пусть сладости любви и не совсем чужда я,
Но лаской никакой не вынудить меня
Рабыней страсти стать, пластаться, угождая,
Несытой пленницей рыдая и стена.

Baisers, baves d'amour, basses béatitudes,
Ô mouvements marins des amants confondus,
Mon cœur m'a conseillé de telles solitudes,
Et j'ai placé si haut mes jardins suspendus

Que mes suprêmes fleurs n'attendent que la foudre
Et qu'en dépit des pleurs des amants les plus beaux,
À mes roses, la main qui touche tombe en poudre :
Mes plus doux souvenirs bâtissent des tombeaux !

Qu'ils sont doux à mon cœur les temples qu'il enfante
Quand tiré lentement du songe de mes seins,
Je vois un monument de masse triomphante
Joindre dans mes regards l'ombre de mes desseins !

Battez, cymbales d'or, mamelles cadencées,
Et roses palpitant sur ma pure paroi !
Que je m'évanouisse en mes vastes pensées,
Sage Sémiramis, enchanteresse et roi !

Любовный пыл и пот, блаженное паденье
Двух тел, что качкою раскачаны морской...
Такого требует душа уединенья,
Висят сады мои над пропастью такой,

Что прелестям моим лишь громы не бесчестье!
Молили многие царицу всех цариц,
Коснувшийся меня рассыплется на месте —
И памяти сладка та чередя гробниц.

Да будет сладостен мне храм новорожденный!
Очнувшись медленно, я вижу в полусне,
Как тяжестью своей и мощью упоенный
Растет он, замыслу довлеющий вполне!

Гром золотых цимбал собой наполнил бездну!
Как грозен трепет роз воздушных галерей!
Пусть в замысле своем великом я исчезну —
Семирамидою, царицей всех царей!

CANTIQUES DES COLONNES

A Léon-Paul Fargue

Douces colonnes, aux
Chapeaux garnis de jour,
Ornés de vrais oiseaux
Qui marchent sur le tour,

Douces colonnes, ô
L'orchestre de fuseaux!
Chacun immole son
Silence à l'unisson.

-Que portez-vous si haut,
Égales radieuses?
-Au désir sans défaut
Nos grâces studieuses!

Nous chantons à la fois
Que nous portons les cieux!
Ô seule et sage voix
Qui chantes pour les yeux!

ПЕСНЬ КОЛОНН

Колонн призывен зов —
Абак укромна тень,
Прибежищ—картузов
Для птиц в погожий день!

Звенит беззвучный зов.
С верхов и до низов
Колонн немой соглас
Для чутких внятен глаз.

Зачем средь синевы
Лучитесь, одинаки?
Желаньям чистым вы —
Благоволенья знаки.

— Берем мы чистый тон,
Взмывая к небесам,
Прилежный наш канон
Поет твоим глазам.

Vois quels hymnes candides!
Quelle sonorité
Nos éléments limpides
Tirent de la clarté!

Si froides et dorées
Nous fûmes de nos lits
Par le ciseau tirées,
Pour devenir ces lys!

De nos lits de cristal
Nous fûmes éveillées,
Des griffes de métal
Nous ont appareillées.

Pour affronter la lune,
La lune et le soleil,
On nous polit chacune
Comme ongle de l'orteil!

Servantes sans genoux,
Sourires sans figures,
La belle devant nous
Se sent les jambes pures.

Pieusement pareilles,
Le nez sous le bandeau
Et nos riches oreilles
Sourdes au blanc fardeau,

Смотрю на гимн певучий —
Какая чистота!
И светлость их созвучий
Из света и взята!

Обречена слиться
Златая наша стать
И мучиться на лице
Чтоб лилиею стать!

Стоим — одна к одной!
Железное зубило
Кристалльный, ледяной,
Каррарский сон разбило!

Чтоб ярче враждовали
Мы с солнцем и луной
Нас отполировали,
Как клавиш костяной.

Мы — безвоздушный вздох,
Безгубые улыбки,
Мы — стройных женских ног
Абстрактный образ зыбкий.

Мы суеверно схожи,
Подобен фризу фриз,
Акант аканта строже
Взирает сверху вниз.

Un temple sur les yeux
Noirs pour l'éternité,
Nous allons sans les dieux
À la divinité!

Nos antiques jeunesses,
Chair mate et belles ombres,
Sont fières des finesses
Qui naissent par les nombres!

Filles des nombres d'or,
Fortes des lois du ciel,
Sur nous tombe et s'endort
Un dieu couleur de miel.

Il dort content, le Jour,
Que chaque jour offrons
Sur la table d'amour
Étale sur nos fronts.

Incorruptibles soeurs,
Mi-brûlantes, mi-fraîches,
Nous prîmes pour danseurs
Brises et feuilles sèches,

Et les siècles par dix,
Et les peuples passés,
C'est un profond jadis,
Jadis jamais assez!

Но пред очами тьмы
Мы — храм, пустой объем.
Богов не зная, мы
В божественность идем!

И нашу тень, и тонкость
Аттического смысла,
И нашей плоти звонкость —
Все породили Числа!

Для дочерей своих
Закон суров и строг:
Упав с небес на них,
Уснул медвяный бог.

Он любит, он счастлив
Абака — что постель.
И светлых дней разлив
Окутал капитель.

Сто ледяных сестер —
Горим неопалимо!
А ветерок — танцор
Меж нас пронесит мимо

Десятками — века,
За родом — новый род,
И вечности река
Непроходима вброд!

Sous nos mêmes amours
Plus lourdes que le monde
Nous traversons les jours
Comme une pierre l'onde!

Nous marchons dans le temps
Et nos corps éclatants
Ont des pas ineffables
Qui marquent dans les fables...

Все тот же — круг земной,
Все то же — неба бремя,
Но каменной волной
Мы рассекаем время!

Извеку, испокон
Идет поход колонн —
Наш шаг не позабыли
Ни небыли, ни были.

L'ABEILLE

Quelle, et si fine, et si mortelle
Que soit ta pointe, blonde abeille,
Je n'ai, sur ma tendre corbeille,
Jeté qu'un songe de dentelle.

Pique du sein la gourde belle,
Sur qui l'Amour meurt ou sommeille,
Qu'un peu de moi-même vermeille
Vienne à la chair ronde et rebelle!

J'ai grand besoin d'un prompt tourment:
Un mal vif et bien terminé
Vaut mieux qu'un supplice dormant!

Soit donc mon sens illuminé
Par cette infime alerte d'or
Sans qui l'Amour meurt ou s'endort!

ПЧЕЛА

О сколь смертельно это жало,
Пчелою я напуган белой.
И хрупкий короб оробелый
Укрыл я тенью покрывала.

Приют любви оцепенелой —
Грудь оживет и вспыхнет ало.
Пчела! Чтоб плоть не бунтовала,
Свой жгучий яд целебным сделай!

Короткой пытки жажду я —
Боль мимолетная ценней
Страданий долгих бытия.

Пусть чувства всколыхнутся с ней!
Без этих золотых тревог
Дух в смертной дреме изнемог!

POÉSIE

Par la surprise saisie,
Une bouche qui buvait
Au sein de la Poésie
En sépare son duvet :

Ô ma mère Intelligence,
De qui la douceur coulait,
Quelle est cette négligence
Qui laisse tarir son lait!

À peine sur ta poitrine,
Accablé de blanc liens,
Me berçait l'onde marine
De ton cœur chargé de biens;

À peine, dans ton ciel sombre,
Abattu sur ta beauté,
Je sentais, à boire l'ombre,
M'envahir une clarté!

Dieu perdu dans son essence,
Et délicieusement
Docile à la connaissance
Du suprême apaisement,

ПОЭЗИЯ

От сосцов богини пенья,
Жадный млечных их щедрот,
Оторвался в изумленьи
Разом пересохший рот:

— Мать—искусница! О, нежность!
Млека нет в твоей груди!
Не виною ли небрежность?
Сладостная, погляди!

Лишь на персях этих полных,
В белоснежности пелен,
Поплавком на теплых волнах
Я забылся, усыплен,

Только в небе этом мрачном
Тени отхлебнув густой,
Стал я светлым и прозрачным,
Исполняясь красотой!

Брошен в океан духовный,
В бога преосуществлен,
Погружен в покой верховный,
Восхищенный — покорен,

Je touchais à la nuit pure,
Je ne savais plus mourir,
Car un fleuve sans coupure
Me semblait me parcourir...

Dis, par quelle crainte vaine,
Par quelle ombre de dépit,
Cette merveilleuse veine
À mes lèvres se rompit?

Ô rigueur, tu m'es un signe
Qu'à mon âme je déplus!
Le silence au vol de cygne
Entre nous ne règne plus!

Immortelle, ta paupière
Me refuse mes trésors,
Et la chair s'est faite pierre
Qui fut tendre sous mon corps!

Des cieux même tu me sèves,
Par quel injuste retour?
Que seras-tu sans mes lèvres?
Que serai-je sans amour?

Mais la Source suspendue
Lui répond sans dureté :
- Si fort vous m'avez mordue
Que mon cœur s'est arrêté!

И теченьем чудотворным
Завлечен в волшебный плен,
Стал я ночи тайнам черным,
Смерть забыв, прикосновен...

Объясни, зачем так грубо,
Виноваты без вины,
Млека алчущие губы
От струи отрешены?

Строгость! Вид твой недовольный
О недобром говорит!
И молчанья лебедь вольный
Больше рядом не парит!

Вечная! Твои ресницы
Занавесили мой клад!
Как от мраморной гробницы
От тебя исходит хлад!

Ты меня лишила света!
Обернись! И свет яви!
Чем ты станешь без поэта?
Что я буду — без любви?

Но ответный раздается
Голос на пределе сил:
— Сердце уж мое не бьется,
Так ты грудь мне прикусил!

LES PAS

Tes pas, enfants de mon silence,
Saintement, lentement placés,
Vers le lit de ma vigilance
Procèdent muets et glacés.

Personne pure, ombre divine,
Qu'ils sont doux, tes pas retenus !
Dieux !... tous les dons que je devine
Viennent à moi sur ces pieds nus !

Si, de tes lèvres avancées,
Tu prépares pour l'apaiser,
A l'habitant de mes pensées
La nourriture d'un baiser,

Ne hâte pas cet acte tendre,
Douceur d'être et de n'être pas,
Car j'ai vécu de vous attendre,
Et mon cœur n'était que vos pas.

ШАГИ

Шаги, родясь во тьме бездонной,
Прошествовали в тишине,
И, набожно и непреклонно,
Неспешно близятся ко мне.

Ваш дар я, боги, прозреваю!
Украдкой сладостной, тайком,
Тень дивная и суть живая,
Ко мне подходит босиком!

И, если поцелуй — питатель
Готов сорваться с уст твоих,
Чтобы голодный обитатель
Бессонных мыслей поутих,

Все ж сладкий миг не торопи ты,
Грань хрупкую побереги.
Я здесь затем, чтоб стали слиты
Стук сердца и твои шаги.

LA CEINTURE

Quand le ciel couleur d'une joue
Laisse enfin les yeux le chérir
Et qu'au point doré de périr
Dans les roses le temps se joue,

Devant le muet de plaisir
Qu'enchaîne une telle peinture,
Dans une Ombre à libre ceinture
Que le temps est près de saisir.

Cette ceinture vagabonde
Fait dans le souffle aérien
Frémir le suprême lien
De mon silence avec ce monde...

Absent, présent... Je suis bien seul,
Et sombre, ô suave linceul!

ПОЯС

Лишь стало небо нежно ало,
Все ласке глаз себя открыв,
За гибельный предел ступив,
Вдруг в розах время заиграло.

Горит сияющий разлив,
Немее, в золоте покоясь,
Но стянется летучий пояс,
Кольцом все небо охватив...

Той ленты вольные блуждания
В дыханьи воздуха струясь
Затрепетать заставят связь
Земного мира и молчанья...

Я был — и нет... Стою, суров,
Один, о сладостный покров!

LA DORMEUSE

Quels secrets dans mon cœur brûle ma jeune amie,
Âme par le doux masque aspirant une fleur?
De quels vains aliments sa naïve chaleur
Fait ce rayonnement d'une femme endormie?

Souffles, songes, silence, invincible accalmie,
Tu triomphes, ô paix plus puissante qu'un pleur,
Quand de ce plein sommeil l'onde grave et l'ampleur
Conspirent sur le sein d'une telle ennemie.

Dormeuse, amas doré d'ombres et d'abandons,
Ton repos redoutable est chargé de tels dons,
Ô biche avec langueur longue auprès d'une grappe,

Que malgré l'âme absente, occupée aux enfers,
Ta forme au ventre pur qu'un bras fluide drape,
Veille; ta forme veille, et mes yeux sont ouverts.

СПЯЩАЯ

Какое тайное сжигает душу пламя?
Вобрав цветочный дух, чей нежный лик застыл?
Чьей тщетной силою первоначальный пыл
Вкруг спящей женщины все озарил лучами?

Ты восторжествовал, покой, над всеми снами,
Немые вздохи ты, могучий, победил.
Волнами тяжкими ты грудь врага покрыл,
И тайный заговор составлен меж волнами.

О гряда спящая теней и легких уз,
Как грозен твой покой, как тяжек этот груз,
Ты к грозди тянешься ленивоплавной ланью,

Покинуто душой, что свой проходит ад,
Руки и живота струится очертанье
И бодрствует. Пускай! — внимателен мой взгляд.

FRAGMENTS DU NARCISSE

CUR ALIQUID VIDI?

I

Que tu brilles enfin, terme pur de ma course!
Ce soir, comme d'un cerf, la fuite vers la source
Ne cesse qu'il ne tombe au milieu des roseaux,
Ma soif me vient abattre au bord même des eaux.
Mais, pour désaltérer cette amour curieuse,
Je ne troublerai pas l'onde mystérieuse:
Nymphes! si vous m'aimez, il faut toujours dormir!
La moindre âme dans l'air vous fait toutes frémir;
Même, dans sa faiblesse, aux ombres échappée,
Si la feuille éperdue effleure la napée,
Elle suffit à rompre un univers dormant...
Votre sommeil importe à mon enchantement,
Il craint jusqu'au frisson d'une plume qui plonge!
Gardez-moi longuement ce visage pour songe
Qu'une absence divine est seule à concevoir!
Sommeil des nymphes, ciel, ne cessez de me voir!

Rêvez, rêvez de moi!... Sans vous, belles fontaines,
Ma beauté, ma douleur, me seraient incertaines.

ФРАГМЕНТЫ НАРЦИССА

CUR ALIQUID VIDI?

I

Цель чистая моя, о наконец блесни же!
Я, как олень, бегу, и берег твой все ближе.
Как колос срезанный, у края родника
Я, жаждая, упал средь дудок тростника.
Но, чтобы совладать с любовью любопытной,
Покою не смущу я водной глади скрытной!
Коль любите меня, вам, нимфы, должно спать,
Довольно вздоха вам, чтоб вдруг затрепетать.
Пусть, канув в сумерки, потерянно слабея,
В паденьи легкий лист заденет чуть Напею —
Чтоб спящий мир разбить, довольно и того...
Пока вы дремлете — сохранно волшебство
Но миг разрушит все малейшее движенье.
Мой берегите лик в глубоком сновиденьи...
Ведь лишь небытие рождает, претворясь!
Смотри же на меня, о небо, нимфам снясь!

Печально сам себя ищу в себе напрасно
И красота моя мне кажется неясной.

Je chercherais en vain ce que j'ai de plus cher,
Sa tendresse confuse étonnerait ma chair,
Et mes tristes regards, ignorants de mes charmes,
À d'autres que moi-même. adresseraient leurs larmes...

Vous attendiez, peut-être, un visage sans pleurs,
Vous calmes, vous toujours de feuilles et de fleurs,
Et de l'incorruptible altitude hantées,
Ô Nymphes!... Mais docile aux pentes enchantées
Qui me firent vers vous d'invincibles chemins,
Souffrez ce beau reflet des désordres humains!

Heureux vos corps fondus, Eaux planes et profondes!
Je suis seul!... Si les Dieux, les échos et les ondes
Et si tant de soupirs permettent qu'on le soit!
Seul!... mais encor celui qui s'approche de soi
Quand il s'approche aux bords que bénit ce feuillage...
Des cimes, l'air déjà cesse le pur pillage;
La voix des sources change, et me parle du soir;
Un grand calme m'écoute, où j'écoute l'espoir.
J'entends l'herbe des nuits croître dans l'ombre sainte,
Et la lune perfide élève son miroir
Jusque dans les secrets de la fontaine éteinte...
Jusque dans les secrets que je crains de savoir,
Jusque dans le repli de l'amour de soi-même,
Rien ne peut échapper au silence du soir...
La nuit vient sur ma chair lui souffler que je l'aime.
Sa voix fraîche à mes vœux tremble de consentir;
À peine, dans la brise, elle semble mentir,
Tant le frémissement de son temple tacite
Conspire au spacieux silence d'un tel site.

Мечтайте обо мне, о чистые ручьи
И прелесть и печаль мои без вас — ничьи.
Не видя самого на свете дорогого
В слезах мой взгляд падет на чуждого другого...

Быть может ждете вы иной, бесслезный, лик,
Спокойные, всегда в уборе повилик,
Тревожимы во сне нетленной высотой?
О Нимфы! К вам влекусь дорогой тайной тою,
Которой не сменить и не преодолеть.
Вам отзвук бурь людских приходится терпеть!

Глубоких ровных вод блаженные чертоги!
Я здесь совсем один!.. Пусть волны, эхо, боги,
Вздыхая, разрешат мне быть здесь одному!
Один! Опять один! К себе лишь самому
Я прихожу, придя к зеркалу под листвою.
Верхи дерев, застыв, молчат над головою,
Вдруг голосом другим заговорил родник —
Надежда слышится — к ней слухом я приник
Внимая, как трава растет в тени священной...
Коварная луна отбрасывает блик
На тайну, что хранит источник приглушенный,
Я знать ее боюсь, страшит меня тайник —
Таинственный изгиб любви столь непонятной...
Ничто не скроется: пусть замолчал родник —
Ты любишь сам себя! — мне ночь шепнула внятно,
Лишь подтвердив, дрожа, заветный мой зарок.
Но, кажется, лукав немного ветерок —
Составили в ночи лесные эти своды
Какой—то разговор с молчанием природы.

Ô douceur de survivre à la force du jour,
Quand elle se retire enfin rose d'amour,
Encore un peu brûlante, et lasse, mais comblée,
Et de tant de trésors tendrement accablée
Par de tels souvenirs qu'ils empourpent sa mort,
Et qu'ils la font heureuse agenouiller dans l'or,
Puis s'étendre, se fondre, et perdre sa vengeance,
Et s'éteindre en un songe en qui le soir se change.

Quelle perte en soi-même offre un si calme lieu!
L'âme, jusqu'à périr, s'y penche pour un Dieu
Qu'elle demande à l'onde, onde déserte, et digne
Sur son lustre, du lisse effacement d'un cygne...
À cette onde jamais ne burent les troupeaux!
D'autres, ici perdus, trouveraient le repos,
Et dans la sombre terre, un clair tombeau qui s'ouvre...
Mais ce n'est pas le calme, hélas! que j'y découvre!
Quand l'opaque délice où dort cette clarté,
Cède à mon corps l'horreur du feuillage écarté,
Alors, vainqueur de l'ombre, ô mon corps tyrannique,
Repoussant aux forêts leur épaisseur panique,
Tu regrettes bientôt leur éternelle nuit!
Pour l'inquiet Narcisse, il n'est ici qu'ennui!
Tout m'appelle et m'enchaîne à la chair lumineuse
Que m'oppose des eaux la paix vertigineuse!
Que je déplore ton éclat fatal et pur,
Si mollement de moi, fontaine environnée,
Où puisèrent mes yeux dans un mortel azur,
Les yeux mêmes et noirs de leur âme étonnée!
Profondeur, profondeur, songes qui me voyez,
Comme ils verraient une autre vie

О сладость силу дня стерпеть и пережить,
О миг, когда она должна уж отступить,
А день пылает все, счастливый и усталый,
Исполненный любви, чей ответ нежноальт
Воспоминанием приходит в смертный час.
Но вот растаял он, рассеялся, погас.
Потерянно во тьме забытый вечер бродит
И в сновидение неслышно переходит.

Но все ж какой ущерб в себе несет покой!
Погибельно душа склоняется с тоской,
Прося о божестве, — лишь волны в ней зыграют,
Так тотчас лебедь их, разгладив, прочь стирает.
О, этих вод не пьют окрестные стада
Другие, заплутав, здесь тонут навсегда,
Разверстая, стоит прозрачная могила,
Но не покоем — нет! — она меня манила.
Свет ясный дремлет средь неведомых отрад,
Но только проблеснул листвы далекий ад,
Как победитель тьмы — властительное тело —
Извечный страх чашоб отвергнув, захотело
Вдруг вечной ночи их, что спит среди ветвей.
Все я наедине стою с тоской своей!
Манит и гонит прочь телесное свеченье,
Я — тут, там — блеск воды и головокруженье!
Оплачь, Нарцисс, всполох лазури роковой!
С какою нежностью к воде я наклонился!
В смертельной синеве увидев образ свой,
К душе своей припал и вдоволь тьмой напился!
О силы вещие, провидческие сны
Смотря в себя, как в жизнь иную,

Dites, ne suis-je pas celui que vous croyez,
Votre corps vous fait-il envie?
Cessez, sombre s esprits, cet ouvrage anxieux
Qui se fait dans l'âme qui veille;
Ne cherchez pas en vous, n'allez surprendre aux cieux
Le malheur d'être une merveille:
Trouvez dans la fontaine un corps délicieux...

Prenant à vos regards cette parfaite proie,
Du monstre de s'aimer faites-vous un captif;
Dans les errants filets de vos longs cils de soie
Son gracieux éclat vous retienne pensif;

Mais ne vous flattez pas de le changer d'empire.
Ce cristal est son vrai séjour; кровь
Les efforts mêmes de l'amour
Ne le sauraient de l'onde extraire qu'il n'expire. . .
Pire.

Pire?

 Quelqu'un redit « Pire ». . . Ô moqueur!
Écho lointaine et prompte à rendre son oracle!
De son rire enchanté, le roc brise mon cœur,
Et le silence, par miracle,
Cesse!... parle, renaît, sur la face des eaux. . .
Pire?...

Pire destin!... Vous le dites, roseaux,
Qui reprîtes des vents ma plainte vagabonde!
Antres, qui me rendez mon âme plus profonde,
Vous renflez de votre ombre une voix qui se meurt. . .
Vous me le murmurez, ramures!... Ô rumeur
Déchirante, et docile aux souffles sans figure,

Вы видите себя из вашей глубины,
Свою же плоть к себе ревнуя?
Пусть беспокойных дум прервется мрачный ход —
Что ищете умом не спящим?
Не сможет вам помочь пустынный небосвод
Стать в муках чудом настоящим —
Ждет чудо тела вас — в зеркале этих вод...

Вбирая вас в себя, как жертвенную птицу,
Дракон *любви к себе* вас взглядом поглотит.
В блуждающую сеть вас приняли ресницы —
Всполох ее шелков пускай вас удивит.

Да не помнится вам, что сменится эпоха
В кристалле стынет — ваша кровь
Не сможет и сама любовь
Из волн немых извлечь ни вздоха, ни всполоха...

Пол—ох—а...

Плохо?

Кто

тут эхом вторит мне?

Насмешничает ли оракул этим гудом?
Иль потешается глубокий грот во сне?
Молчание каким—то чудом
Вдруг прервано, и все вокруг живет!
Что плохо? Знак плохой? Над гладью темных вод
Тростник ли жалобы мои здесь повторяет?
Не гроты ль в глубине рокохут и рыдают?
Не голос ли души родился и исчез?
Набормотал ли что уже не спящий лес?

Votre or léger s'agite, et joue avec l'augure. . .
Tout se mêle de moi, brutes divinités!
Mes secrets dans les airs sonnent ébruités,
Le roc rit; l'arbre pleure; et par sa voix charmante,
Je ne puis jusqu'aux cieux que je ne me lamente
D'appartenir sans force à d'éternels attrait!
Hélas! entre les bras qui naissent des forêts,
Une tendre lueur d'heure ambiguë existe. . .
Là, d'un reste du jour, se forme un fiancé,
Nu, sur la place pâle où m'attire l'eau triste,
Délicieux démon désirable et glacé!
Te voici, mon doux corps de lune et de rosée,
Ô forme obéissante à mes vœux opposée!

Qu'ils sont beaux, de mes bras les dons vastes et vains!
Mes lentes mains, dans l'or adorable se lassent
D'appeler ce captif que les feuilles enlacent;
Mon cœur jette aux échos l'éclat des noms divins!
Mais que ta bouche est belle en ce muet blasphème!
Ô semblable! Et pourtant plus parfait que moi-même,
Éphémère immortel, si clair devant mes yeux,
Pâles membres de perle, et ces cheveux soyeux,
Faut-il qu'à peine aimés, l'ombre les obscurcisse,
Et que la nuit déjà nous divise, ô Narcisse,
Et glisse entre nous deux le fer qui coupe un fruit!
Qu'as-tu?

Ma plainte même est funeste?

Le bruit

Du souffle que j'enseigne à tes lèvres, mon double,
Sur la limpide lame a fait courir un trouble!
Tu trembles!... Mais ces mots que j'expire à genoux
Ne sont pourtant qu'une âme hésitante entre nous,

О гул мучительный, о легкое дыханье
Златой листвы вокруг, о предзнаменованье!
Охотятся за мной все боги этих мест
И тайною моей звенит весь мир окрест!
Среди деревьев — плач, смех катится по скалам,
И мог бы, кажется, усилием самым малым
Волшебный этот глас меня восхитить ввысь!
Увы, меж тысяч рук, что в дебрях поднялись,
Средь зыбких сумерек забрезжил отблеск странный —
Там, из остатков дня составлен, мой двойник
В сияньи наготы, холодной и желанной,
Среди печальных вод нечаянно возник.

Вот плоть нежнейшая из лунного сиянья
Полна покорности и противостоянья,
Чье имя дивное раскатами звучит!
Но пленника листвы устал уж призывать я
Напрасно медленно сжимаю я объятья
И сердце бешено в моей груди стучит.

Рот сомкнутый его исполнен искушений,
Прекрасный мой двойник! Меня ты совершенней,
Поденка вечная! как блеск вечерних рос,
Как жемчуг, бледен ты в шелку своих волос.
Ужель друг друга мы с Нарциссом полюбили,
Чтоб тут же тени нас ночные разделили,
Как делят яблоко, ножом напополам?
Ужель

погибнешь ты,

когда я стон издам?

Я обучил тебя дыханью, я ль виною

Что вздох твой пробежал тревожною волною?

Entre ce front si pur et ma lourde mémoire...
Je suis si près de toi que je pourrais te boire,
Ô visage!... Ma soif est un esclave nu...
Jusqu'à ce temps charmant je m'étais inconnu,
Et je ne savais pas me chérir et me joindre!
Mais te voir, cher esclave, obéir à la moindre
Des ombres dans mon cœur se fuyant à regret,
Voir sur mon front l'orage et les feux d'un secret,
Voir, ô merveille, voir! ma bouche nuancée
Trahir... peindre sur l'onde une fleur de pensée,
Et quels événements étinceler dans l'œil!

J'y trouve un tel trésor d'impuissance et d'orgueil,
Que nulle vierge enfant échappée au satyre,
Nulle! aux fuites habiles, aux chutes sans émoi,
Nulle des nymphes, nulle amie, ne m'attire
Comme tu fais sur l'onde, inépuisable Moi!...
Ô qu'à tous mes souhaits, que vous êtes semblable!
Mais la fragilité vous fait inviolable,

II

Fontaine, ma fontaine, eau froidement présente,
Douce aux purs animaux, aux humains complaisante
Qui d'eux-mêmes tentés suivent au fond la mort,
Tout est songe pour toi, Sœur tranquille du Sort!
À peine en souvenir change-t-il un présage,
Que pareille sans cesse à son fuyant visage,
Sitôt de ton sommeil les cieux te sont ravis!
Mais si pure tu sois des êtres que tu vis,

Дрожишь!.. Слова, что я шепчу, едва дыша, —
В сомненьи между нас снующая душа,
Меж этим чистым лбом и памятью тяжелой...
Я жажду жаждою, как раб, бесстыдноголою,
Как близок ты ко мне — тебя могу я пить!
Ведь до сих пор себя я не умел любить,
Себя я сам не знал, пылая этой жаждой...
О! Видеть, знать тебя! Повиноваться каждой
Из пляшущих в душе неведомых теней,
Следить за бурей таинственных огней
На собственном челе! И наблюдать измену
Смеющегося рта, взбивая мыслей пену,
Что радугой блестит в глазах среди синевы...

Надменность с немощью, сколь дороги мне вы!
Ведь даже девочка, что мчится от сатира,
И ждет его, дразня и смеха не тая,
Все нимфы робкие, все девственницы мира
Влекут меня слабей, чем ты, о вечный «Я»!..

II

О воды хладные, спокойнейшие воды
Нежны к лесным зверям, приятны пешеходу —
Средь вас он ищет смерть, собою соблазнен,
Судьбе вы сродственны, весь мир — ваш тайный сон.
В воспоминание предвестье обратится
И вами в вашем сне вдруг небо восхитится,
Подобен сам себе меняющийся лик!
Волна, моя волна! за бликом блещет блик,

Onde, sur qui les ans passent comme les nues,
Que de choses pourtant doivent t'être connues,
Astres, roses, saisons, les corps et leurs amours!
Claire, mais si profonde, une nymphe toujours
Effleurée, et vivant de tout ce qui l'approche,
Nourrit quelque sagesse à l'abri de sa roche,
À l'ombre de ce jour qu'elle peint sous les bois.
Elle sait à jamais les choses d'une fois...
Ô présence pensive, eau calme qui recueilles
Tout un sombre trésor de fables et de feuilles,
L'oiseau mort, le fruit mûr, lentement descendus,
Et les rares lueurs des clairs anneaux perdus.
Tu consommes en toi leur perte solennelle;
Mais, sur la pureté de ta face éternelle,
L'amour passe et périt...
Quand le feuillage épars
Tremble, commence à fuir, pleure de toutes parts,
Tu vois du sombre amour s'y mêler la tourmente,
L'amant brûlant et dur ceindre la blanche amante,
Vaincre l'âme... Et tu sais selon quelle douceur
Sa main puissante passe à travers l'épaisseur
Des tresses que répand la nuque précieuse,
S'y repose, et se sent forte et mystérieuse;
Elle parle à l'épaule et règne sur la chair.
Alors les yeux fermés à l'éternel éther
Ne voient plus que le sang qui dore leurs paupières;
Sa pourpre redoutable obscurcit les lumières
D'un couple aux pieds confus qui se mêle, et se ment.
Ils gémissent... La Terre appelle doucement
Ces grands corps chancelants, qui luttent bouche à bouche,
Et qui, du vierge sable osant battre la couche,

Года поверх тебя проходят облаками
Знакома ты давно с телами и страстями,
Тобой изведаны и лето, и весна,
И звезды с розами, и — до глубин ясна —
Жива ты тем сама, что ты же омываешь,
Ты мудрость тайную в укывище питаешь
Во тьме ее теней, отброшенных на лес,
И мимолетный миг навек в тебе воскрес...
Задумчивый притин неколебимо ясен,
Храня угрюмый клад опавших листьев, басен,
Плодов и мертвых птиц и пряча слабый свет
Сошедших в глубину давно забытых лет.
В себе ты гибель их торжественно сокрыла,
По лону вечному страстям ты разрешила
Пройти и умереть... Охватывает страх
Дрожащую листву и вся она в слезах
Летит по ветру вдаль... Души горячей сила
Прозрачную сестру пыланьем окружила
Желая подчинить... И постигаешь ты
С какою нежностью, скользя средь густоты
Волос, спадающих с затылка дорогого,
Всемощная рука потом вернется снова,
К плечу, ведь для нее вся плоть — подвластный мир.
Закрытые глаза уставлены в эфир,
Полупрозрачных век пылает багряница,
И пробивается упрямо сквозь ресницы
Сияние двоих... Свое объятье для,
Вздыхают ли они? Иль то зовет земля
Огромную чету, что, слив уста с устами,
На девственном песке сплетается телами
В уже слабеющий чудовищный клубок.

Composeront d'amour un monstre qui se meurt...
Leurs souffles ne font plus qu'une heureuse rumeur,
L'âme croit respirer l'âme toute prochaine,
Mais tu sais mieux que moi, vénérable fontaine,
Quels fruits forment toujours ces moments enchantés!
Car, à peine les cœurs calmes et contentés
D'une ardente alliance expirée en délices,
Des amants détachés tu mires les malices,
Tu vois poindre des jours de mensonges tissus,
Et naître mille maux trop tendrement conçus!
Bientôt, mon onde sage, infidèle et la même,
Le Temps mène ces fous qui crurent que l'on aime
Redire à tes roseaux de plus profonds soupirs!
Vers toi, leurs tristes pas suivent leurs souvenirs...
Sur tes bords, accablés d'ombres et de faiblesse,
Tout éblouis d'un ciel dont la beauté les blesse
Tant il garde l'éclat de leurs jours les plus beaux,
Ils vont des biens perdus trouver tous les tombeaux...
« Cette place dans l'ombre était tranquille et nôtre! »
« L'autre aimait ce cyprès, se dit le cœur de l'autre,
« Et d'ici, nous goûtions le souffle de la mer! »
Hélas! la rose même est amère dans l'air...
Moins amers les parfums des suprêmes fumées
Qu'abandonnent au vent les feuilles consumées!...
Ils respirent ce vent, marchent sans le savoir,
Foulent aux pieds le temps d'un jour de désespoir...
Ô marche lente, prompte, et pareille aux pensées
Qui parlent tour à tour aux têtes insensées!
La caresse et le meurtre hésitent dans leurs mains,
Leur cœur, qui croit se rompre au détour des chemins,
Lutte, et retient à soi son espérance étreinte.

И как единый вздох счастливых душ глубокий,
О как им сладостны взаимные щедроты!
Но знаешь, чистый ключ, получше моего ты
Какой среди этих чар созреет горький плод —
У счастья пылкого всегда один исход,
Лишь против любящих начнешь ты строить козни
Расстроится союз, начнутся споры, розни,
Зачатый посреди столь ласковых тенет
Исполнен многих зол, несчастный день взойдет.
И скоро, мудрая волна — все та же, но другая —
Они, что любят их, безумно полагая,
Опять сюда придут вздыхать среди камышей,
Влекумы Временем и памятью своей.
В бессилии своем угнетены теньями,
Небесной красоты их ослепляет пламя,
Хранят в себе всполох счастливейших времен,
Но видят только ход смертельных перемен...
«Ты видишь уголок, что кипарисы скрыли?»
«Как он спокоен был, как мы его любили!»
«Вдохнуть бы море вновь и свежесть дальних гроз!»
Увы, слышна полынь за ароматом роз...
Но все ж верховных треб дыхание сладимо —
Горит листва вдали и слышен запах дыма!
Дыша им, в забытии влюбленные идут
И час отчаянья стопами тихо мнут...
Их быстромедлен шаг, с ним мысль в движеньи сходна,
В безумцев головы входя поочередно!
Убийство с ласкою трепещут в их руках,
Сердца среди перемен, грозя разбиться в прах,
Сражаются еще — надежда остается,
Но в лабиринте ум потерянно мятется,

Mais leurs esprits perdus courent ce labyrinthe
Où s'égare celui qui maudit le soleil!
Leur folle solitude, à l'égal du sommeil,
Peuple et trompe l'absence; et leur secrète oreille
Partout place une voix qui n'a point de pareille.
Rien ne peut dissiper leurs songes absolus;
Le soleil ne peut rien contre ce qui n'est plus!
Mais s'ils traînent dans l'or leurs yeux secs et funèbres,
Ils se sentent des pleurs défendre leurs ténèbres
Plus chères à jamais que tous les feux du jour!
Et dans ce corps caché tout marqué de l'amour
Que porte amèrement l'âme qui fut heureuse,
Brûle un secret baiser qui la rend furieuse...
Mais moi, Narcisse aimé, je ne suis curieux
Que de ma seule essence;
Tout autre n'a pour moi qu'un cœur mystérieux,
Tout autre n'est qu'absence.
Ô mon bien souverain, cher corps, je n'ai que toi!
Le plus beau des mortels ne peut chérir que soi...
Douce et dorée, est-il une idole plus sainte,
De toute une forêt qui se consume, ceinte,
Et sise dans l'azur vivant par tant d'oiseaux?
Est-il don plus divin de la faveur des eaux,
Et d'un jour qui se meurt plus adorable usage
Que de rendre à mes yeux l'honneur de mon visage?
Naisse donc entre nous que la lumière unit
De grâce et de silence un échange infini!
Je vous salue, enfant de mon âme et de l'onde,
Cher trésor d'un miroir qui partage le monde!
Ma tendresse y vient boire, et s'enivre de voir
Un désir sur soi-même essayer son pouvoir!
Vous n'êtes que lumière, adorable moitié

Там заблудились те, кем проклят белый свет,
Их одиночество, как сумасшедший бред,
Провалы заселит, и тайное их ухо
Услышит голоса, что неизвестны слуху.
Рассеять эти сны дневной не сможет свет:
Не страшен свет тому, чего на свете нет!
И если распахнут они глаза сухие
То, чтобы защитить потемки дорогие,
Враз слезы потекут и тьма настанет вновь,
И в тайне горестной безумная любовь
Ту плоть, где счастливо жила душа былая,
Лобзаньем заклеянит, от ярости пылая...

Но я, Нарцисс, любим — мне собственная суть
Одна лишь любопытна.
И кажется другим — всем тем, кто в нетях суть,
Что сердце мое скрытно.
О тело властное! С тобою мы одно,
Средь смертных лучшего любить мне суждено.
О нежнозолотой! Святей найду ль кумира
В лесах иль в глубине лазурного эфира
Средь птиц бесчисленных, живящих небосвод?
Возможно ль превзойти щедроты темных вод
И гаснущего дня ко мне расположенье?
Что может лучше быть, чем это отраженье?
О тайная любовь, зажги меж нас огни,
Молчанье с милостью навеки породни!
Дитя души и волн, двойник зеркальный, здравствуй!
Бери свой полумир и безраздельно властвуй!
Пусть нежность здесь свою испытывает власть,
Пусть к себе припав, собой упьется всласть!
Ты, сходствуя с мечтой моею, совершенен,

D'une amour trop pareille à la faible amitié!
Hélas! la nymphe même a séparé nos charmes!
Puis-je espérer de toi que de vaines alarmes?
Qu'ils sont doux les périls que nous pourrions choisir!
Se surprendre soi-même et soi-même saisir,
Nos mains s'entremêler, nos maux s'entre-détruire,
Nos silences longtemps de leurs songes s'instruire,
La même nuit en pleurs confondre nos yeux clos,
Et nos bras refermés sur les mêmes sanglots
Êtreindre un même cœur, d'amour prêt à se fondre...
Quitte enfin le silence, ose enfin me répondre,
Bel et cruel Narcisse, inaccessible enfant,
Tout orné de mes biens que la nymphe défend...

III

... Ce corps si pur, sait-il qu'il me puisse séduire?
De quelle profondeur songes-tu de m'instruire,
Habitant de l'abîme, hôte si précieux
D'un ciel sombre ici-bas précipité des cieux?
Ô le frais ornement de ma triste tendance
Qu'un sourire si proche, et plein de confiance,
Et qui prête à ma lèvre une ombre de danger
Jusqu'à me faire craindre un désir étranger!
Quel souffle vient à l'onde offrir ta froide rose!...
« J'aime... J'aime!... » Et qui donc peut aimer autre chose
Que soi-même?...

Toi seul, ô mon corps, mon cher corps,
Je t'aime, unique objet qui me défends des morts.

.....

И в хрупкости своей ты неприкосновенен!
Но ты всего лишь свет, возлюбленная часть!
И дружбе басенной подобна наша страсть!..
Услышав нимфы вздох, бежим мы друг от друга!
Что кроме тщетного узнаю я испуга?
Как нежен выбор наш — поднять переполох,
Себя настигнуть вдруг, застав себя врасплох!
Рука с рукой сплелась, зло самоистребилось
Молчание давно само себе приснилось.
Одна и та же ночь закрыла нам глаза,
Из них упала в тьму единая слеза.
И сердце сжав одно, любовь уйти готова...
Нарушь молчание, скажи лишь только слово!
Балуют нимфы тут, Нарцисса очертя,
Ты недоступен мне, жестокое дитя...

III

...Невинный знает ли, что обольщать умеет?
В какую глубину меня завлечь посмеет
Насельник пропасти и властелин чудес
Во мраке зеркала, упавшего с небес?
Печальное мое, оживлено стремленье,
Полно доверия улыбки приближенья...
Но мне мерещится, что губы чуть дрожат —
Желанья новые меня уже страшат!
Под ветром на воде — холодные завой,
« Люблю!.. Люблю!.. » Но кто любить бы мог чужое,
А не свое?..

Свое лишь тело мне любить!
От мертвых лишь оно способно оградить.

.....

Formons, toi sur ma lèvre, et moi, dans mon silence,
Une prière aux dieux qu'émus de tant d'amour
Sur sa pente de pourpre ils arrêtent le jour!...
Faites, Maîtres heureux, Pères des justes fraudes,
Dites qu'une lueur de rose ou d'émeraudes
Que des songes du soir votre sceptre reprit,
Pure, et toute pareille au plus pur de l'esprit,
Attende, au sein des cieux, que tu vives et veilles,
Près de moi, mon amour, choisir un lit de feuilles,
Sortir tremblant du flanc de la nymphe au cœur froid,
Et sans quitter mes yeux, sans cesser d'être moi,
Tendre ta forme fraîche, et cette claire écorce...
Oh! te saisir enfin!... Prendre ce calme torse
Plus pur que d'une femme et non formé de fruits...
Mais, d'une pierre simple est le temple où je suis,
Où je vis. . . Car je vis sur tes lèvres avares!...
Ô mon corps, mon cher corps, temple qui me sépare
De ma divinité, je voudrais apaiser
Votre bouche... Et bientôt, je briserais, baiser,
Ce peu qui nous défend de l'extrême existence,
Cette tremblante, frêle, et pieuse distance
Entre moi-même et l'onde, et mon âme, et les dieux!
Adieu... Sens-tu frémir mille flottants adieux?
Bientôt va frissonner le désordre des ombres!
L'arbre aveugle vers l'arbre étend ses membres sombres,
Et cherche affreusement l'arbre qui disparaît...
Mon âme ainsi se perd dans sa propre forêt,
Où la puissance échappe à ses formes suprêmes...
L'âme, l'âme aux yeux noirs, touche aux ténèbres mêmes,
Elle se fait immense et ne rencontre rien...
Entre la mort et soi, quel regard est le sien!

Ты — на моих устах, а я — в своем молчаньи
Прочтем одну мольбу трепещущей любви:
Багрянородный бог, свой спуск останови!
Блаженные Отцы всех праведных обманов,
Пусть изумрудный луч помедлит средь туманов,
Заря вечерняя, чуть—чуть еще пордей!
Помедлив на небе, с чистойшей из идей,
Своей прозрачностью и чистотою схожий
Сойди ко мне, двойник, на лиственное ложе,
От нимфы отделись холодною душой,
Оставшись видным мне и будучи все мной,
Возникнув, воплотись, яви себя мне смело...
О! Наконец схватить и сжать в объятьях тело
Не женски—мягкое, как мякоть у плода,
А твердое, как храм из каменного льда,
В котором я живу... Но губы оживают!
О тело, чудный храм, что от меня скрывает
Божественность мою... Хочу я усмирить
Безумство этих губ и вдребезги разбить
Ту крохотную грань, запрет существованью,
Чуть—чуть дрожащее благое расстояние
Меж богом и душой, меж мною и волной,
Прощай... Вокруг плывут подвижной пеленой
Прощаний тысячи... И тени вдруг восстанут!
Слепые деревья во мраке ветви тянут
И ищут, жуткие, того, кто в нем исчез...
Душа моя зашла в непроходимый лес,
И обессилела в стремлении непокорном,
И самой черноты коснувшись оком черным,
Уперлась в пустоту, бесплодна и нема...
О что за взглядом смерть глядит в себя сама!

Dieux! de l'auguste jour, le pâle et tendre reste
Va des jours consumés joindre le sort funeste;
Il s'abîme aux enfers du profond souvenir!
Hélas! corps misérable, il est temps de s'unir...
Penche-toi... Baise-toi. Tremble de tout ton être!
L'insaisissable amour que tu me vins promettre
Passe, et dans un frisson, brise Narcisse, et fuit...

День царственный, сгорев, со скорбной вереницей
Уже ушедших дней пускай соединится —
В глубинах памяти готова им нора...
Плоть бедная, и ты соединишь — пора!..
Склоняйся и владей! Пусть, трепетом объята,
Придет любовь, что Ты мне обещал когда—то,
Нарцисса сокрушит, и скроется вдали... .

LA PYTHIE

La Pythie exhalant la flamme
De naseaux durcis par l'encens,
Haletante, ivre, hurle! ... l'âme
Affreuse, et les flancs mugissants!
Pâle, profondément mordue,
Et la prunelle suspendue
Au point le plus haut de l'horreur,
Le regard qui manque à son masque
S'arrache vivant à la vasque,
À la fumée, à la fureur!

Sur le mur, son ombre démente
Où domine un démon majeur,
Parmi l'odorante tourmente
Prodigue un fantôme nageur,
De qui la transe colossale,
Rompant les aplombs de la salle,
Si la folle tarde à hennir,
Mime de noirs enthousiasmes,
Hâte les dieux, presse les spasmes
De s'achever dans l'avenir!

ПИФИЯ

Ревет и изрыгает пламя,
Вся выгибается, дыша!
Хмелея в душном фимиаме,
В падучей корчится душа!
Бледна, уязвлена глубоко!
Недвижное, достигло око
Вершины ужаса. А взгляд,
Безглазую оставив маску,
Вперен в чудовищную пляску,
И темной яростью объят!

Среди бушующей стихии
Безумной тенью восстает,
Где правят демоны глухие
По стенам призраком плывет.
Рычит, и грозные раскаты
Взрывают тишину палаты.
На миг утишив вой, взамен,
Торопит родовые спазмы,
Вдыхая черные миазмы
Грядущих в темноте времен.

Cette martyre en sueurs froides,
Ses doigts sur ses doigts se crispant,
Vocifère entre les ruades
D'un trépied qu'étrangle un serpent :
— Ah! maudite! ... Quels maux je souffre!
Toute ma nature est un gouffre!
Hélas! Entr'ouverte aux esprits,
J'ai perdu mon propre mystère! ...
Une Intelligence adultère
Exerce un corps qu'elle a compris!

Don cruel! Maître immonde, cesse
Vite, vite, ô divin ferment,
De feindre une vaine grossesse
Dans ce pur ventre sans amant!
Fais finir cette horrible scène!
Vois de tout mon corps l'arc obscène
Tendre à se rompre pour darder,
Comme son trait le plus infâme,
Implacablement au ciel l'âme
Que mon sein ne peut plus garder!

Qui me parle, à ma place même?
Quel écho me répond : tu mens!
Qui m'illumine? ... Qui blasphème?
Et qui, de ces mots écumants,
Dont les éclats hachent ma langue,
La fait brandir une harangue
Brisant la bave et les cheveux
Que mâche et trame le désordre
D'une bouche qui veut se mordre
Et se reprendre ses aveux?

Змея треножник обвивает,
Блестит стальной чешуей.
В ознобе Пифия зывает,
Раскачиваясь со змеей:
— Несчастливая! Что за страданье!
Я вся разверстое зиянье!
Последний перейдя предел,
Я тайну потеряла разом,
И похотливый Высший Разум
Мной, понятою, овладел.

Жестокий дар! Насильник грязный!
Прияв бесплодное зерно,
Вспухает чрево безобразно,
Не быв оплодотворено.
О, моего не для позора!
Открытое бесстыдно взору,
Натянутою тетивой
Сорваться вдруг готово тело,
Что душу в небо захотело
Пустить отравленной стрелой!

О Ты, чей голос сплелся вместе
С моим, Ты, просвещая, — жжешь!
Кто воет тут, богов бесчестя?
Чье эхо мне гремит: ты лжешь!
Язык сминая мой и рана
Волною пенящейся брани,
Кто нудит рот произносить
Косноязычные признанья,
Сквозь зубы, сжатые в желанья
Себя же в страхе укусить?

Dieu! Je ne me connais de crime
Que d'avoir à peine vécu! ...
Mais si tu me prends pour victime
Et sur l'autel d'un corps vaincu
Si tu courbes un monstre, tue
Ce monstre, et la bête abattue,
Le col tranché, le chef produit
Par les crins qui tirent les tempes,
Que cette plus pâle des lampes
Saisisse de marbre la nuit!

Alors, par cette vagabonde
Morte, errante, et lune à jamais,
Soit l'eau des mers surprise, et l'onde
Astreinte à d'éternels sommets!
Que soient les humains faits statues,
Les cœurs figés, les âmes tues,
Et par les glaces de mon œil,
Puisse un peuple de leurs paroles
Durcir en un peuple d'idoles
Muet de sottise et d'orgueil!

Eh! Quoi! ... Devenir la vipère
Dont tout le ressort de frissons
Surprend la chair que désespère
Sa multitude de tronçons! ...
Reprendre une lutte insensée! ...
Tourne donc plutôt ta pensée
Vers la joie enfuie, et reviens,
Ô mémoire, à cette magie
Qui ne tirait son énergie
D'autres arcanes que des tiens!

Я лишь в одном повинна, боги —
Едва жила я до сих пор!
Но коль решили вы в итоге
Меня отправить под топор,
Схватили чудище, пригнули
К земле его и полоснули
По горлу, после за виски
Подняли голову победно...
Пусть затвердеет сумрак бледный
В недвижность мраморной доски!

И пусть тогда морские воды
Веленьем странницы—луны
Под вечные подступят своды
Их воле впредь подчинены.
Моих очей холодный пламень
Да обратит в безмолвный камень,
В застылых идиолов немых,
Во статуи с душою трупа
Людей с их гордостью столь глупой
И болтовней несносной их!

О! Каково! Мне — стать змеєю?
Всю плоть мою в пружину сжать?
Членений мелкою игрою
Переливаться и дрожать?
Бессмысленную прю земную
Возобновить? О нет! Верну я
Давно забытую мечту!
О память! Силою целебной,
Алхимией своей волшебной
Восставь былую красоту!

Mon cher corps ... forme préférée,
Fraîcheur par qui ne fut jamais
Aphrodite désaltérée,
Intacte nuit, tendres sommets,
Et vos partages indicibles
D'une argile en îles sensibles,
Douce matière de mon sort,
Quelle alliance nous vécûmes,
Avant que le don des écumes
Ait fait de toi ce corps de mort!

Toi, mon épaule, où l'or se joue
D'une fontaine de noirceur,
J'aimais de te joindre ma joue
Fondue à sa même douceur!...
Ou, soulevée à mes narines,
Ouvrte aux distances marines,
Les mains pleines de seins vivants,
Entre mes bras aux belles anses
Mon abîme a bu les immenses
Profondeurs qu'apportent les vents!

Hélas! ô roses, toute lyre
Contient la modulation!
Un soir, de mon triste délire
Parut la constellation!
Le temple se change dans l'antré,
Et l'ouragan des songes entre
Au même ciel qui fut si beau!
Il faut gémir, il faut atteindre
Je ne sais quelle extase, et ceindre
Ma chevelure d'un lambeau!

Возлюбленное воплощенье!
Телесный облик красоты!
Неутоленным вождельем
Для Афродиты было ты!
Все впадинки твои, вершины,
Из чуткой вылеплены глины,
Средь пены окарин и труб,
Как острова, огнем пылали...
Но Орки сделать возжелали
Из них вот этот стылый труп!

О как к тебе, златолитая
Плеча сверкающая тьма,
Люблю щекой прильнуть я, тая,
От нежности сходя с ума!
Трепещут ноздри, чужая пряный
Соленый ветер океана!
Из бездны хлынувший прилив
Ко мне все выше подступает.
И бездна бездну принимает,
Объятая жадные раскрыв!

Свой строй — увы! — сменило пенье,
Был выставлен печальный знак,
И указанье к помрачению
Вдруг высветил мне Зодиак.
И храма каменные своды
Пещерой стали. Непогода
Вдруг омрачила небеса —
И, исступленья достигая,
Мечусь я, пламя изрыгая,
Вздымая дыбом волоса!

Ils m'ont connue aux bleus stigmates
Apparus sur ma pauvre peau;
Ils m'assoupirent d'aromates
Laineux et doux comme un troupeau;
Ils ont, pour vivant amulette,
Touché ma gorge qui halète
Sous les ornements vipérins;
Étourdie, ivre d'empyreumes,
Ils m'ont, au murmure de neumes,
Rendu des honneurs souterrains.

Qu'ai-je donc fait qui me condamne
Pure, à ces rites odieux?
Une sombre carcasse d'âne
Eût bien servi de ruche aux dieux!
Mais une vierge consacrée
Une conque neuve et nacrée
Ne doit à la divinité
Que sacrifice et que silence,
Et cette intime violence
Que se fait la virginité!

Pourquoi, Puissance Créatrice,
Auteur du mystère animal,
Dans cette vierge pour matrice,
Semer les merveilles du mal!
Sont-ce les dons que tu m'accordes?
Crois-tu, quand se brisent les cordes
Que le son jaillisse plus beau?
Ton plectre a frappé sur mon torse,
Mais tu ne lui laisses la force
Que de sonner comme un tombeau!

Меня узнали по стигматам
На коже высохшей моей,
И усыпили ароматом,
Дыханья детского нежней.
Они груди моей коснулись,
Где странной вязью изогнулись
Узоры явные змеи,
Над спящею во мгле куренья
Под тихожалобное пенье
Свершили таинства свои.

Что сделать я сумела, чтобы
Быть мучимой ужасно так?
Снесет богов глухую злобу
Ослиный разве лишь костяк!
Но ребра девственницы хрупки,
Жемчужной устричной скорлупке
Нести не можно ничего
Без запредельного мученья —
Лишь только тяжесть отреченья
И бремя девства своего!

О Силы Творческого Гнева!
Мне воля ваша неясна —
Зачем для жуткого посева
Вам девственные ложесна?
Так вот дары, что мне даются?
Вы верите, что струны рвутся
Чтоб грянул самый лучший звук?
Вы плектром мне по торсу бьете,
Но слышится мне в каждой ноте
Кирки могильной мертвый стук.

Sois clémente, sois sans oracles!
Et de tes merveilleuses mains,
Change en caresses les miracles,
Retiens les présents surhumains!
C'est en vain que tu communique
À nos faibles tiges, d' uniques
Commutations de ta splendeur!
L'eau tranquille est plus transparente
Que toute tempête parente
D'une confuse profondeur!

Va, la lumière la divine
N'est pas l'épouvantable éclair
Qui nous devance et nous devine
Comme un songe cruel et clair!
Il éclate! ... Il va nous instruire! ...
Non! ... La solitude vient luire
Dans la plaie immense des airs
Où nulle pâle architecture,
Mais la déchirante rupture
Nous imprime de purs déserts!

N'allez donc, mains universelles,
Tirer de mon front orageux
Quelques suprêmes étincelles!
Les hasards font les mêmes jeux!
Le passé, l'avenir sont frères
Et par leurs visages contraires
Une seule tête pâlit
De ne voir où qu'elle regarde
Qu'une même absence hagarde
D'îles plus belles que l'oubli.

Я отвергаю дар прозрений!
О Гнев, себя умилосердь —
Пусть лаской станет огонь мучений,
Пусть от меня отступит смерть!
Твоей могущественной Силой
Трясется втуне стебель хилый —
Избытки эти не нужны:
Вода спокойная прозрачней
Взвихренной буйством бури мрачной
Беснующейся глубины.

Приди не в этом сне жестоком,
Не страшной молнией ударь —
Всеозаряющим потоком
Хлынь, Дивный Свет, на мой алтарь!
Он хлынул! Что—то возвещает!..
Нет! Только пропасть освещает
Бездонно—мертвой черноты,
Зияющую в тьме зловей,
Где не мелькнет и тени вещи
Средь совершенной пустоты.

Нет нужды силою могучей,
Играя, искры высекать!
Все то же сделает и случай!
Что можно в темноте искать?
Ведь будущее с прошлым — братья,
Навек сплетенные в объятьи.
Двулика их голова
В две стороны глядит... Однако,
К ней с двух сторон плывут из мрака
Глухих забвений острова.

Noirs témoins de tant de lumières
Ne cherchez plus ... Pleurez, mes yeux!
Ô pleurs dont les sources premières
Sont trop profondes dans les cieux! ...
Jamais plus amère demande! ...
Mais la prunelle la plus grande
De ténèbres se doit nourrir! ...
Tenant notre race atterrée,
La distance désespérée
Nous laisse le temps de mourir!

Entends, mon âme, entends ces fleuves!
Quelles cavernes sont ici?
Est-ce mon sang? ... sont-ce les neuves
Rumeurs des ondes sans merci?
Mes secrets sonnent leurs aurores!
Tristes airains, tempes sonores,
Que dites-vous de l'avenir!
Frappez, frappez, dans une roche,
Abattez l'heure la plus proche ...
Mes deux natures vont s'unir!

Ô formidablement gravie,
Et sur d'effrayants échelons,
Je sens dans l'arbre de ma vie
La mort monter de mes talons!
Le long de ma ligne frileuse
Le doigt mouillé de la fileuse,
Trace une atroce volonté!
Et par les sanglots grimpe la crise
Jusque dans ma nuque où se brise
Une cime de volupté!

Довольно свет искать, печально
Сквозь слезы всматриваясь в тьму,
Тех слез исток первоначальный
Не виден взору моему...
Лишь вышняя зеница ищет
Себе во мраке этом пищи!
Недостижима неба твердь —
Весь род людской к земле придавлен
И в одиночестве оставлен,
Пока свою не встретит смерть!

Душа! Мне эти звуки внове —
Что значит этот странный гул?
Биенье сердца? Шелест крови?
Валов безжалостных разгул?
Что возвещает мне победный
В висках звенящий голос медный?
Он мне о будущем звенит!
И бьется колоколом в скалы
Тот час, что с силой небывалой
Раздвоенное соединит!

Стою пред страшною ступенью,
Ведущей к самой вышине,
Из глубины ползущей тенью
Смерть подымается ко мне.
И пальцы Парок чуют чутко
Как нить моя забила жутко!
Гляди! Сейчас ее порвет!
И жизнь средь стонов и рыданий,
Среди последних содроганий
В вершине счастья замрет.

Ah! brise les portes vivantes!
Fais craquer les vains scellements
Épais troupeau des épouvantes,
Hérissé d'étincellements!
Surgis des étables funèbres
Où te nourrissaient mes ténèbres
De leur fabuleuse foison!
Bondis, de rêves trop repue,
Ô horde épineuse et crépue,
Et viens fumer dans l'or, Toison!

*

Telle, toujours plus tourmentée,
Déraisonne, râle et rugit
La prophétesse fomentée
Par les souffles de l'or rougi.
Mais enfin le ciel se déclare!
L'oreille du pontife hilare
S'aventure dans le futur :
Une attente sainte la penche,
Car une voix nouvelle et blanche
Échappe de ce corps impur.

*

Honneur des Hommes, Saint LANGAGE,
Discours prophétique et paré,
Belles chaînes en qui s'engage
Le dieu dans la chair égaré,
Illumination, largesse!

Стада, исполненные страха!
Довольно в ужасе мычать!
Выламывайте дверь с размаха,
Сорвав ненужную печать!
Взрывайте сумрачные недра,
Где вас я воскормила щедро,
Тяжелым сковывая сном!
Щетинясь зло, вздымаясь гордо,
Бушуйте яростные орды,
Сверкайте Золотым Руном!

*

Так, в жутких судорогах боли,
Безумная, она вопит
И возбуждается все боле.
А золото, дымясь, кипит...
Но глас небес себя являет!
И ухо радостно склоняет
К живому трупу Главный Жрец.
И голос призрачно—бесцветный,
Звучащий из тиши заветной,
Теперь расслышан наконец.

*

О, мерное великолепье!
О наша честь, Святой ЯЗЫК!
Твоих законов легкой цепью
Сам Бог смирать себя привык.
Как знак несслыханной щедроты,

Voici parler une Sagesse
Et sonner cette auguste Voix
Qui se connaît quand elle sonne
N'être plus la voix de personne
Tant que des ondes et des bois!

Раздались царственные ноты,
Не человечесьи голоса
Звучат в небесном стройном хоре —
То говорит живое море,
Ревут валы, шумят леса!

LE SYLPHE

Ni vu ni connu
Je suis le parfum
Vivant et défunt
Dans le vent venu!

Ni vu ni connu
Hasard ou génie?
À peine venu
La tâche est finie!

Ni lu ni compris?
Aux meilleurs esprits
Que d'erreurs promises!

Ni vu ni connu,
Le temps d'un sein nu
Entre deux chemises!

СИЛЬФ

Ни тут и ни там —
Я лишь перелив,
Ни мертв и ни жив —
Потеха ветрам!

Ни там и ни тут —
Ни духа, ни тела,
Чуть только вздохнут —
И кончено дело.

Ни нечет ни чет?
В точнейший расчет Ошибку подкину!

И виден и нет —
Как грудь, я одет
В двойную холстину!

L'INSINUANT

Ô Courbes, méandre,
Secret du menteur,
Est-il art plus tendre
Que cette lenteur?

Je sais où je vais,
Je t'y veux conduire,
Mon dessein mauvais
N'est pas de te nuire...

(Quoique souriante
En pleine fierté,
Tant de liberté
La désoriente!)

Ô Courbes, méandre,
Secret du menteur,
Je veux faire attendre
Le mot le plus tendre.

ВКРАДЧИВЫЙ

Излуки, извивы
Таинственных нот.
О сколь прихотлива
Наука длиннот!

Клоню я куда?
Ужели не ясно?
Не будет вреда,
Хотя и опасно.

(Пьянящий избыток
Всех с толку собьет —
Пусть, гордая, пьет
Веселый напиток

И нетерпеливо
Ждет ноту из нот.)
Излуки, извивы
Я вью прихотливо.

LA FAUSSE MORTE

Humblement, tendrement, sur le tombeau charmant,
Sur l'insensible monument,
Que d'ombres, d'abandons, et d'amour prodiguée,
Forme ta grâce fatiguée,
Je meurs, je meurs sur toi, je tombe et je m'abats,

Mais à peine abattu sur le sépulcre bas,
Dont la close étendue aux cendres me convie,
Cette morte apparente, en qui revient la vie,
Frémit, rouvre les yeux, m'illumine et me mord,
Et m'arrache toujours une nouvelle mort
Plus précieuse que la vie.

МНИМОМЕРТВАЯ

В смиреньи, с нежностью, над мраморной плитой,
Бесчувственную чернотой,
Там, где усталые твои благоволения
Прядут из теней тьму забвенья,
Склоняясь, падаю, проваливаюсь в тьму,
В подземный мрачный склеп, в холодную тюрьму,
В стеснение тленное, над прахом цепеня...
Вдруг мнимомертвая — какая сила с нею? —
Дрожа, язвит мне грудь, пронзив немую твердь,
И тянет из меня сияющую смерть,
Что жизни прожитой ценнее.

ÉBAUCHE D'UN SERPENT

Parmi l'arbre, la brise berce
La vipère que je vêtis;
Un sourire, que la dent perce
Et qu'elle éclaire d'appétits,
Sur le Jardin se risque et rôde,
Et mon triangle d'émeraude
Tire sa langue à double fil...
Bête que je suis, mais bête aiguë,
De qui le venin quoique vil
Laisse loin la sage ciguë!

Suave est ce temps de plaisance!
Tremblez, mortels! Je suis bien fort
Quand jamais à ma suffisance,
Je bâille à briser le ressort!
La splendeur de l'azur aiguise
Cette guivre qui me déguise
D'animale simplicité;
Venez à moi, race étourdie!
Je suis debout et dégourdie,
Pareille à la nécessité!

ПОПЫТКА ЗМЕЯ

Мне ветка яблони что зыбка
Ее змеєю обовью.
И, щеря зуб, моя улыбка
Пойдет одна бродить в Раю.
Окутан кожей нагольной
Главой качаю треугольной,
Язык — раздвоенная нить...
Я зверь, но, как меня ни кутай,
Все острие ума не скрыть!
Мой яд сильнее, чем цикута!

Разнежусь, кольца завивая,
Я смертным страшен! Полон сил,
Я чуть сейчас, во всю зеваю,
Пружины не перекосил!
Лазурь мне блеска добавляет —
Ведь Змей, что суть мою скрывает,
Как зверь, бесхитростен и прост.
Явитесь, люди, предо мною!
Необходимостью стальнойю
Во весь пред вами встану рост!

Soleil, soleil!... Faute éclatante!
Toi qui masques la mort, Soleil,
Sous l'azur et l'or d'une tente
Où les fleurs tiennent leur conseil;
Par d'impénétrables délices,
Toi, le plus fier de mes complices,
Et de mes pièges le plus haut,
Tu gardes le cœur de connaître
Que l'univers n'est qu'un défaut
Dans la pureté du Non-être!

Grand Soleil, qui sonnes l'éveil
À l'être, et de feux l'accompagnes,
Toi qui l'enfermes d'un sommeil
Trompeusement peint de campagnes,
Fauteur des fantômes joyeux
Qui rendent sujette des yeux
La présence obscure de l'âme,
Toujours le mensonge m'a plu
Que tu répands sur l'absolu,
Ô roi des ombres fait de flamme!

Verse-moi ta brute chaleur,
Où vient ma paresse glacée
Rêvasser de quelque malheur
Selon ma nature enlacée...
Ce lieu charmant qui vit la chair
Choir et se joindre m'est très cher!
Ma fureur, ici, se fait mûre;
Je la conseille et la recuis,

Смерть скрыта золотом багровым —
О Солнце, ты — случайный всплеск!
Все живо здесь твоим покровом,
Но западня твой лживый блеск!
Под этой маскою надменной
Тщета скрывается Вселенной,
И знает мудрая Змея:
Пусть сердце бьется легковерно —
Средь чистоты Небытия
Наш мир — лишь мелкая каверна!

Всех сущих сковываешь сном
Правдоподобно пасторальным,
И, провожая их огнем,
Ты звоном будишь их хрустальным,
Смеясь, химеры создаешь
И взору зримое даешь,
Над вечностью взмахни крылами!
Обман твой вновь меня пленил,
Ты душу смутно осветил,
О Царь теней, чье тело — пламя!

Тепло звериное пролей! —
В него вползу с холодной ленью.
В натуре свившейся моей —
В тепле мечтать о преступленьи.
Мне этот угол сада мил
Тут утолился плотский пыл...
Тут ярость славно так клокочет,
Мы тут советуемся с ней,

Je m'écoute, et dans mes circuits,
Ma méditation murmure...

Ô Vanité! Cause Première!
Celui qui règne dans les Cieux,
D'une voix qui fut la lumière
Ouvrit l'univers spacieux.
Comme las de son pur spectacle,
Dieu lui-même a rompu l'obstacle
De sa parfaite éternité;
Il se fit Celui qui dissipe
En conséquences, son Principe,
En étoiles, son Unité.

Cieux, son erreur! Temps, sa ruine!
Et l'abîme animal, béant!...
Quelle chute dans l'origine
Étincelle au lieu de néant!...
Mais, le premier mot de son Verbe,
MOI!... Des astres le plus superbe
Qu'ait parlés le fou créateur,
Je suis!... Je serai!... J'illumine
La diminution divine
De tous les feux du Séducteur!

Objet radieux de ma haine,
Vous que j'aimais éperdument,
Vous qui dîtes de la géhenne
Donner l'empire à cet amant,
Regardez-vous dans ma ténèbre!

Тут, в кольца заплетаясь, Змей
Свои заклания бормочет.

Зов пустоты — начальный повод!
Творец светящийся эфир,
Как голос свой, как первый довод,
Возжег — и распахнулся мир!
Бог совершенную монаду
Разрушил, разорвав преграду
Столь надоевших вечных век,
На брызги раздробил криницу,
На мириады — единицу,
Ничто в вещественность облек!

И Твердь и Время — заблужденье!
Разверзшаяся полынья,
В исток внезапное паденье —
Всполох среди небытия!
«Я! Я!» — грохочет Первослово,
Нет! Собеседника иного
Безумному Творцу не знать!
Средь звезд я первый! Есмь! Пребуду!
Соблазнов гаснущую груду
Огнями озарю опять!

Твой свет люблю я иступленно!
Твой ненавижу ореол!
Твоею волей я Геенну
В свое владенье приобрел!
Как в зеркало, в мой сумрак глядя,

Devant votre image funèbre,
Orgueil de mon sombre miroir,
Si profond fut votre malaise
Que votre souffle sur la glaise
Fut un soupir de désespoir!

En vain, Vous avez, dans la fange,
Pétri de faciles enfants,
Qui de Vos actes triomphants
Tout le jour Vous fissent louange!
Sitôt pétris, sitôt soufflés,
Maître Serpent les a sifflés,
Les beaux enfants que Vous créez!
Holà! dit-il, nouveaux venus!
Vous êtes des hommes tout nus,
Ô bêtes blanches et béates!

À la ressemblance exécrée,
Vous fûtes faits, et je vous hais!
Comme je hais le Nom qui crée
Tant de prodiges imparfaits!
Je suis Celui qui modifie,
Je retouche au cœur qui s'y fie,
D'un doigt sûr et mystérieux!...
Nous changerons ces molles œuvres,
Et ces évasives couleuvres,
En des reptiles furieux!

Mon Innombrable Intelligence
Touche dans l'âme des humains

Ты видишь гордость черной глади,
Где похоронен образ Твой,
Исполнен Ты таким страданием,
Что глина под Твоим дыханием
Отчаянья исторгнет вой!

Напрасно все же в этом иле
Двух простецов Ты замесил,
Чтоб ежедневно Богу Сил
Они молитвы возносили.
Едва на солнце ил подсох
Я к ним подполз: мол, ах да ох!
И ну шипеть свои глаголы:
Новоприбывшим, мол, я рад!
Мне белыши ласкают взгляд!..
Да вы же... совершенно голы!

Как гнусно вы Ему подобны,
Мерзит мне самый ваш замес!
О, как я ненавижу злобно
Творца сплошных недочудес!
Я Тот, кто вносит исправленья
В несовершенные творенья!
Великий Мастер миражей
Исправит недосотворенных,
И в двух рептилий разъяренных
Бесцветных обратит ужей!

Я в самом сокровенном месте
Души их, действуя с умом,

Un instrument de ma vengeance
Qui fut assemblé de tes mains!
Et ta Paternité voilée,
Quoique, dans sa chambre étoilée,
Elle n'accueille que l'encens,
Toutefois l'excès de mes charmes
Pourra de lointaines alarmes
Troubler ses desseins tout-puissants!

Je vais, je viens, je glisse, plonge,
Je disparais dans un cœur si pur!
Fut-il jamais de sein si dur
Qu'on n'y puisse loger un songe!
Qui que tu sois, ne suis-je point
Cette complaisance qui point
Dans ton âme lorsqu'elle s'aime?
Je suis au fond de sa faveur
Cette inimitable saveur
Que tu ne trouves qu'à toi-même!

Ève, jadis, je la surpris,
Parmi ses premières pensées,
La lèvre entr'ouverte aux esprits
Qui naissaient des roses bercés.
Cette parfaite m'apparut,
Son flanc vaste et d'or parcouru
Ne craignant le soleil ni l'homme;
Tout offerte aux regards de l'air
L'âme encore stupide, et comme
Interdite au seuil de la chair.

Расшевелю орудье мести,
Что создано Его трудом!
Пускай Он в вышних и овамo
Доходят только фимиамы,
Но и пределов звездных куш
Достигнет смутная тревога,
Родив сомнение у Бога
Что он велик и всемогущ!

Верчусь и вьюсь я в склизкой коже,
Чтоб прямо в сердце проскользнуть,
Видал ли кто такую грудь,
Чтоб были сны в нее не вхожи?
И кто б кем ни был, разве я
Не есмь любезная змея
Души, самой собой любимой?
Ее глубинный я искус,
Ее неповторимый вкус,
В самой себе лишь находимый! .

Я Еву давеча врасплох
Застал в раздумье погруженной —
Застыв, ловила каждый вздох
Живыми розами рожденный,
Сверкала смелой белизной,
Ни человек, ни жар дневной
Не страшен был холоднокровной
С душой совсем еще тупой,
Душой бескрылою, со словно
К земле приросшею стопой.

Ô masse de béatitude,
Tu es si belle, juste prix
De la toute sollicitude
Des bons et des meilleurs esprits!
Pour qu'à tes lèvres ils soient pris
Il leur suffit que tu soupirez!
Les plus purs s'y penchent les pires,
Les plus durs sont les plus meurtris...
Jusques à moi, tu m'attendris,
De qui relèvent les vampires!

Oui! De mon poste de feuillage
Reptile aux extases d'oiseau,
Cependant que mon babillage
Tissait de ruses le réseau,
Je te buvais, ô belle sourde!
Calme, claire, de charmes lourde,
Je dormirais furtivement,
L'œil dans l'or ardent de ta laine,
Ta nuque énigmatique et pleine
Des secrets de ton mouvement!

J'étais présent comme une odeur,
Comme l'arome d'une idée
Dont ne puisse être élucidée
L'insidieuse profondeur!
Et je t'inquiétais, candeur,
Ô chair mollement décidée,
Sans que je t'eusse intimidée,
À chanceler dans la splendeur!

О ты, прекраснейшая груди
Наверно признанной цены!
Не уступаешь ты покуда
Усилья не применены.
Чтоб были все покорены
Довольно чтобы ты вздохнула —
Сильнейших круто ты согнула,
Чистейшие — теперь грешны ...
А я... до самой глубины
Ты и вампира всколыхнула.

В густой листве лежу на страже,
А между тем средь болтовни
Рептилия и в птичьем раже
Сплела ячеи западни.
Ты мною выпита, но сладко
Мне наблюдать тебя украдкой.
Уснул я, глаз уставив свой
В волос твоих златые волны,
В затылок твой, как будто полный
Секретов прелести глухой!

Здесь воздух весь пропитан мной...
Змеиных мыслей ароматы
В сцепленьях вьются, неразъяты,
Маня лукавой глубиной.
Тебя смутил я новизной —
И плоть решила без возврата,
Хотя ей чуть и страшновато
Стоять над этой крутизной...

Bientôt, je t'aurai, je parie,
Déjà ta nuance varie!

(La superbe simplicité
Demande d'immense égards!
Sa transparence de regards,
Sottise, orgueil, félicité,
Gardent bien la belle cité!
Sachons lui créer des hasards,
Et par ce plus rare des arts,
Soit le cœur pur sollicité;
C'est là mon fort, c'est là mon fin,
À moi les moyens de ma fin!)

Or, d'une éblouissante bave,
Filons les systèmes légers
Où l'oisive et l'Ève suave
S'engage en de vagues dangers!
Que sous une charge de soie
Tremble la peau de cette proie
Accoutumée au seul azur!...
Mais de gaze point de subtile,
Ni de fil invisible et sûr,
Plus qu'une trame de mon style!

Dore, langue! dore-lui les
Plus doux des dits que tu connais!
Allusions, fables, finesses,
Mille silences ciselés,
Use de tout ce qui lui nuise:

По знакам всем — готов ручаться —
Недолго ей сопротивляться!

(Гордящаяся простота —
Замысловатейший предмет!
Очей невинно—ясный свет,
Безмыслие и чистота
Хранят — надежнее щита.
Создать случайность — вот секрет,
Искусства изошренной нет,
Им будет дверца отперта.
Мое тут нужно мастерство —
С ним Змея сродно естество!)

Итак блестящей струйкой слюнной
Систему легкую сплетем —
Опасный план для Евы юной —
Пускай запутается в нем!
Пойдут по жертве волны дрожи,
Мой шелк тяжел для нежной кожи —
Привычна ей лазурь одна!
Не вынесет прозрачной дымки,
Что будет мною сплетена
Из прочной нити—невидимки.

Раззолоти, язык, наи—
Приятнейшие изречения,
Остроты, умозаключенья,
Намеки, выдумки свои.
Пускай все эти средства вместе,

Rien qui ne flatte et ne l'induisse
À se perdre dans mes desseins,
Docile à ces pentes qui rendent
Aux profondeurs des bleus bassins
Les ruisseaux qui des cieux descendent!

Ô quelle prose non pareille,
Que d'esprit n'ai-je pas jeté
Dans le dédale duveté
De cette merveilleuse oreille!
Là, pensais-je, rien de perdu;
Tout profite au cœur suspendu!
Sûr triomphe! si ma parole,
De l'âme obsédant le trésor,
Comme une abeille une corolle
Ne quitte plus l'oreille d'or!

« Rien, lui soufflais-je, n'est moins sûr
Que la parole divine, Ève!
Une science vive crève
L'énormité de ce fruit mûr
N'écoute l'Être vieil et pur
Qui maudit la morsure brève
Que si ta bouche fait un rêve,
Cette soif qui songe à la sève,
Ce délice à demi futur,
C'est l'éternité fondante, Ève! »

Elle buvait mes petits mots
Qui bâtissaient une œuvre étrange;

Приправлены крупицей лести,
Ее паденье повлечут.
Уклонам гибельным покорны,
Пусть синие ручьи стечут
С небес в глубокий омут черный!

О сколько я необычайной
Тончайшей прозы кружевной,
В пушистый лабиринт ушной
Забросил, словно бы случайно.
Не пропадет — я думал — даром,
Коль сердце медлит так с ударом!
Мое назойливое слово,
Как шмель у венчика цветка,
Звенит у уха золотого,
Победа — знаю я — близка!

И дышит жарко ей змея:
Божественное Слово лживо!
Боишься Старый очень живо,
Науки быстрой остря!
Сей спелый плод — мечта твоя,
Старик ее отнял ревниво —
Мол, будь покорна и стыдлива.
Но ты же, Ева, не пуглива:
Расплав тут чистый бытия —
Кусни — и будущее живо!»

Она впивала — я же пел,
Свивали сеть мои напевы,

Son œil, parfois, perdait un ange
Pour revenir à mes rameaux.
Le plus rusé des animaux
Qui te raille d'être si dure,
Ô perfide et grosse de maux,
N'est qu'une voix dans la verdure.
-Mais sérieuse l'Ève était
Qui sous la branche l'écoutait!

« Âme, disais-je, doux séjour
De toute extase prohibée,
Sens-tu la sinueuse amour
Que j'ai du Père dérobée?
Je l'ai, cette essence du Ciel,
À des fins plus douces que miel
Délicatement ordonnée...
Prends de ce fruit... Dresse ton bras!
Pour cueillir ce que tu voudras
Ta belle main te fut donnée! »

Quel silence battu d'un cil!
Mais quel souffle sous le sein sombre
Que mordait l'Arbre de son ombre!
L'autre brillait, comme un pistil!
-Siffle, siffle! me chantait-il!
Et je sentais frémir le nombre,
Tout le long de mon fouet subtil,
De ces replis dont je m'encombre:
Ils roulaient depuis le béryl
De ma crête, jusqu'au péril!

И взгляд ее, упав на Древо
Уже загадочно темнел...
Ведь тот, кто громче всех умел
Смеяться над твердыней чистой,
О, ты грешнейшее из тел, —
Был гласом в тьме зеленолистой!..
Строга стояла и важна,
Но все же слушала она!

Ты слышишь ли в своей алчбе
Страстей запретные призывы? —
Украва, пустил я по тебе
Любви горячие извивы!
Теперь он наш — небесный дар,
Он тоньше, слаще, чем нектар...
Ты, Ева, вся уже пылаешь —
Вот яблоко. Бери же, на!
На то рука тебе дана,
Чтоб брать все то, что пожелаешь!

Всего—то взмах ресничных взмыл,
Я ощутил ее дыханье
И тени легкое касанье...
Свисти!.. Свисти! — все говорил
Второй, но вдруг, как столб, застыл —
И пробежало содроганье
По всей длине змеиных жил,
И ярко вспыхнуло сознание,
Как гребня моего берилл,
И ужас нас волной накрыл.

Génie! Ô longue impatience!
À la fin, les temps sont venus,
Qu'un pas vers la neuve Science
Va donc jaillir de ces pieds nus!
Le marbre aspire, l'or se cambre!
Ces blondes bases d'ombre et d'ambre
Tremblent au bord du mouvement!...
Elle chancelle, la grande urne,
D'où va fuir le consentement
De l'apparente taciturne!

Du plaisir que tu te proposes
Cède, cher corps, cède aux appâts!
Que ta soif de métamorphoses
Autour de l'Arbre du Trépas
Engendre une chaîne de poses!
Viens sans venir! forme des pas
Vaguement comme lourds de roses...
Danse cher corps... Ne pense pas!
Ici les délices sont causes
Suffisantes au cours des choses!...

Ô follement que je m'offrais
Cette infertile jouissance:
Voir le long pur d'un dos si frais
Frémir la désobéissance!...
Déjà délivrant son essence
De sagesse et d'illusions,
Tout l'Arbre de la Connaissance
Échevelé de visions,

Вот и конец всей долгой муке!
Пусть робкий шаг босой стопы,
Что сделан к новой был Науке,
Продлится топотом толпы!
Так дышит мрамор, гнется золото!
Пусть дрожью белыши объяты
Перед развершимся жерлом —
Колелется Великий Случай,
И с очевидностью могучей
Согласье выпало «орлом»!

Разнообразью предложений
Поддайся, плоть, и согреси!
Пусть жажда перевоплощений
— Как эти позы хороши! —
Пробудит хоровод движений
Вкруг Древа Смертного в тиши!
Не ведай, милая, сомнений,
Не думай, знай себе пляши!
Для радостей и наслаждений
Не нужно лишних рассуждений!

Безумен, впрочем, я вполне,
Бесплодно это начинанье —
Гляди, по всей ее спине
Идет волна непослушанья!..
Открыв ей суть существованья
И показав Добро и Зло,
Все Древо вешее Познания,
Ожив, в неистовство пришло,

Аgitait son grand corps qui plonge
Au soleil, et suce le songe!

Arbre, grand Arbre, Ombre des Cieux,
Irrésistible Arbre des arbres,
Qui dans les faiblesses des marbres,
Poursuis des sucс délicieux,
Toi qui pousses tels labyrinthes
Par qui les ténèbres étreintes
S'iront perdre dans le saphir
De l'éternelle matinée,
Douce perte, arôme ou zéphiр,
Ou colombe prédestinée,

Ô Chanteur, ô secret buveur
Des plus profondes pierreries,
Berceau du reptile rêveur
Qui jeta l'Ève en rêveries,
Grand Être agité de savoir,
Qui toujours, comme pour mieux voir,
Grandis à l'appel de ta cime,
Toi qui dans l'or très pur promeus
Tes bras durs, tes rameaux fumeux,
D'autre part, creusant vers l'abîme,

Tu peux repousser l'infini
Qui n'est fait que de ta croissance,
Et de la tombe jusqu'au nid
Te sentir toute Connaissance!
Mais ce vieil amateur d'échecs,

И к солнцу ветви воздевает,
И сны священные впивает!

О Древо, Древо всех дерев,
Твой рост неударжим высокий!
Ты ищешь потайные соки,
Во сне глубоко обмерев.
Сколь страшные переплетенья,
Какие сгустки черной тени
Ты в небеса по жилам шлешь,
Что в утро выйдут ароматом,
Росой и голубем крылатым!..
А ты все дремлешь и поешь!

Сокровищ, скрытых в глубине,
Певец и потайной Искатель!
В навеянном тобою сне
Забылся с Евой Змей—мечтатель.
Ты, Древо, в буйной тяге знать
Растешь, чтоб лучше увидеть,
В ответ на зов своей вершины.
Но, в звездном золоте огней
Купая лес своих ветвей,
Корнями — рвешься ты в глубины!

О Древо, твой могучий рост
Дает безмерность мирозданию,
И от могил до вышних гнезд
Ты ощущаешь ход Познания!
Но Мастер шахматной игры,

Dans l'or oisif des soleils secs,
Sur ton branchage vient se tordre;
Ses yeux font frémir ton trésor.
Il en cherra des fruits de mort,
De désespoir et de désordre!

Beau serpent, bercé dans le bleu,
Je siffle, avec délicatesse,
Offrant à la gloire de Dieu
Le triomphe de ma tristesse...
Il me suffit que dans les airs,
L'immense espoir de fruits amers
Affole les fils de la fange...
- Cette soif qui te fit géant, Jusqu'à l'Être exalte l'étrange
Toute-Puissance du Néant!

Пытаясь скрыться от жары,
В твоих ветвях играет в прятки!
Он взглянет — все идет вразброд!
Сейчас он тут обронит плод
Отчаянья и беспорядка!

Свищу себе я, мудрый Змей,
Раскачиваюсь в поднебесье.
Печали торжество моей
Со славой Божьей — в равновесьи!
Надежда в песенке звучит —
Пускай познания плод горчит —
Пылают жаждой дети ила!..
То жажда древняя твоя,
Она до Жизни разъярила
Всесилие Небытия!

LES GRENADES

Dures grenades entr'ouvertes
Cédant à l'excès des vos grains,
Je crois voir des fronts souverains
Éclatés de leur découvertes!

Si les soleils par vous subis,
Ô grenades entre-bâillées,
Vous ont fait d'orgueil travaillées
Craquer les cloisons de rubis,

Et que si l'or sec de l'écorce
À la demande d'une force
Crève en gemmes rouges de jus,

Cette lumineuse rupture
Fait rêver une âme que j'eus
De sa secrète architecture.

ГРАНАТЫ

Нет, не тяжелого граната,
Зернистая, вспухает плоть —
То мысли рвутся расколоть
Чело высокое Сократа!

О, если в августовский жар
Разверзся на две половины
Упрямый плод, и все рубины
Вдруг показал надменный шар,

И если с силой небывалой
Вдруг брызнул сок наружу алый,
Перегородки сокруша,

И хлынул свет из тьмы разбитой —
Пусть верность сохранит душа
Своей архитектуре скрытой.

LE VIN PERDU

J'ai, quelque jour, dans l'Océan,
(Mais je ne sais plus sous quels cieux)
Jeté, comme offrande au néant,
Tout un peu de vin précieux...

Qui voulut ta perte, ô liqueur?
J'obéis peut-être au devin?
Peut-être au souci de mon cœur,
Songeant au sang, versant le vin?

Sa transparence accoutumée
Après une rose fumée
Reprit aussi pure la mer...

Perdu ce vin, ivres les ondes!...
J'ai vu bondir dans l'air amer
Les figures les plus profondes...

ПОТЕРЯННОЕ ВИНО

Вино я пролил в океан
(не помню уж в каком краю)
И драгоценной влаги гран
Пожертвовал небытию...

Ведом ли промыслом я был?
Чем оправдать потерю мог?
Не думал ли, что кровь я лил,
Средь сердца горестных тревог?

Зарделось облачко тумана
В хрустальном лоне океана —
И вновь прозрачна глубина...

Но в волнах, хмелем упоенных,
Вдруг пляска стала мне видна
Фигур глубоко потаенных...

INTÉRIEUR

Une esclave aux longs yeux chargés de molles chaînes
Change l'eau de mes fleurs, plonge aux glaces prochaines,
Au lit mystérieux prodigue ses doigts purs;
Elle met une femme au milieu de ces murs
Qui, dans ma rêverie errant avec décence,
Passe entre mes regards sans briser leur absence,
Comme passe le verre au travers du soleil,
Et de la raison pure épargne l'appareil.

ВНУТРЕННИЙ МИР (INTÉRIEUR)

Пред тем как в зеркало прозрачное вернуться
Рабыня под цветком сменяет воду в блюще
И щедрым манием руки своей потом
Впускает женщину в пустынный этот дом,
И чинно бродит та меж взглядов, как живая,
Рассеяности их стекла не разбивая.
Так в линзу входит луч — ее он не сожжет,
И разум чистоту свою уберезет.

LE CIMETIÈRE MARIN

Ce toit tranquille, où marchent des colombes,
Entre les pins palpite, entre les tombes ;
Midi le juste y compose de feux
La mer, la mer, toujours recommencée!
Ô récompense après une pensée
Qu'un long regard sur le calme des dieux!

Quel pur travail de fins éclairs consume
Maint diamant d'imperceptible écume,
Et quelle paix semble se concevoir!
Quand sur l'abîme un soleil se repose,
Ouvrages purs d'une éternelle cause,
Le temps scintille et le songe est savoir.

Stable trésor, temple simple à Minerve,
Masse de calme, et visible réserve,
Eau sourcilleuse, Œil qui gardes en toi
Tant de sommeil sous une voile de flamme,
O mon silence! . . . Édifice dans l'âme,
Mais comble d'or aux mille tuiles, Toit !

Temple du Temps, qu'un seul soupir résume,
À ce point pur je monte et m'accoutume,
Tout entouré de mon regard marin ;

КЛАДБИЩЕ НАД МОРЕМ

Спокойствие, где парусники реют,
Среди ветвей могильных пиний мреет.
Притинный зной из огненных кругов
Вновь воссоздал сияющее море,
Мысль обрела награду в долгом взоре,
Что обращен к бесстрастию богов!

О что за блеск! Работой тонкой света
Из легких пен гранятся самоцветы!
Там тишина сгущается в кристалл,
Там Солнце спит, покоясь средь вселенной
И — следствия причины неизменной —
Мерцает Час и Сон — Познанием стал.

Сокровище! Прозрачный храм Паллады!
Отвесная высокая громада!
О мой покой, зеница всех зениц!
В каком огне твой сон себя скрывает!
Возрос в душе твой купол и сияет
Чешуйками несметных черепиц!

Храм Времени простому вздоху равен
И я встаю, с простором равноправен,
И море спит в спокойствии своем,

Et comme aux dieux mon offrande suprême,
La scintillation sereine sème
Sur l'altitude un dédain souverain.

Comme le fruit se fond en jouissance,
Comme en délice il change son absence
Dans une bouche où sa forme se meurt,
Je hume ici ma future fumée,
Et le ciel chante à l'âme consumée
Le changement des rives en rumeur.

Beau ciel, vrai ciel, regarde-moi qui change !
Après tant d'orgueil, après tant d'étrange
Oisiveté, mais pleine de pouvoir,
Je m'abandonne à ce brillant espace,
Sur les maisons des morts mon ombre passe
Qui m'apprivoise à son frêle mouvoir.

L'âme exposée aux torches du solstice,
Je te soutiens, admirable justice
De la lumière aux armes sans pitié!
Je te rends pure à ta place première :
Regarde-toi ! . . . Mais rendre la lumière
Suppose d'ombre une morne moitié.

O pour moi seul, à moi seul, en moi-même,
Auprès d'un cœur, aux sources du poème,
Entre le vide et l'événement pur,
J'attends l'écho de ma grandeur interne,
Amère, sombre, et sonore citerne,
Sonnant dans l'âme un creux toujours futur !

Мой взор им полн: и он — бесстрастно, словно
Им дар богам приносится верховный,
Презрением наполнил оком.

Как сладкий плод, с весельем претворенный
Во вкус во рту, ликует, растворенный,
Из формы прочь выскальзывая в смерть,
Я чую дым костра последней требы —
А в вышине — душе сожженной небо
Поет, что в гул преобразилась твердь.

Смотри же, твердь, на чудо перехода!
Покину я и гордый ум и годы
Неделанья, в которых крылась мощь,
Средь этого — все взявшего — свечения
Я проберусь, полупрозрачной тенью,
Под вечный свод, во мглу летейских рощ.

С душою, тьме открыто предстоящей,
Отвесный свет, безжалостно палящий,
Я выдержу, о дивный мой Судья,
И возвращу наверх незамутненным.
Теням блуждать под небом раскаленным
— Мрачнейшая повинность бытия.

Лишь для себя, там, где—то в средостеньи,
Где прячется исток стихотворенья
Меж проблеском и полной темнотой,
Все эха жду я в тишине безмерной
И горестно печальная каверна
Звучит в душе грядущей пустотой.

Sais-tu, fausse captive des feuillages,
Golfe mangeur de ces maigres grillages,
Sur mes yeux clos, secrets éblouissants,
Quel corps me traîne à sa fin paresseuse,
Quel front l'attire à cette terre osseuse ?
Une étincelle y pense à mes absents.

Fermé, sacré, plein d'un feu sans matière,
Fragment terrestre offert à la lumière,
Ce lieu me plaît, dominé de flambeaux,
Composé d'or, de pierre et d'arbres sombres,
Où tant de marbre est tremblant sur tant d'ombres ;
La mer fidèle y dort sur mes tombeaux !

Chienne splendide, écarte l'idolâtre !
Quand solitaire au sourire de pâte,
Je pais longtemps, moutons mystérieux,
Le blanc troupeau de mes tranquilles tombes,
Éloignes-en les prudentes colombes,
Les songes vains, les anges curieux !

Ici venu, l'avenir est paresse.
L'insecte net gratte la sécheresse ;
Tout est brûlé, défait, reçu dans l'air
A je ne sais quelle sévère essence ...
La vie est vaste, étant ivre d'absence,
Et l'amertume est douce, et l'esprit clair.

Les morts cachés sont bien dans cette terre
Qui les réchauffe et sèche leur mystère.
Midi là-haut, Midi sans mouvement

О, в мнимый плен захваченный ветвями,
Сжигающий завесы над глазами,
Открой, Залив, блистающий секрет —
Чье тело вниз меня влечет так сильно?
Чей клонит лоб его к земле могильной?
Лишь искорка блеснула мне в ответ!

Заклят, забыт, сияньем бестелесным
Исполнен весь, открыт лучам отвесным
Клочок земли — одно из лучших мест.
Здесь мраморы трепещут над теньями,
И пинии склоняются ветвями,
Могилы спят, и море спит окрест.

О, Гончий Пес! Пусть идолопоклонник
Уходит прочь! Я, одинокий конник,
Пасу своих таинственных овец!
Стада могил кругом меня белеют —
Пусть ангелы приблизиться не смеют!
Пустые сны, развейтесь наконец!

Придя сюда, Грядущее — лениво.
Сухую пыль Кузнец скребет пугливо,
Все выжжено, и в невесомый шум
Обращено невесть какой украдкой.
Ничто — пьянит, и горечь стала сладкой.
Жизнь — широка, и прояснился ум.

В такой земле и мертвецам посуше
Им здесь тепло, их тайны стали глуше...
Вершина дня, пылающий зенит,

En soi se pense et convient à soi-même ...
Tête complète et parfait diadème,
Je suis en toi le secret changement.

Tu n'as que moi pour contenir tes craintes !
Mes repentirs, mes doutes, mes contraintes
Sont le défaut de ton grand diamant ...
Mais dans leur nuit toute lourde de marbres,
Un peuple vague aux racines des arbres
A pris déjà ton parti lentement.

Ils ont fondu dans une absence épaisse,
L'argile rouge a bu la blanche espèce,
Le don de vivre a passé dans les fleurs !
Où sont des morts les phrases familières,
L'art personnel, les âmes singulières ?
La larve file où se formaient les pleurs.

Les cris aigus des filles chatouillées,
Les yeux, les dents, les paupières mouillées,
Le sein charmant qui joue avec le feu,
Le sang qui brille aux lèvres qui se rendent,
Les derniers dons, les doigts qui les défendent,
Tout va sous terre et rentre dans le jeu !

Et vous, grande âme, espérez-vous un songe
Qui n'aura plus ces couleurs de mensonge
Qu'aux yeux de chair l'onde et l'or font ici ?
Chanterez-vous quand serez vaporeuse ?
Allez! Tout fuit! Ma présence est poreuse,
La sainte impatience meurt aussi !

Недвижная золотая диадема,
Сама себе довлеющая немо,
Меня в себе движением таит.

Лишь я ее вмещаю беспокойства!
Моя тоска, привязанности, свойства —
Лишь трещинки в тебе, Большой Алмаз!
В ночи своей — под мраморами, в яме —
Слепой народ, сплетается с корнями,
На стороне Твоей он в этот раз.

Растаяли в провале онемелом,
Средь красных глин побыв бульоном белым...
И чудо — жить! — ушло от них к цветам!
Где их душа? Излюбленные фразы?
Особый блеск? Теперь им оба глаза
Покрыла тьма, и черви выются там.

Притворный визг притиснутой девицы,
Сверканье глаз, намокшие ресницы,
Отдавшийся полуоткрытый рот,
Упорный пыл и жаркие приливы,
И бедра, вдруг сведенные стыдливо,
Землею став, ушли в круговорот.

А Ты, Душа, питаешь ли надежду,
Что Вечный Сон пременит лишь одежду
Злаченных волн, которой жизнь пестра?
Ты будешь петь, став с облаками схожей?
Святая страсть, пожалуй, смертна тоже —
Жизнь расплзлась. Иди, Душа, пора!

Maigre immortalité noire et dorée,
Consolatrice affreusement laurée,
Qui de la mort fais un sein maternel,
Le beau mensonge et la pieuse ruse !
Qui ne connaît, et qui ne les refuse,
Ce crâne vide et ce rire éternel !

Pères profonds, têtes inhabitées,
Qui sous le poids de tant de pelletées,
Êtes la terre et confondez nos pas,
Le vrai rongeur, le ver irréfutable
N'est point pour vous qui dormez sous la table,
Il vit de vie, il ne me quitte pas!

Amour, peut-être, ou de moi-même haine?
Sa dent secrète est de moi si prochaine
Que tous les noms lui peuvent convenir!
Qu'importe! Il voit, il veut, il songe, il touche!
Ma chair lui plaît, et jusque sur ma couche,
À ce vivant je vis d'appartenir!

Zénon! Cruel Zénon ! Zénon d'Élée!
M'as-tu percé de cette flèche ailée
Qui vibre, vole, et qui ne vole pas!
Le son m'enfante et la flèche me tue !
Ah ! le soleil . . . Quelle ombre de tortue
Pour l'âme, Achille immobile à grands pas !

Non, non ! Debout ! Dans l'ère successive
Brisez, mon corps, cette forme pensive!
Buvez, mon sein, la naissance du vent!

Бессмертия мне черный образ страшен,
Он лаврами и золотом украшен,
Но станет смерть ловушкою для всех!
Что кажется манящей грудью млечной —
Святой обман: за жизнью быстротечной
Пустых глазниц раздастся жуткий смех!

О пращуры, что жили здесь когда—то,
Надежно вы засыпаны лопатой,
Помеха нам — ваш холмик земляной.
Вот — истина, вот — довод настоящий:
Голодный червь, во тьме ночной не спящий,
Он жив, он здесь, он за моей спиной!

Кто он? Любовь? Иль самоотрицанье?
Столь близок он, что всякое названиее
Тут подойдет! Бессонно я лежу,
И он подполз, примерился, вцепился!
Ему я люб: о, он мне не приснился
Я целиком ему принадлежу!

Зенон! Зенон! Не ты ли, разъяренный,
Послал в меня стрелою оперенной?
Недвижная, летит она, звеня!
Все создал звук, стрела же все убила —
Со скоростью стоящего Ахилла
Хелоны тень преследует меня!

Нет! Нет! Вставай! И в будущую эру!
Все формы прочь, отмерь иную меру!
Соленый ветер, войди мне снова в грудь!

Une fraîcheur, de la mer exhalée,
Me rend mon âme . . . O puissance salée!
Courons à l'onde en rejaillir vivant!

Oui! Grande mer de délires douée,
Peau de panthère et chlamyde trouée
De mille et mille idoles du soleil,
Hydre absolue, ivre de ta chair bleue,
Qui te remords l'étincelante queue
Dans un tumulte au silence pareil,

Le vent se lève! . . . il faut tenter de vivre!
L'air immense ouvre et referme mon livre,
La vague en poudre ose jaillir des rocs!
Envolez-vous, pages tout éblouies!
Rompez, vagues! Rompez d'eaux réjouies
Ce toit tranquille où picoraient des focs!

Как свежестью сейчас пахнуло с моря!
Как пенный вал вскипает на просторе,
Родись, душа, очнись и снова будь!

О, Океан! О, гений в огневице,
О, солнечный кумир тысячелицый!
О, скопище пятнистое пантер!
О Гидра гидр! Восстань же, нависая,
Блестящий хвост сама себе кусая!..
Все замерло!.. И ветер новых эр

Поднялся вдруг! И жизнь — передо мною!
Встает, ревет, и в скалы бьет волною!
И в пене брызг не видно уж земли!
Покоя нет! Сверкает гневом око!
И книга вновь распахнута широко!
И в пропасть с волн ныряют корабли!

ODE SECRÈTE

Chute superbe, fin si douce,
Oubli des luttes, quel délice
Que d'étendre à même la mousse
Après la danse, le corps lisse!

Jamais une telle lueur
Que ces étincelles d'été
Sur un front semé de sueur
N'avait la victoire fêté!

Mais touché par le Crépuscule,
Ce grand corps qui fit tant de choses,
Qui dansait, qui rompit Hercule,
N'est plus qu'une masse de roses!

Dormez, sous les pas sidéraux,
Vainqueur lentement désuni,
Car l'Hydre inhérente au héros
S'est éployée à l'infini...

Ô quel Taureau, quel Chien, quelle Ourse,
Quels objets de victoire énorme,
Quand elle entre aux temps sans ressource
L'âme impose à l'espace informe!

ТАЙНАЯ ОДА

Как славно сладостным паденьем
Во тьму забвения вернуться,
Оттанцевать и с наслажденьем
Во мху всем телом растянуться!

Лоб — в каплях пота, на него,
Сверкая, лег нездешний свет.
Неповторимо торжество —
И мига праздничнее нет!

Пусть тело в схватке с Геркулесом
За чудом чудо совершало —
Упало наземь тяжким весом
И грудой розовою стало!

Горит над спящим звездный строй,
Ты будешь медленно разъят —
Равно и Гидра и Герой
Вселенной вечной предстоят...

Телец! Возничий! Андромеда!
Какие формы Постоянства
Души высокая победа
Пустому придает Пространству!

Fin suprême, étincellement
Qui, par les monstres et les dieux,
Proclame universellement
Les grands actes qui sont aux Cieux!

Созвездьем на небе зажжен
Теперь ты Зверь иль светлый бог!
И всеселенски возглашен
Деяний блещущий итог!

LE RAMEUR

Penché contre un grand fleuve, infiniment mes rames
M'arrachent à regret aux rians environs;
Âme aux pesantes mains, pleines des avirons,
Il faut que le ciel cède au glas des lentes lames.

Le cœur dur, l'œil distrait des beautés que je bats,
Laisant autour de moi mûrir des cercles d'onde,
Je veux à larges coups rompre l'illustre monde
De feuilles et de feu que je chante tout bas.

Arbres sur qui je passe, ample et naïve moire,
Eau de ramages peinte, et paix de l'accompli,
Déchire-les, ma barque, impose-leur un pli
Qui coure du grand calme abolir la mémoire.

Jamais, charmes du jour, jamais vos grâces n'ont
Tant souffert d'un rebelle essayant sa défense:
Mais, comme les soleils m'ont tiré de l'enfance,
Je remonte à la source où cesse même un nom.

En vain, toute la nymphe énorme et continue
Empêche de bras purs mes membres harassés;
Je romprai lentement mille liens glacés
Et les barbes d'argent de sa puissance nue.

ГРЕБЕЦ

Усиле весл меня уносит вдоль излуки
И вырывает прочь из власти берегов,
Идет по глади строй размеренных кругов,
И тяжелы души натруженные руки.

Пускай вокруг меня листва горит в огне —
Я взмахом этот мир блестящий разбиваю,
Гляжу рассеянно и тихо напеваю,
И тонет небосвод в медлительной волне.

Какая тишина застыла над рекою,
В разводах на воде, в сплетении ветвей...
Плыви, моя ладья! Сомни, сотри, развей
Воспоминание великого покоя.

Очарованья дня! Бунтуя, никогда
Никто не мучил вас доселе столь жестоко.
Из детства вырванный, я вновь иду к истоку,
Где даже от имен — ни звука, ни следа.

Борюсь я с нимфою, огромной, протяженной
Что не дает мне плыть, сковав и изнузив.
Разбив холодный плен, медлительный порыв
Сумеет совладать и с властью обнаженной.

Ce bruit secret des eaux, ce fleuve étrangement
Place mes jours dorés sous un bandeau de soie;
Rien plus aveuglement n'use l'antique joie
Qu'un bruit de fuite égale et de nul changement.

Sous les ponts annelés, l'eau profonde me porte,
Voûtes pleines de vent, de murmure et de nuit,
Ils courent sur un front qu'ils écrasent d'ennui,
Mais dont l'os orgueilleux est plus dur que leur porte.

Leur nuit passe longtemps. L'âme baisse sous eux
Ses sensibles soleils et ses prompts paupières,
Quand, par le mouvement qui me revêt de pierres,
Je m'enfonce au mépris de tant d'azur oiseux.

Как будто тайный звук текучих этих вод
Завесой жизнь мою окутывает чудно,
И радость древняя вступает безрассудно
В потока мерный шум и волн извечный ход.

Под сводами мостов, плыву я, леденя,
Где ветер кружится и воет от тоски,
Мой лоб они берут в тяжелые тиски
Но ость надменная той тяжести сильнее.

Их ночь все тянется. Склоненьем головы
Я уступаю им и прикрываю веки.
И в каменную стынь ныряю я навеки
К презрению хладному бесплодной синевы.

PALME

De sa grâce redoutable
Voilant à peine l'éclat,
Un ange met sur ma table
Le pain tendre, le lait plat ;
Il me fait de la paupière
Le signe d'une prière
Qui parle à ma vision :
— Calme, calme, reste calme !
Connais le poids d'une palme
Portant sa profusion !

Pour autant qu'elle se plie
À l'abondance des biens,
Sa figure est accomplie,
Ses fruits lourds sont ses liens.
Admire comme elle vibre,
Et comme une lente fibre
Qui divise le moment,
Départage sans mystère
L'attirance de la terre
Et le poids du firmament !

ПАЛЬМА

Чуть утишил ангел страшный
Благостынь опасных гром,
Ниспослал простые брашна —
Хлеб с обычным молоком.
Паки ангел мой и паки
Веком подает мне знаки:
Тише! В этом тайна вся!
Тише! Тише! Лишь в бесстрастьи
Пальма обретает счастье,
Изобилие неся!

Ветви чем ее согбенней,
Чем тяжеле сладкий груз,
Тем она и совершенней,
Тем ей легче среди уз...
В вышних как трепещет кроной!..
Пусть волокон ток зеленый
Медленней подземных вод —
Не прервут его движенья
Ни земное притяженье,
Ни тяжелый небосвод!

Ce bel arbitre mobile
Entre l'ombre et le soleil,
Simule d'une sibylle
La sagesse et le sommeil.
Autour d'une même place
L'ample palme ne se lasse
Des appels ni des adieux...
Qu'elle est noble, qu'elle est tendre !
Qu'elle est digne de s'attendre
À la seule main des dieux !

L'or léger qu'elle murmure
Sonne au simple doigt de l'air,
Et d'une soyeuse armure
Charge l'âme du désert.
Une voix impérissable
Qu'elle rend au vent de sable
Qui l'arrose de ses grains,
À soi-même sert d'oracle,
Et se flatte du miracle
Que se chantent les chagrins.

Cependant qu'elle s'ignore
Entre le sable et le ciel,
Chaque jour qui luit encore
Lui compose un peu de miel.
Sa douceur est mesurée
Par la divine durée
Qui ne compte pas les jours,
Mais bien qui les dissimule
Dans un suc où s'accumule
Tout l'arôme des amours.

Солнце с тенью рассужает,
Нежная, царит одна,
И сивилле подражает
Вещей трепетностью сна.
И хранит свои устои,
Все на том же месте стоя.
Праздный ей невнятен зов!
Но в молчаньи благородном
Ждет с достоинством свободным
Только мания богов!

На воздушных вихомолку
Легким золотом звеня,
Оболочкою из шелка
Дух песков обременя,
Возвышает голос вечный
Средь пустыни бесконечной,
Ветви простирает вдаль,
В мире со своей судьбою
Говорит сама с собою
И поет свою печаль.

Но меж тем как над песками
В забытии она поет,
Понемногу, день за днями,
В ульях прирастает мед.
Это сладостное время
Тихо налагает время,
Чей неторопливый нрав
Дней неспешных не считает,
Влагу блага накапливает,
Всю любовь в себя вобрав.

Parfois si l'on désespère,
Si l'adorable rigueur
Malgré tes larmes n'opère
Que sous ombre de langueur,
N'accuse pas d'être avare
Une Sage qui prépare
Tant d'or et d'autorité :
Par la sève solennelle
Une espérance éternelle
Monte à la maturité

Ces jours qui te semblent vides
Et perdus pour l'univers
Ont des racines avides
Qui travaillent les déserts.
La substance chevelue
Par les ténèbres élue
Ne peut s'arrêter jamais
Jusqu'aux entrailles du monde,
De poursuivre l'eau profonde
Que demandent les sommets.

Patience, patience,
Patience dans l'azur !
Chaque atome de silence
Est la chance d'un fruit mûr !
Viendra l'heureuse surprise :
Une colombe, la brise,
L'ébranlement le plus doux,
Une femme qui s'appuie,
Feront tomber cette pluie
Où l'on se jette à genoux !

Ты возропщешь в ожидании,
Дальних медленных времен,
Но скупое созиданье
Не ускорит перемен.
Над пустыней тени мреют,
Золотые силы зреют,
Не хули неспешный труд:
Знай — живительные соки
В нам неведомые сроки
Ввысь торжественно взойдут.

Эти дни как будто пусты
И скушны, но почему
С жадностью тысячеустой
Корни впитывают тьму?
Прорастает в средостенье
Хищное переплетенье,
Тянется за нитью нить
В мира самую утробу,
Чтоб достичь воды и чтобы
Жажду кроны утолить.

Терпеливо в вышних жагдай!
Терпеливо! Знай, потом
Твой смиренный атом каждый
Спелым может стать плодом.
Пальма вдруг нам чудо явит
Крылья голубь ли расправит,
Ветви ль ветер шевельнет,
Женщина ль к стволу прижмется —
Ливнем влага вниз прольется!
На колени нас швырнет!

Qu'un peuple à présent s'écroule,
Palme !... irrésistiblement !
Dans la poudre qu'il se roule
Sur les fruits du firmament !
Tu n'as pas perdu ces heures
Si légère tu demeures
Après ces beaux abandons ;
Pareille à celui qui pense
Et dont l'âme se dépense
À s'accroître de ses dons !

Гром прокатывает мимо —
Всех нас в прахе распростерть.
Пальма! Неостановимо
Скаты сотрясает твердь!
Ты не постыдила время!
Выносив такое бремя,
Ты не сникла до поры!
Мысль! В работе многотрудной
Будь подобна пальме чудной
И расти свои дары!

PIÈCES DIVERSES
DE TOUTE ÉPOQUE

NEIGE

Quel silence, battu d'un simple bruit de bêche !...
Je m'éveille, attendu par cette neige fraîche
Qui me saisit au creux de ma chère chaleur.
Mes yeux trouvent un jour d'une dure pâleur
Et ma chaire langoureuse a peur de l'innocence.
Oh ! Combien de flocons, pendant ma douce absence,
Durent les sombres cieux perdre tout la nuit !
Quel pur désert tombé des ténèbres sans bruit
Vint effacer les traits de la terre enchantée
Sous cette ample candeur sourdement augmentée
Et la fondre en un lieu sans visage et sans voix.
Où le regard perdu relève quelques toits
Qui cachent leur trésor de vie accoutumée
A peine offrant le vœu d'une vague fumée.

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ
РАЗНЫХ ЭПОХ

СНЕГ

Ход лопаты один тишину нарушает —
Утром встав, там внизу кто—то снег расчищает.
Теплотой полусна все еще ты храним,
И глазам твоим свет за окном нестерпим.
Свежесть снега страшит, телу нежиться — сладко...
Без тебя, в темноте, сколько хлопьев украдкой
Средь глухой тишины ночью пало с небес!
Целый мир в пелене этой белой исчез!
Он — пустыня теперь, все черты его стерты,
Очарованный, спит в тишине распростертый...
Все же взгляд различит пару крыш и дымок,
Чтобы, все потеряв, безутешный, ты мог
Средь пустыни слепой, безголосой, безличной
Легкий след отыскать нашей жизни обычной.

SINISTRE

Quelle heure cogne aux membres de la coque
Ce grand coup d'ombre où craque notre sort ?
Quelle puissance impalpable entre-choque
Dans nos agrès des ossements de mort?

Sur l'avant nu, l'écroulement des trombes
Lava l'odeur de la vie et du vin :
La mer élève et recreuse des tombes,
La même eau creuse et comble le ravin.

Homme hideux, en qui le cœur chavire,
Ivrogne étrange égaré sur la mer
Dont la nausée attachée au navire
Arrache à l'âme un désir de l'enfer,

Homme total, je tremble et je calcule,
Cerveau trop clair, capable du moment
Où, dans un phénomène minuscule,
Le temps se brise ainsi qu'un instrument.

Maudit soit-il le porc qui t'a gréée,
Arche pourrie en qui grouille le lest!
Dans tes fonds noirs, toute chose créée
Bat ton bois mort en dérive vers l'Est...

КРУШЕНИЕ

В который час судьба неотвратимо
Как тень падет и корпус разорвет?
Какая мощь рукой, неощутимо,
Весь остов наш во тьме переберет?

Обрушась, смерч с обломков носа смоем
Все запахи — и жизни и вина.
Придет прилив, вода могилу скроет —
Ровнять и рыть равно она годна.

И, гнусный трус, чье сердце дико бьется,
Что, пьяный вдрызг, блуждает средь морей,
Чья, качкой злой измученная, рвется
Душа бежать, и в ад попасть скорей,

Я, человек, высчитываю в страхе
Всю связь причин. И, с ясной головой,
Предвижу я, как время в полном крахе
Себя убив, завод сломает свой.

Будь проклят скот, чьей волей гнилью полны
Все палубы и трюмов чернота.
Гнилой ковчег к востоку тащат волны,
Тварь изнутри крушит его борта.

L'abîme et moi formons une machine
Qui jongle avec des souvenirs épars :
Je vois ma mère et mes tasses de Chine,
La putain grasse au seuil fauve des bars ;

Je vois le Christ amarré sur la vergue !...
Il danse à mort, sombrant avec les siens;
Son œil sanglant m'éclaire cet exergue :
UN GRAND NAVIRE A PÉRI CORPS ET BIENS!

С пучиной мы в единого жонглера
Слились вдвоем, перемешав пестро
Все образы: вот чашка из фарфора,
Вот мать моя, вон шляха из бистро.

А вон Христос, подвешенный на рее!
Он рвется в смерть со всеми заодно!
Кровавый глаз сияет Назаря —
Экзерг гласит: КОРАБЛЬ ПОШЁЛ НА ДНО!

COLLOQUE

Pour deux flûtes

*À Francis Poulenc,
qui a fait chanter ce colloque*

А

D'une Rose mourante
L'ennui penche vers nous;
Tu n'es pas différente
Dans ton silence doux
De cette fleur mourante;
Elle se meurt pour nous...
Tu me sembles pareille
A celle dont l'oreille
Était sur mes genoux,
A celle dont l'oreille
Ne m'écoutait jamais;
Tu me semble pareille
A l'autre que j'aimais :
Mais de celle ancienne,
Sa bouche était la mienne.

БЕСЕДА

Для двух флейт

*Франсису Пуленку,
положившему ее на музыку*

А

С розы, что безуханна,
К нам слетает тоска.
С розой схожи вы странно:
И молчанье цветка
И твое — безуханны.
Вас сроднила тоска
С той, чье нежное ухо
Манит мертво и сухо
Завитком лепестка;
С той, чье имя столь глухо,
С той, кого я забыл;
С той, о ком нет и слуха,
С той, кого я любил —
Та, другая, бывало,
Губы мне отдавала.

В

Que me compares-tu
 Quelques rose fanée?
 L'amour n'a de vertu
 Que fraîche et spontanée...
 Mon regard dans le tien
 Ne trouve que son bien :
 Je m'y vois toute nue!
 Mes yeux effaceront
 Tes larmes qui seront
 D'un souvenir venues!...
 Si ton désir naquit
 Qu'il meure sur ma couche
 Et sur mes lèvres qui
 T'emporteront la bouche...

В

Что равняешь нас ты
 С блеклой розою лживо?
 Прошлой нет красоты —
 Только новое живо.
 Взгляд мой видит в твоём
 Как с тобою вдвоем
 Мы в объятии слились.
 Пусть огонь моих глаз
 Слезы высушит враз,
 Что о прошлом пролились,

 И скорее умрет,
 Лишь возникнув, желанье —
 Покоренный мой рот
 Возвращает лобзание.

LA DISTRAITE

Daigne, Laure, au retour de la saison des pluies,
Présence parfumée, épaule qui t'appuies
Sur ma tendresse lente attentive à tes pas,
Laure, très beau regard qui ne regarde pas,
Daigne, tête aux grands yeux qui dans les cieux t'égares,
Tandis qu'à pas rêveurs, tes pieds voués aux mares
Trempent aux clairs miroirs dans la boue arrondis,
Daigne, chère, écouter les choses que tu dis...

РАССЕЯННАЯ

Я с нежностью влекусь за легкими шагами,
Ты — под руку со мной, окутана духами,
Не слыша ничего... Лаура, снизойди
Когда вернулись к нам осенние дожди,
Когда по лужам ты бредешь почти не глядя,
И взор невидяще скользит по мокрой глади
И после в небеса уходит в полусне,
Прислушаться к тому, *что* говоришь ты мне.

INSINUANT II

Folle et mauvaise
Comme une abeille
Ma lèvre baise
L'ardente oreille.

J'aime ton frêle
Étonnement
Où je ne mêle
Qu'un rien d'amant.

Quelle surprise ...
Ton sang bourdonne :
C'est moi qui donne
Vie à la brise...

Dans tes cheveux
Tendre et méchante
Mon âme hante
Ce que je veux.

ВКРАДЧИВЫЙ II

Нежную жала,
С жаждой сугубой
К уху припали
Жадные губы.

Сердце — в осколки
Взор изумлен,
Только нисколько
Я не влюблен.

Вот так сюрпризы...
Кровь загудела:
Рук моих дело —
Бури и бризы...

Я получу,
Нежноуверен
И злонамерен,
То, что хочу.

HEURE

L'HEURE me vient sourire et se faire sirène :
Tout s'éclaire d'un jour que jamais je ne vis :
Danseras-tu longtemps, Rayon, sur le parvis
De l'âme sombre et souveraine?

Voici l'HEURE, la soif, la source et la sirène.

Pour toi, le passé brûle, HEURE qui m'assouvis;
Enfin, splendeur du seul, ô biens que j'ai ravis,
J'aime ce que je suis : ma solitude est reine!
Mes plus secrets démons, librement asservis
Accomplissent dans l'or de l'air même où je vis
Une sagesse pure aux lucides avis :
Me présence est toute sereine.

Voici l'HEURE, la soif, la source et la sirène,

Danseras-tu longtemps, rayon, sur le parvis,
Du soir, devant l'œil noir de ma nuit souveraine?

ЧАС

ЧАС царственный, смеясь и обратясь сиреной,
Горит в сиянии неведомых времен.
Танцуй же, Луч, танцуй среди холодных стен
Души угрюмой и надменной.

ЧАС близится, забьет источник сокровенный.

Пылает прошлое, и глад мой утолен,
Я одиночеством верховным восхищен,
Любя в самом себе свой образ суверенный!
И тайный демон мой легко порабощен,
В прозрачном воздухе бесследно растворен
И в мудрость светлую волшебно претворен
С приходом ясности мгновенной.

ЧАС близится, забьет источник сокровенный.

Танцуй же, луч, танцуй среди холодных стен,
Пред оком сумрачным чернеющей вселенной.

L'OISEAU CRUEL...

L'oiseau cruel toute la nuit me tint
Au point aigu du délice d'entendre
Sa voix qu'adresse une fureur si tendre
Au ciel brûlant d'astres jusqu'au matin.

Tu perces l'âme et fixes le destin
De tel regard qui ne peut se reprendre;
Tout ce qui fut tu le changes en cendre,
Ô voix trop haute, extase de l'instinct...

L'aube dans l'ombre ébauche le visage
D'un jour très beau qui déjà ne m'est rien :
Un jour de plus n'est qu'un vain paysage,

Qu'est-ce qu'un jour sans le visage tien?
Non!... Vers la nuit mon âme retournée
Refuse l'aube et la jeune journée.

ЖЕСТОКАЯ ПТИЦА

Всю эту ночь в объятьях птицы злой
— Какой восторг! — мне до рассвета снится,
Что нежные проклятья мечет птица
В небесный свод, кипящий звездной мглой.

Пронзив меня, со всей моей судьбой
Покончив враз, твой взгляд не возвратится,
И в пепел все бывшее превратится ...
С каких высот слетает голос твой!

Рассвет во тьме рисует незаметно
Набросок дня без видимых примет.
Мне лишний день — всего лишь промельк тщетный,

Что этот день — когда тебя в нем нет?
Дню юному отказом я отвечу,
Лети, душа, обратно — тьме навстречу.

À L'AURORE

À l'aurore, avant la chaleur,
La tendresse de la couleur
À peine éparse sur le monde,
Étonne et blesse la douleur.

Ô Nuit, que j'ai toute soufferte,
Souffrez ce sourire des cieux
Et cette immense fleur offerte
Sur le front d'un jour gracieux.

Grande offrande de tant de roses,
Le mal vous peut-il soutenir
Et voir rougissantes les choses
À leurs promesses revenir?

J'ai vu se feindre tant de songes
Sur mes ténèbres sans sommeil
Que je range entre les mensonges
Même la force du soleil,

Et que je doute si j'accueille
Par le dégoût, par le désir,
Ce jour très jeune sur la feuille
Dont l'or vierge se peut saisir.

НА РАССВЕТЕ

Рассвет — еще не давит зной,
И нежность, мягкой пеленой
Рассеянная в ясном небе,
Со скорбью борется земной.

В ночи я вынес столько боли,
О Ночь, терпи теперь и ты
Расцветшие в небесном поле
Полупрозрачные цветы.

Сумей принять их приношенье.
Как вынесешь, ночная боль,
Обетованье возвращенья
Вещей невидимых дотоль?

Столь много видел я туманов,
В бессонице моих ночей,
Что числю я среди обманов
И силу солнечных лучей.

По воле или против воли
Не знаю, как смогу принять,
О день молодой, на белом поле
Твою червонную печать.

ÉQUINOXE

To look ...

Je change ... Qui me fuit? ... Ses feuilles immobiles
Accablent l'arbre que je vois ...
Ses bras épais sont las de bercer mes sibylles :
Mon silence a perdu ses voix.

Mon âme, si son hymne était une fontaine
Qui chantait de toutes ses eaux,
N'est plus qu'une eau profonde où la pierre lointaine
Marque la tombe des oiseaux.

Au lit simple d'un sable aussi fin que la cendre
Dorment les pas que j'ai perdus,
Et je me sens vivant sous les ombres descendre
Par leurs vestiges confondus.

Je perds distinctement Psyché la somnambule
Dans des voiles trop pur de l'eau
Dont le calme et le temps se troublent d'une bulle
Qui se défait de ce tombeau.

РАВНОДЕНСТВИЕ

To look...

Меняюсь я... Что ввысь неслышно отлетело?
И, власти прежней лишена
Предчувствья усыплять, листва отяжелела.
Безмолвна стала тишина.

Душа, твоих кантат высокое звучанье
Рекой лилось со всех сторон...
Глубокою водой простерлося молчанье,
Над тайной птичьих похорон.

И надо мной, живым, вдруг небеса ослепли...
Вблизи летейских берегов
Уснули на песке, как будто в мягком пепле,
Останки спутанных шагов.

Психею нежную вода вуалью скрыла...
Моя сомнамбула, о ком
Прозрачная твоя вздохнула вдруг могила
Слетевшим с камня пузырьком?

À soi-même, peut-être, Elle parle et pardonne,
Mais cédant à ses yeux fermés,
Elle me fuit fidèle, et, tendre, m'abandonne
À mes destins inanimés.

Elle me laisse au cœur sa perte inexplicquée,
Et ce cœur qui bat sans espoir
Dispute à Perséphone Eurydice piquée
Au sein pur par le serpent noir ...

Sombre et mourant témoin de nos tendres annales,
Ô soleil, comme notre amour,
L'invincible douceur des plages infernales
T'appelle aux rives sans retour.

Automne, transparence! Ô solitude accrue
De tristesse et de liberté!
Toute chose m'est claire à peine disparu;
Ce qui n'est plus se fait clarté.

Tandis que je m'attache à mon regard de pierre
Dans le fixe et le dur 'Pourquoi?',
Un noir frémissement, l'ombre d'une paupière
Palpite entre moi-même et moi ...

Ô quelle éternité d'absence spontanée
Vient tout à coup de s'abrégéer? ...
Une feuille qui tombe a divisé l'année
De son événement léger.

Наедине с собой, Она меня прощает,
Но только взор отводит свой...
Верна, меня бежит, любя, меня бросает
В моей пустыне неживой.

А отчего — Бог весть, и тщетно сердце бьется,
И Эвридику не вернуть.
Оставь, Орфей, не спорь — она не обернется,
Змеей ужаленная в грудь.

Свидетель сумрачный любви невозвратимой,
О Солнце, вот и твой черед —
С упрямой нежностью тебя, неодолимо,
За реку черную влечет.

Прозрачной осени печальная свобода!
О как мне одиноко с ней!
Все сущее вокруг готовится к уходу,
Исчезнуть — значит стать ясней.

Недвижным «Почему?» застыв окаменело,
В глазах стоял вопрос немой.
Но веко, задрожав, внезапно почернело,
И пало между мной и мной.

О что за вечности, лишь за одно мгновенье,
Нежданно оборвался ход?
Упавшего листа легчайшее явленье
Чертою разделило год.

Vers moi, restes ardents, feuilles faibles et sèches,
Roulez votre frêle rumeur,
Et toi, pâle Soleil, de tes dernières flèches,
Perce-moi ce temps qui se meurt...

Oui, je m'éveille enfin, saisi d'un vent d'automne
Qui soulève un vol rouge et triste;
Tant de pourpre panique aux trombes d'or m'étonne
Que je m'irrite et que j'existe!

Крути вокруг меня о ты, листва сухая,
Свой огненный водоворот.
О Солнце! Уходя, одним лучом сверкая,
Пронзи им время, что умрет.

Осенним ветром в путь невольно увлеченный,
Средь алой паники плыву...
И в вихре золотом кружусь я, изумленный,
И пробуждаюсь, и живу!

LA CARESSE

Mes chaudes mains, baignes-les
Dans les tiennes ... Rien ne calme
Comme d'amour ondulés
Les passages d'une palme.

Tout familiers qu'ils me sont
Tes anneaux à fraîches pierres
Se fondent dans le frisson
Qui fait clore les paupières

Et le mal s'étale tant
Comme une dalle est polie,
Une caresse l'étend
Jusqu'à la mélancolie.

ЛАСКА

Жар сухой мой охлади
Льдом ладони... Несравнима,
Ветвью пальмовой пройди
Мановеньем легким мимо.
Пусть морозный блеск камней,
Мне привычный, растворится,
В трепетании огней,
Затворяющем ресницы...
Тотчас боль моя прошла,
Горькой поросла полынью.
Нежность горе развела
До прозрачного унынья.

CHANSON À PART

Que fais-tu? De tout.
Que vaux-tu? Ne sais,
Présages, essais,
Puissance et dégoût...
Que vaux-tu? Ne sais...
Que veux-tu? Rien, mais tout.

Que sais-tu? L'ennui.
Que peux-tu? Songer.
Songer pour changer
Chaque jour en nuit.
Que sais-tu? Songer
Pour changer d'ennui.

Que veux-tu. Mon bien.
Que dois-tu? Savoir,
Prévoir et pouvoir
Qui ne sert de rien.
Que crains-tu? Vouloir.
Qui es-tu? Mais rien!

ПЕСНЯ НА ДВА ГОЛОСА

Что просишь? — Всего.
Что можешь? — Как знать?
Два слова связать,
Почти ничего...
Что стоишь? — Как знать...
Что хочешь? — Всего.

Что знаешь? — Тоску.
Что можешь? — Мечтать
Скорей пролистать
Всю жизнь по листку.
Еще что? — Мечтать
Развеять тоску.

Что ищешь? — Свой след.
Что нужно? — Суметь
Всем тем овладеть,
В чем толку и нет.
Что страшно? — Хотеть.
Ты есть? — Меня нет.

Où vas-tu? A mort.
Qu'y faire? Finir,
Ne plus revenir
Au coquin de sort.
Où vas-tu? Finir.
Que faire? Le mort.

В чем долг? — Умереть.
В чем смысл и венец?
— Смогло мне вконец
Все осточертеть.
Куда ты? — В конец.
Зачем? — Умереть.

DOUZE POÈMES

LA JEUNE FILLE

Je suis la jeune fille bleue
Et souple et rose et docte et si
Jolie avec toute une lieue
Marine à l'ombre du sourcil!

Voici ta plus fraîche pensée
Quand mon iris vraiment iris
Pour éphémère fiancée
Te laisse un regret d'oasis.

Tandis que tu songes d'écrire
Ce qu'a vu ton œil voyageur
S'il me voit rougissante rire,
Tu n'oublieras plus ma rougeur.

Et dans la braise et sous la lampe,
Sur la feuille où le doigt posé
Vainement tomba de la tempe,
Reviendra mon rire rosé.

Aux flammes se mêle la souple
Jeune fille vive qui sait
Encor mal garder une couple
De colombes dans son corset.

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ДЕВУШКА

Тебе решила я присниться
Такой разумною, такой
Прелестною! — и под ресницы
Плеснула синевой морской.

И радужную оболочку
Пронзила радугой. Твоя
Счастливейшая мысль и строчка
Из самых лучших — это я!

Желая взять в стихотворенье
Все то, что видимо вокруг,
Ты лишь не упусти мгновенье,
Когда я смехом вспыхну вдруг.

Под лампу, розовый, метнется,
И по листу наискосок,
Рассыплется, потом вернется,
Скользнет обратно в твой висок.

С огнем смешается. Пропажи
Ты не вернешь. И то сказать —
Сама двух голубей в корсаже
Я не умею удержать.

2. ABEILLE SPIRITUELLE

O dieu démon demiurge ou destin
Mon appétit comme une abeille vive
Scintille et sonne environ le festin
Duquel ta grâce a voulu que je vive.

Ici dans l'or la muse a mis ce miel;
Là dans le verre une clarté choisie
Tient froidement la lumière du ciel
Algèbre pure et glacée ambrosie.

Le libre amour du bel entendement
Ô difficile et trop légère abeille
Du même fil se croise et se dément,
Heurte la coupe et manque la corbeille.

Ce point sonore atome le très pur
Chargé de foudre et follement futile
Va-t-il porter la vie unique sur
Le plus beau songe et le plus inutile?

Le diable au corps c'est le recul de Dieu
La flamme court fuyant le cendre pure
Chaque soleil n'est qu'un rien radieux
Qui fait pâlir son aurore future.

ДУХОВНАЯ ПЧЕЛА

О демиург! Великий дух, творец!
Алкая, вьет душа—пчела живая,
Свои круги у входа в твой дворец,
Твоих пиров щедротами живая.

Струится мед среди золотистых сот —
Хранится там, в таинственном слияньи,
И ясный свет божественных высот
И алгебры холодное сиянье.

По прихоти свободного ума
Пчелиный путь причудливо завьется —
Запуталась пчела в себе сама
И, легкая, о стены улья бьется.

Звучащий след размытого пятна,
О крохотный молниевидный атом,
Удержишь жизнь единственную на
Прозрачном сне, на облачке крылатом?

А бес и плоть — попятный только ход
Создателя, глухое полыханье
Огня в золе, бледнеющий заход,
Погасших солнц предсмертное дыханье. .

Où te poser bourdon de l'absolu
Instant toujours détaché de toi-même?
Tout ce qu'il touche est sûrement élu
Indivisible angoisse du poème.

J'aime l'erreur qui tisse un long chemin
Dans une nuit non avare de mondes
La veille y brille avec son lendemain
Au même sein des ténèbres fécondes

Где ты живешь, о трутень—абсолют,
Само себя забывшее мгновенье?
Благословишь — все вещи запоют,
Опомнятся в тоске стихотворенья.

И мне мила обманная игра,
Окольный путь во мраке многоплодном,
Вмещающем все завтра и вчера,
Горящие на лоне плодородном.

3. BÉATRICE

Le moindre pli de cette amour
Inflige la plus grande peine;
Un instant fait noircir un jour,
Un soupir te rend incertaine,

Te fait paraître sans retour.
Et tu me sembles si lointaine
Quand au fond de cette fontaine
Où se reflète mon amour

Je crois voir d'assez tristes signes,
Des ombres de soleils insignes,
Et des reprises de tes yeux;

Et la douce amère parole
Par quoi se fane de mes cieux
La parfaite et pure corolle.

БЕАТРИЧЕ

Легчайшая, сгустится тень —
Боль станет непереносима,
Мгновенья омрачают день,
Лишь вздох — и ты уже незрима,

Один лишь шаг, одна ступень —
И все навек невозвратно.
На дне источника хранима,
Моей любви трепещет тень.

Но знаменья печальны: мнится,
Что образ глаз твоих двоится,
Что солнц слепых враждебен лик.

Пахнуло горечью полынной —
И венчик радужный поник
И выцвел в глубине пустынной.

4. LE PHILOSOPHE

À peine m'eut-elle prèdit
Sans parler, mais par l'œil immense,
Magnifiquement la dèmençe
De mon dèsir approfondi

Que mon extase se perdit
Dans un sourire qui commence
Tel sur les mers l'or est semence
De soleils tombés de midi.

La splendeur à l'enfantillage
Touche par mille doigts dorés
Comme le dieu fait au feuillage;

Trop de bonheur que vous aurez
Jeté du plus haut de votre àme
Brise en l'étincelle la flamme.

ФИЛОСОФ

В безмолвьи знак мне явлен был —
Она своим огромным оком
Предсказывает ненароком,
Что мой недолговечен пыл.

Мой жар, рассеянный, остыл,
Омыт смеющимся потоком,
И полдень в омуте глубоком
На стрелы солнце раздробил —

Как бог листву чуть тронул краской,
Смягчат ребяческий задор
Они тысячеперстной лаской,

Избыток счастья на простор
Взметнется, и вверху над нами
На искры разлетится пламя.

5. À CHAQUE DOIGT ...

À chaque doigt sourd la goutte
Et tu trempe tes mains pour
Mieux feindre sur qui t'écoute
L'onde d'un premier amour

Né limpide flamme ou bulle
D'azur qu'on croit étranger
À tous les sus et sans nulle
Épaulé à boire ou manger

Sans se pencher ton visage
Ou l'autre qu'on dirait tel
Vers ses sœurs du paysage
Que le vacarme immortel

Peur de la chèvre camuse
Inonde de cornemuse.

* * *

Пальцем двинь — засеребрится
Капля. Глубже окуни
Руки, чтобы притвориться
Нежностью могли они,

Пламенем, лазурью чистой,
Сочетаньем величин
Мнимых мнимостью лучистой
Без опоры и причин,

Не склоняйся этим, тем ли
Ликом в зареве огней
Не гляди на эти земли...
Шум растет и все страшней

Козьей маски приближенье,
Звон и головокруженье.

6. T'ÉVANOUIR

T'évanouir — aile ou voilure
Par la brume bue au nadir
Et plus s'enfume la brûlure
Qu'est la mer pour y refroidir

Un vertige igné dont palpite
La ronde odeur d'onde et de pur
Vent de spire où se précipite
Ton vol de cheveux au sel sur.

Pense au plus délicieux gouffre;
Crise du soir même — tu fus
Abondamment celle qui souffre
Aux grises roses de l'Infus

Sourire — comme au vague on glisse
Où meurt la lèvre humide hélice.

ИЗБЫТЬ ТЕБЯ

Избыть тебя... В надире пламя,
Дымит холодный океан.
Встань парусом, взмахни крылами
Войди в клубящийся туман.

Все ниже солнце — не пора ли?
Там волны выше и вольней,
Ветров — закрученной спирали,
И соль морская — солоней.

Взгляни, как море запылало.
Прельстясь иною глубиной,
Подумай — как нам было мало
Бесцветной мудрости земной!

Свернувшись завитком улыбки,
Скользни тихонько в сумрак зыбкий

7. A LA VITRE D'HIVER

A la vitre d'hiver que voile mon haleine
Mon front brûlant demande un glacial appui
Et tout mon corps pensif aux paresseuses de laine
S'abandonne au ciel où vivre n'est qu'ennui.

Sous son faible soleil je vois fondre aujourd'hui
Déjà dans la pâleur d'une époque lointaine
Tant je sens que je suis vers ma perte certaine
Le Temps, le sang des jours, qui de mon âme fuit.

Passez, tout ce qui soit! Seul, mon silence existe;
Jusqu'au fond de mon cœur je le veux soutenir,
Et muet, feindre en moi la mort d'un souvenir

Amour est le secret de cette forme triste
L'absence habite l'ombre où je n'attends plus rien
Que l'ample effacement des choses par le mien.

* * *

К окну замерзшему горячий лоб придвину
Стремится тело в лён, а мысли в облака.
Мое дыхание туманную патину
Бросает на стекло. А в небесах — тоска.

Там в дымке прячутся далекие века,
Там день сегодняшний — уже наполовину.
И очевидно то, что близусь я к притину,
Что время истекло и жизнь моя хрупка.

Пуškai же все пройдет! Одно мое молчанье
В сердечной глубине хочу я сохранить.
Смерть памяти своей, представя, предварить.

Пусть прячется любовь в печальном очертаньи,
Я тень отсутствия, я жду лишь одного:
Что след от бытия сотрется моего.

8. À DES DIVINITÉS CACHÉES

Des Néréides gîte,
Quand elles sont sommeil,
Grottes où l'onde agite
S'il existe un soleil,
Et vous montagnes, cave
En qui l'écume esclave
Des mets menant le choc
Ébranle l'ombre en butte
Aux bords que répercute
Sonoremment le roc!

Sonnez trombes et trompes
Dans votre profondeur
Fêtes d'Éros et pompes
Pures de l'impudeur!
Sonnez, sonnez, secrètes
Conques dans les retraites
De notre liberté!
Sonnez les beaux insultes
Et les tendres tumultes
Des membres concertés.

К СПРЯТАННЫМ БОГАМ

В глубинах бездонных
Скрывает Нерей
Холодных и сонных
Своих дочерей.
Нет свету прохода
Под гулкие своды —
Там пенится тьма,
И водовороты
Врываються в гроты
И сходят с ума.

Во мраке пещеры
Тромбоны поют,
На праздник Венеры
Невинных зовут,
Призыв животворный
Бесстыдной валторной
Вдали прогудел —
Расправлены крылья!
О, нежность насилья!
Гармония тел!

Tonnez, terre profonde
Sous les vulgaires pas;
Ils marchent sur un monde
Que le ciel ne voit pas!
Mais nos étranges havres
Ne sont pas de cadavres
Mais plein de dieux vivants
Et des mêmes déesses
De qui furent les tresses
Les voiles et les vents!

Sonnez, sonnez, Nuit creuse
Le temps retournera
Vers l'aube bienheureuse
D'un jour que l'on verra!
Ce jour de Janus même
Nouant le diadème
Sur ma double raison
Dira le droit des tombes
À laisser les colombes
Poindre de leur prison!

Глубины, гремите
Под шагом толпы,
И эхом звените
Бездарной стопы.
Но наше жилище
Не заводь—кладбище
Здесь рвут паруса
Ветра грозовые,
И боги живые
Творят чудеса.

Вызванивай, бездна,
Времен поворот.
День многолюбезный
Стоит у ворот.
И в день тот великий
Сам Янус двуликий
Сведет к одному
Мой ум раздвоенный,
И голубь плененный
Покинет тюрьму!

9. ODELETTE NOCTURNE

Écoute la nuit ...
Tout devienne merveille :
Le silence éveille
Une ombre de bruit...

Une ombre de voix
N'est-ce point la mienne
Dont l'âme te vienne
Si loin que je sois?

Oh! Ne doute point :
C'est moi, c'est moi-même
Le même qui t'aime
Si proche de loin,

Se parle de toi,
Le drap sur la bouche,
Blotti dans sa couche
Et seul avec soi.

Il n'y a plus rien
Qu'une peine tendre
Et le mal d'attendre
On ne sait quel bien.

НОЧНАЯ ОДЕЛЕТТА

Замри и молчи...
Слушай то, что будет.
Тишина разбудит
Тень звука в ночи...

Не голос ли мой,
Легкой тенью бродит
И тебя находит
И плачет, немой?

О, это же я.
Я. Я — несомненно.
Тот, кто — неизменно —
Все любит тебя.

Я — наедине
Во тьме сам с собою.
Укрыт простынею,
Лежу в тишине.

И с легкой тоской,
Но без всякой боли
Ожидая доли
Не знамо какой.

J'implore tout bas
Dans la nuit obscure
La claire figure
Que tu ne vois pas;

J'implore si fort
Tout est si tranquille,
Qu'à travers la ville
Où tout fait le mort

Une ombre de voix
Qui sera la mienne
Dans l'âme te vienne
Si loin que je sois.

О как, наяву
Различишь меня ты?
Темнотой объятый,
Я молча зову.

Но зов столь силен,
Что, через молчанье,
Сквозь все расстоянья
Легко пронесен,

Дальний голос мой,
Легкой тенью бродит
И тебя находит
И плачет, немой.

10. FRAGMENT

... les morts n'ont point de ces retours étranges
Ils reviennent peut-être en de faibles esprits;
Mais le tien, mais le mien, jamais ne sont repris
Que d'un vivant retour de leur soif de vendanges.

Celle qui sait le goût des choses que tu manges
M'a retiré des mains leurs délices sans prix;
J'ai vu s'évanouir comme il m'avait surpris
Tout l'amour qui le cède au vain orgueil des anges.

Le cœur n'est pas plus pur pour vieillir plus amer;
L'un et l'autre chacun le regard sur la mer
Voient le même regret dans la diverse écume ...

ФРАГМЕНТ

...и мертвые не станут явны снова.
Быть может, лишь умам, что хрупки и слабы.
Но твой, но мой — сильнее еще живой алчбы
Увидеть призраки заветного былого.

Та, преломившая с тобою хлеб земного,
Взяла бесценные дары моей судьбы,
Любовь растаяла с послушностью рабы,
Тщеславных ангелов непостоянно слово.

Чтоб горечь настоять, не хватит чистоты,
Случайно взгляд—другой на море бросишь ты
И видишь — пенится все то же сожаленье...

11. SILENCE

Il ne reste de nous ce soir qu'un grand silence
Vers l'ombre va pencher l'implacable balance;
Bientôt de ce beau jour que j'ai tant attendu
Dans le creux de ma main l'or tiède aura fondu.
La puissance du soir à la fin s'est montrée.
Un grand silence touche à plus d'une contrée!
Le temps qui disparut n'est plus si loin de nous
Ni la mort qui s'éveille et baise nos genoux,
Se fait plus familière avec cette âme sombre.
Nos plus doux souvenirs mordent nos cœurs dans l'ombre
Où les faveurs se font d'implacables refus
Ô quel soupir arrache à celui que je fus
Des temps délicieux les présences funèbres ...

МОЛЧАНИЕ

Величье тишины растет неодолимо
И к ночи клонятся весы неумолимо.
Дня столь желанного последний огонек,
Что теплился в горсти, уже совсем поблек.
Одно молчание на свете остается,
И ни одна страна от тени не спасется.
И даль былых времен теперь недалеко,
Колени обняла холодная рука —
Объятье смертное родно душе печальной,
И вчуже помнится ей свет первоначальный.
О, что за вздохом вдруг во мне отозвалось
Что им обещано, но так и не сбылось!

12. AUX VIEUX LIVRES

Gardiens, profonds témoins, purs et puissants Pénates,
Conservateurs des dons,
Tombes où sont réduits à leurs vains aromates
Les dieux que nous perdons,

Ors devant qui le temps pleure pour qu'on délivre,
Armés d'un doigt pieux,
De l'immortel ennui de n'être plus qu'un livre
Un mort harmonieux,

Longtemps j'ai détesté, foule dense et dorée,
L'insupportable faix
Que place au front vivant le montagne laurée
Des monuments parfaits!

Quel poids resplendissant sur l'âme vierge, ô Maîtres,
Que vos temples parlants!
Delphes définitive aux masses hexamètres,
Antres étincelants,

Marbres tout murmurants d'âmes récompensées
Car elles ont construit
Leur auguste demeure a de pures pensées
Soustraites à la nuit.

К СТАРЫМ КНИГАМ

О клады древности, о важные Пенаты,
Хранители даров,
Гробницы, где вотще витают ароматы
Потерянных богов,

В тоске, все об одном пред вами плачет время:
Пусть, набожной рукой
Коснувшись древних книг, с них снимут это бремя —
Их мертвенный покой.

Давно я не люблю, о ты, златообрезный
Тяжелотесный ряд,
Те горы мудрости, что ношей бесполезной
Живущих тяготят.

Учители мои! Наследство столь огромно!
В пещерах золотых —
Не дышится душе, и груда неподъемна
Гексаметров литых.

Везде, о мраморы, мне слышен благодарный
И гордый шепот: мы,
Чистейшей мысли храм построив светозарный,
Навек избегли тьмы.

Charmes, mesures d'or, odes nettes et grecques
Splendeur des vieux soleils
Qui se couchent dans l'or mort des bibliothèques
Pour de riches sommeils,

Telle qu'on répand de la Belle enchantée
Qui close tant de jours
Se plut à tant dormir pour n'être point tentée
À de viles amours.

Hélas, ce long dormir à la mort s'appareille
Tant le réveil surseoit!
Des barbares naissants vous n'aurez plus l'oreille
Si longue qu'elle soit.

Déjà le Cygne cède, et dans la nuit sonore
S'envolera demain.
Le parfum de Platon lentement s'évapore
Du souvenir humain.

Страницы мерных од! Вас населяют Греки,
Светила древних лет.
Не виден никому во тьме библиотеки
Их негасимый свет,

Свет пленной красоты, в хрустальном гробе спящей.
Во мраке запертой,
Чтоб и не ведала о страсти настоящей
Телесной и простой.

Увы! Столь долгод сон, что смерти он подобен.
Давно молчит ваш дух.
Кругом лишь варвары, и *слышать* не способен
Их огрубевший слух.

И лебедь белая в далекие затоны
Потянется с тоской.
И выветрится дух божественный Платона
Из памяти людской.

Часть вторая

CORONA

SONNET À NARCISSA

Ô de tes mains saisi, fraîches comme des fleurs,
Mon front ne songe plus de toute autre couronne;
Cette lucidité que l'Amour environne
Se trouble d'ombre tendre à la source des pleurs.

Respirant de ton sein la profonde chaleur,
Tant de bonheur abonde au cœur qui s'abandonne,
Qu'au prix du doux destin que ton regard m'ordonne
La gloire ne m'est plus qu'un étrange malheur.

Je laisse évanouir mes volontés savantes;
Mon vrai trésor me luit dans les éclairs soyeux
De tes riches regards aux lumières vivantes!

Ce que tu sens pour moi je l'adore en tes yeux.
Ô baise entre tes mains, fermant mon diadème
Du rubis d'un baiser, baise le front qui t'aime!

Часть вторая

КОРОНА

СОНЕТ НАРЦИССЕ

Короною иной прельстится ли чело,
В кольце прохладных рук блаженствуя стесненно —
Источник слез молчит, любовью окруженный,
Лишь тенью легкою волнуется светло.

Твоей груди вдохнув глубинное тепло,
Как сердце счастливо в тиши самозабвенной...
И жалует твой взгляд удел столь драгоценный,
Что слава рядом с ним — бессмысленное зло.

И я учености потуги забываю,
Когда в твоих глазах любовь мне говорит,
И взглядов огненных идет игра живая,

И в молниях шелковых заветный клад горит.
Целуй же этот лоб! Чуть разомкни ладони
И поскорее дай рубин моей короне!

ODE AU JASMIN

Tes yeux me sont au cœur des pierres enchâssées,
Et les traits lumineux de leurs vagues regards
Brisent de feux vivants la nuit de mes pensées,
Ô Présence immanente, ô Toi de toutes parts,

Toi qu'environne toute une rive si douce
Qu'un jour sans toi vécu ne m'est qu'un jour de fer,
Qui m'accable d'un poids que mon soupir repousse
Et qui s'achève en siècle accompli dans l'enfer...

Tandis qu'autour de moi tout ce qui vit m'irrite,
Et qu'en moi l'œuvre même est un songe importun,
Vers toi, je fuis vers Toi, comme ou oiseau s'abrite,
Et l'âme obéissante à ton secret parfum.

Je respire en esprit la plus tendre des chambres,
Où dans le linge pur, près des fleurs, près du feu,
La puissance d'amour qui rêve dans tes membres
Du sourire que j'aime accueillera mon vœu.

ОДА «ЖАСМИНУ»*

Глаза твои блестят, что камни грановиты,
Горит огонь живой в оправе темноты.
Тоска моя и смерть их стрелами разбиты.
О соприсущее всему живому «Ты»!

Вокруг — все целиком окутано тобою!
День без тебя прожить — что в мертвую руду
Свое дыханье влить, что тяжкою плитою
Живую грудь накрыть, что век проведешь в аду...

Мне опостытели мелькающие лица,
Мой труд любимейший — лежит сухой листвою.
К тебе одной стремлюсь, как льнет к гнездовью птица.
Слепой душой лечу на тайный голос твой.

Вдыхаю мысленно я нежный дух, что вьется
В заветной комнате, в лучах, среди цветов.
Там властная любовь спросонок отзовется
Улыбкою родной на мой упорный зов.

* Кодовое имя телефонной линии Жанны Ловитон. (Примеч. перев.)

Je dissipe la route, et volant au délice,
J'abolis sous mes pas les degrés précieux
Qui portent jusqu'au seuil de ton soyeux calice
Ma soif de retrouver tes véritables yeux.

Mon attente d'amour est lasse de les feindre;
Je les veux boire et clore et les voir doucement
Se rouvrir, quand l'excès du bonheur de se joindre
Nous permet de sourire à ton frémissement.

Блуждая наугад, я все искал дорогу
К твоим глазам во тьме, и вот я на пути,
Что прямо вверх идет до твоего порога,
Там к чаше чаш припав, смогу их вновь найти.

О как устал я их воссоздавать мечтою,
Хочу, в них заглянув, губами их закрыть,
Чтоб вживе свет их пить, чтоб ты была со мною...
И в обмороке вдруг твой трепет ощутить.

LE SAULE

Tremble, Tombe légère... Un souffle t'aime, Saule,
Qui fait sur toi frémir le songe d'une épaule...
Brise?... ou mon seul soupir si simple et si soudain
Que j'exhale d'amour pour ce flottant jardin.
Sur ses fleurs, mon regard trompe le mal d'attendre
Le pas, la voix, la main, et puis, tout l'être tendre,
Cette Toi toute à moi que je sens devenir,
À qui l'heure qui meurt peut tout à coup m'unir
Et qui vient!... Je le sens... Ma bouche enfin t'accueille!
L'approche met dans l'âme un tremblement de feuille
Et mes yeux, quoique pleins de feuillage et de jour,
Te voient derrière moi, toute rose d'amour...
Tremble, Tombe légère! Un souffle t'aime, Saule...
Mais je n'ai plus besoin de songer d'une épaule,
Et ce souffle n'est plus le souffle d'un seul cœur...
Le temps vaincu succombe, et le baiser vainqueur
De l'absence sans nom dont un nom me délivre,
Boit dans l'ombre à longs traits le feu qui nous fait vivre!

ИВА

Дыханье легкое тебя колеблет, Ива,
И мнится мне — плечо трепещет боязливо...
То ветер? Или вздох, внезапный и простой...
И, облачком, любовь взлетает над листвою.
Взгляд, на цветы упав, обманет боль разлуки,
Я жду твоих шагов, ищу твой голос, руки,
То сладостное «Ты», что знаю я своим,
Минута минет лишь... и вот я рядом с ним!
Твое дыхание раскрытых губ коснулось —
И тотчас, задрожав, душа моя очнулась.
Ты здесь! Я чувствую! Пусть полон окоем
Листою и блеском, все ж — ты высветилась в нем.
Дыханье легкое колеблет ветви Ивы.
Плеча не мнится мне уж трепет боязливый —
И вздох раздавшийся — уже не одинок,
Ведь времени разбит томительный челнок,
Неявность явлена и в яви настоящей
Глотками долгими я пью огонь живящий!

* * *

Parfois, je pense à ton enfance, et j'aime
Ce que tu m'as conté chante très loin, dans l'ombre
antérieure.

Et j'aime...

Ensuite, ensuite ..., oh non, je n'aime pas tout ce qui vint...

Cette fleur cueillie, cette première atteinte...

Ta jeunesse, ton cœur...

Ô j'ai horreur des dieux, du hasard, et de tout

Ce qui fit que ne fut ce qui aurait dû être

Que tu sois toujours toute à moi.

Je me déchire en me disant le passé qui ne fut pas

Comme les pythonisses prédisent l'avenir

Je prophétise à reculons

Et mon amour est d'une telle clairvoyance

Que je nous vois vivant une vie

Si lumineuse

Si pureté et volupté

Si tendre et si volontaire

Si intelligente, si douce

Oh quels jours et quelles nuits

Et quels sommeils mêlés et quels éveils chantants...

On se serait connus, trouvés au temps

Que j'étais vif, me croyant ange

* * *

Порою я думаю о твоём детстве и... я люблю
Рассказанное тобой поет в отдаленном сумраке
прошедшего.

И я люблю...

Потом, после... нет, я боюсь того, что было после,

Сломанный цветок, первая рана...

Твоя юность, сердце...

Я страшусь воли богов, случайностей, всего того,

Что произошло не так, как должно было произойти —

Ты должна была быть только моею.

Терзая себя, я представляю никогда не бывшее,

Как пифии предсказывают будущее,

Я пророчествую вспять.

И моя любовь столь ясновидяща,

Что я вижу нас, живущих жизнью

Такой яркой,

Такой чистой и такой сладострастной,

Такой нежной, такой свободной,

Столь разумной, столь утонченной...

О, что за дни, что за ночи,

Нам снятся сны одни, и так певуч рассвет

Мы встретились среди далеких лет

Я был, как ангел осиянный,

L'esprit dur, l'âme assez étrange
Et je voulais plonger mon œil
Dans toute profondeur au monde
Et je t'aurais prise profonde
Pour t'aimer de tout mon orgueil

С душою сильною и странной,
В глубины мира устремить
Хотел я пристальное око.
И я завлек тебя глубоко,
Чтоб с гордостью тебя любить.

* * *

Âme, quoi de plus tendre, aux cris du vent d'automne,
Que de former d'Amour la tiède liaison,
Que de fermer l'oreille à l'ouragan qui tonne,
À cet emportement de l'arrière-saison.
De qui le vol confus de fureur monotone
Fait gémir longuement ta petite maison;
Mais toutes vos beautés me font une prison
De douceurs où mon cœur se console et s'étonne.

* * *

Пусть ветер за окном бушует разъяренно
Нежней всего наш мир любовью охранен.
Свой слух замкнули мы, пусть в мире законном
Бурь поздней осени протяжный слышен стон.
Порывы смутные их злобы монотонной
Наш домик маленький трясут со всех сторон —
Я прелестью твоей спасен и изумлен,
В надежной крепости навеки заключенный.

* * *

Jeanne, ton corps me suit. Ô mains pleines de Jeanne,
Ô pensée où revient ton silence et ta voix
Et ce mélange d'ombre à l'été qui se fane
Que nous venons de boire au fond mourant des bois...

À peine je te quitte, une Jeanne songée
Appuie un être tendre à la table où j'écris;
Où mon cœur tout à coup se la forme allongée
Et mon labeur se trouble au sein de mes esprits.

Nos soucis, nos ennuis, nos devoirs, nos ouvrages
Ne sont devant l'amour que du bonheur perdu
Ô baisers précieux, ô les caresses sages,
Ô JEANNE, enchantement du travail suspendu.

* * *

Телесно ты со мной! Полны ладони Жанной,
И в голове звучит знакомый голос твой,
Мы пьем густую тень дубравы той расстанной,
Где лето хороня, прощались мы с листвою...

Лишь только ты ушла — вмиг мысленная Жанна
Предстала предо мной у краешка стола.
Расположилась в душе моей пространно,
Занятия мои небрежно прервала.

Усилья скучные работы неустанной,
Бессонниц и забот немая череда,
Лежат, отстранены моею нежной Жанной,
Как рай потерянный забытого труда!

* * *

Ô PROUE en or de la plus noble nef,
Qui hautement sursautes d'onde en onde,
Tête aux yeux pers offrant le plus beau chef
Que vit jamais voguer la mer du monde,

Et toi, carène chère aux flancs si doux,
Tout caressés de soleil et d'écume,
Brisant ton ombre et foulant le remous
De l'eau splendide aux gouffres d'amertume,

Va, ma Navire, et ne trouve de port
Que dans ce cœur qui ne cesse d'attendre
Le plein d'amour que tu portes à bord
Sous ta grand voile heureuse de se tendre.

* * *

О гордый ростр златого корабля
Несущийся среди валов соленых,
Мой капитан, не видела земля
Еще таких очей синезеленых!

Змеей скользят изящные борта
И нежатся среди объятий пенных.
И, влажная, прекрасна нагота
Сверкающих обводов драгоценных.

Кораблик мой, плыви себе, плыви!
Ведь, ждущее, все сердце терпеливо.
Лети к нему, исполненный любви,
Под парусом, что выгнут горделиво.

* * *

Que ce rien vienne à ton réveil
À peine au sortir de l'étrange
Abîme d'ombre du sommeil,
À peine tes yeux sous leur frange

Cherchent encor s'il fait soleil
Et qu'étirée au creux des langes
De la nuque jusqu'à l'orteil
À tes tiédeurs tu te mélanges,

Ceci vient, pour te dire, Amour,
Que quelqu'un, bien avant le jour,
Que j'aime moins que je ne t'aime,

Te parlait, mêlant aux propos
L'impossible et le tendre thème
De caresser ton doux repos.

* * *

Пускай хоть этим пустяком,
Лишь выйдешь ты из затемненной
Пучины, лишь под завитком
Ресничным вспыхнет удивленно

Твой взор, разбужен и влеком
Луча игрою упоенной,
Лишь, вытянувшись целиком,
Разнежишься ты полусонно,

Напомню я тебе, мой свет,
Что кто—то, упредив рассвет
(По мне так ты его светлее),

Строку стыкая со строкой,
С тобою говорил, лелея
И охраняя твой покой.

* * *

Polydore, Front beau
De chevelure drue,
Ô dans mon ombre âme apparue,
Ô mon dernier flambeau...

Tu fis, suprême Idée,
Tout à la fin du jour,
D'une immense aurore d'amour
Ma vie élucidée.

Je vis de te saisir
Touffe du front superbe
Où je me sens étreindre l'herbe
Puissante du désir.

J'entends dans l'air que dore
L'aurore de mon soir
Mon cœur chanter mon seul espoir :
L'être de Polydore.

Traduit du grec d'Hermodore de Byzance

* * *

Высокое чело,
Волос густая грива ...
О светоч мой! Мое огниво!
Последнее тепло!

В игре идей верховной
Вся жизнь, как сноп огня.
Разбуженный на склоне дня,
Зарей горю любовной.

Живу, и надо мной
Пылает лоб надменный,
Желание растет священной,
Могучей купиной.

Вечернею Авророй,
Душа озарена.
Поет, надеждою полна —
Прекрасной Полидорой!

*(Перевод с греческого
из Гермодора Византийского.)*

CHANSON D'UN SOU

Tes lettres me font
La poignante joie
Des choses qui font
Le cœur plus profond.

Ô Belle de soie
Ô Luxe de jours
Qui seraient de soie
S'ils étaient ma proie.

Ô toute velours
Je chante à toute heure
Ma Belle en velours
Toute mes amours.

Je chante ou je pleure
Victime ou vainqueur
Mais tout seul je pleure
Si ton nom m'effleure

Il perce mon cœur

ПЕСЕНКА В ОДИН ГРОШ.

Твой почерк, спеша,
Мне в душу иголки
Вонзает. Душа
Смеется, дыша.

О чудо из шелка!
Блистание дней!
(Идут втихомолку
И тоже из шелка.)

Нежней и нежней,
Пою наудачу,
Средь тягостных дней
Без милой моей.

Пою я и плачу
Казненный? Палач?
Найду ли, утрачу?
Пронзенный, я плачу

И радостен плач.

* * *

Grande Beauté, Rose spirituelle,
Vous dont je veux l'amour perpétuelle,
Le don suave et la profonde foi,
Toute Beauté, triomphez de mes ombres,
Illuminez un bonheur d'être moi
Car d'être moi, ce n'est que rêves sombres.

Créez le rythme et dissipez le nombre
De tous ces ans dont mon âme s'encombre,
Faites un peu du temps que j'ai vécu,
Jusques à toi, ni passions, ni gloire
N'ont fait de moi ni vainqueur ni vaincu
Car j'attendais une plus belle histoire.

Rose spirituelle et Beauté grande
Accueillez-moi cette secrète offrande
Que je me chante à défaut de vous voir;
Faute de vous la tendresse me ronge
Et je me trouve, au lieu de vous avoir,
Faire un travail qui m'aide à faire un songe.

* * *

О, Красота, О Розы цвет духовной,
Твой, негасим, горит огонь верховный!
Сколь сладок дар и верить и любить!
Ты, совладав с нависшей тяжко тенью,
Меня спасла: поскольку мною быть —
Что заплутать во мрачном сновиденьи.

Ты, ритм создав, смела нагроможденье
Всех долгих лет, державших в заключеньи
Мой пленный дух: ведь до тебя я был
Отчасти жив и счастлив лишь отчасти
Как в полусне, страдал, мечтал, любил,
Но жадно ждал стократ сильнейшей страсти.

О Розы Цвет, красы необычайной,
Прими же дар заветной песни тайной,
Решился я стихотворенье спрясть:
Ты далеко, тоска мне сердце гложет —
Но знаю я: стихов волшебных власть
Моей мечте тебя вернуть поможет.

* * *

Trop beau Soleil, tu m'étonnes les yeux
Tout cet hiver qui n'ont trouvé de cieux
Que dans tels yeux qui font mourir et vivre
Que dans tels yeux dont rien ne me délivre
Si ne les ferme en les pressant des miens
Fou de me rendre au souverain des biens
Fou de me fondre à ma seule pensée,
L'âme criant, tout récompensée,
Amour, Amour, je t'aime et je te tiens.

* * *

Слепящая! Ты этою зимой
Как солнце мне, и свет единый мой —
Лишь в тех глазах, что жизнь и смерть даруют,
Лишь в тех глазах, где грозы озоруют.
Но их, к своим прижав, закрою я,
Безумием владения горя,
Помешанный на мысли раскаленной,
Ликуя всей душой вознагражденной:
Люблю тебя! И ты теперь моя!

* * *

Ma soif de toi, source suave et vive,
Fait un désert au monde des humains
Où je me meurs pour autant que j'y vive...
Source si douce aux rives de jasmins,
Ma soif veut taire au creux pur de tes mains
De notre amour l'onde non fugitive.

* * *

Я жажду, ушла вода живая,
И мир людей теряется в песках,
Все смерть вокруг, лишь ты одна — живая,
Заветный ключ в жасминных берегах...
О, напои водой в твоих руках,
Волной любви недвижимой наплывая.

* * *

Crois-tu qu'il soit chose
Diamant ou Rose
De prix plus certain
Qui fit plus de joie
Qu'une heure de soie
Comme ce matin?

* * *

Нет ли в мире чуда,
Розы ль, изумруда,
Сходного ценой
С нежным перламутром
Часа, этим утром
Прожитого мной?

* * *

La vie est vaine, à peine toi laissée;
Tous ces vivants ne me donnent qu'humeur;
Même je hais les jeux de ma pensée
Et tous mes vers ne me sont que rumeur ...
Qu'est Poésie, à peine toi laissée?

Le vieux battant de fer à peine clos
Derrière moi qui me hâte et qui songe,
Seul et non seul, je vais courbant le dos,
Suivant détresse, ennui, peine ou mensonge,
Car tout m'est noir, à peine ce fer clos.

Loin de tes yeux, je suis inquiétude.
La Ville immense offense mon amour
Mon cœur s'y fait toute une solitude
Où je t'adore et consume ce jour
Ce jour sans toi qui n'est qu'inquiétude.

* * *

Пустеет жизнь, лишь дверь твою закрою
Живущие досадны, даже ум
Постыл мне мой со всей его игрою,
Мои стихи — один ненужный шум...
Что мне они, лишь дверь твою закрою?

Когда за мной захлопнется она,
Потерянно вдоль улиц побреду я.
Как горестно сутулится спина,
С какой тоской предчувствую беду я,
Когда за мной захлопнется она.

Я, глаз твоих не видя, — изнываю,
Мерзит душе вид каменных громад,
Бродя среди них, я время избываю,
Весь этот день — как одинокий ад,
Где без тебя в тоске я изнываю.

* * *

Plus je te bois, ma Fontaine sans fond,
Plus me réduis au besoin de te boire ;
C'est mieux qu'amour, car toute amour se fond
Dans un délice à la courte mémoire
Dont toute chair trouve bientôt le fond.

Va, je te hais, Substance, ma Merveille,
Jusqu'à vouloir, jusqu'à périr du vœu,
Reine d'un mal qui chaque nuit m'éveille,
Que Toi me veuille autant que moi te veux
Ô mon Poème, ô Substance, ô Merveille ...

* * *

Тебя я пью — и только дальше дно,
Все больше я в неволе у желанья.
Любовь — слабей: оставить ей дано
Короткое одно воспоминанье,
В ней каждому легко увидеть дно.

Ты мне чужда! О Жизнь, о Наслажденье,
Ступай же прочь, поверх всех клятв и уз.
Царица зла, полночное виденье,
Стремись ко мне, как я к тебе стремлюсь,
О Сушая, о Жизнь, о Наслажденье.

* * *

Quoique tu ne sois point derrière moi dans l'ombre,
Et que je parle seul, d'une voix nulle et sombre
À ce très vieil esprit qui hante encor mon front,
Pourtant, ce noir discours tout à coup s'interrompt...
Tu me prends par le cœur ... Cœur qui veut que je sente
Toi, l'éternelle Toi, l'absente, mon absente,
M'effleurant de ton souffle et de légers cheveux
Et du murmure pur des lèvres que je veux...
C'est bien Toi... Je pressens la douceur de ta robe...
Hélas... Tu n'es que moi... Le rêve se dérobe...
En vain, contre mon art je le veux échanger,
Tous mes autres bonheurs me laissent étranger,
Le jour est nuit encore et le temps se consume
Sous ma lampe, où je pense, et songe, et souffre, et fume
Et vois brûler dans l'or de son feu suspendu
Tout le trésor d'amour d'un jour déjà perdu.

* * *

Я один... пустота у меня за спиной,
Я веду разговор с темнотою ночью.
Все черно и мертво, голос тих и угрюм...
И внимает ему старый слушатель — ум.
Сердце стукнуло вдруг! Говорит осязание:
Ты! Бессмертная, — Ты!.. Явно слышу дыханье
Столь желанных мне губ... Будто рядом со мной
Тень легчайших волос колыхнулась волной...
Вот сейчас я коснусь драгоценного платья...
Нет! Увы! — Я один... с пустотою в объятии!
Сон развеян — стихи его не возвратят.
Все занятия мои — опостылевший ад,
И потерянного не верну уже рая
Снова ночь... День померк, как зола догорая.
Вслед ушедшей любви в темноту я смотрю,
И под лампой своей обреченно курю.

* * *

Sans toi, pensant à toi, quand j'ai perdu le jour,
Tu me viens dans la nuit, échappée à toi-même,
Tu t'évades en moi, chère âme de l'amour,
Ombre toute fidèle au seul songe que j'aime.

Quand l'éveil me relève, ô mon premier émoi,
Je te forme et te vois, je prends ce noble torse,
Temple où j'adore un cœur qui serait tout à moi
S'il pouvait dans le mien puiser toute sa force.

Oh ... Veuille, ma Beauté, veuille ce que je veux:
Ce que je te redis en flattant tes cheveux
Par le simple retour d'une même caresse:

Nulle voix ne saurait te faire entendre mieux
Le mystère et le sens de toute ma tendresse:
Un échange sans fin des âmes de nos yeux.

* * *

День без тебя погас, но от себя самой
Ты вскоре ускользнешь и верною мне тенью
В мой лучший сон войдешь... Среди ночи немой
Ты самое мое заветное виденье.

Чуть утро — я опять, тобой одной влеком,
Начну воссоздавать телесный образ милый —
И будет сердце в нем — мое все целиком,
Коль сможет у меня занять живящей силы.

Того же что и я, родная, захоти,
И волосы свои тихонько распусти,
И я проговорю, их вновь и вновь лаская:

Истока нежности другого не найти,
К друг другу нас стремится не сила колдовская —
Но тяга душ живых забытых взаперти.

* * *

Oubliant sur mon cœur la force de tes formes
Ô que toute une nuit, je voudrais que tu dormes,
Et que rêve de moi, cher corps tout détendu,
Ton âme simple errant dans le temps suspendu.
Heureuse entre mes bras, tu songerais d'y être,
Et croyant me saisir, pourtant tu me tiendrais,
Et tu te presserais à moi sans reconnaître,
Respirant tes soupirs, ma présence aux bras vrais.
Ton aveugle désir te ferait deux fois mienne,
Et je redirais chaque mot qui te vienne
Par ta lèvre dormante à peine murmuré,
Vivant un tel bonheur calme et transfiguré
Qui semble à l'infini comme une onde s'étendre,
Que mes larmes tombant sur ta paupière tendre
T'éveilleraient peut-être en plein songe d'amour,
Et nous serions un seul, dans l'ombre, jusqu'au jour ...

* * *

Пусть тела твоего тепло мне позабылось
Хочу я чтоб тебе сегодня ночью снилось,
Что рядом я с тобой, что странствует душа
Твоя во времени, все пути отреша.
Объятий просишь ты и мною ты объята,
Уснув в моих руках, во сне ты ищешь их,
Ты грезишь обо мне, к груди моей прижата,
И слух не различит дыхания двоих...
Стремясь ко мне во сне, ты делаешься дважды
Моею, за тобой невнятный шепот каждый,
Что с сонных губ слетел, мной тихо повторен.
Волной разлившийся, покой преображен
В подобье вечности, счастливой и безбрежной.
Слеза моя, скатясь с твоей ресницы нежной,
Тебя разбудит вдруг средь полной темноты.
И будем до утра едины я и ты...

ABSENCE

Amie, quand la nuit vient, tu m'es insupportable par l'absence.
Mon souffle tantôt se fait trop profond et trop pénible
à reprendre;
tantôt presque précipité, comme pour presser le temps qu'il
mesure.
Chacune de mes pensées retombe vers celle qui est toi.
Il ne m'est pas d'idée que tu n'extermines.
Que me fait de créer ce que je ne puis te faire entendre ?
Tu m'es sourde, à présent, et insaisissable.
Je ne te manque point, mais voici que la nuit vient et le sentiment
de la chaleur de ton corps m'envahit avec la tristesse.
Je sais que je m'éveillerai avant le jour, devant la solitude des
heures sans tendresse, ni timbre cher de voix, ni lèvres,
ni regards.
Tout ce que je sens se dépense dans le vide.
Tout ce que je dis se dit à mon silence.
Pourquoi as-tu fait que je t'aime tant ?

РАЗЛУКА

Друг, когда приходит ночь, твое отсутствие невыносимо.
Мое дыхание то делается столь глубоким, что каждый
новый вздох мучителен, то учащается, будто понуждая
измеряемое им время идти быстрее.
Все мои мысли сводятся к одной, и эта мысль — ты.
Все образы в моей голове вытеснены тобою.
Что заставляет меня говорить, когда я не могу быть
услышанным?
Сейчас ты глуха к моим словам и неуловима.
Я не нужен тебе, но в наступившей ночи воспоминание
о тепле твоего тела наполняет меня унынием.
Я проснусь в одиночестве перед рассветом, и рядом
со мной не будет ни твоей нежности, ни голоса, ни губ,
ни твоего взгляда.
Все то, что я чувствую, исчезает в пустоте.
Все то, что я произнес, было услышано лишь моим
молчанием.
Отчего я тебя так люблю?

* * *

Tu m'as dit que ton cœur n'est pas mystérieux ...
Tu me l'as dit de tous tes yeux
Si vraiment qu'ils se sont fermés à l'or des cieux
Offrant ton beau visage à la foudre farouche
De l'amour qui jeta ma bouche sur ta bouche
Pour un baiser si vrai qu'il ne pouvait finir
De boire entre nous deux le bonheur de s'unir.
Ô bouches, qui buvez à la source baisée
L'extase d'une soif mutuelle apaisée,
Lèvres, lèvres fermant la chair de votre chair
Sur la fruit le plus mûr du moment le plus cher,
Lèvres, lèvres ensemble, ô puissance qui presses
Le suc délicieux de toutes les tendresses,
Je ne puis pas penser qu'il soit un avenir
Funeste, qui se forme et vous doit désunir.

* * *

Пусть лазурь в небесах и блестит, золота,
Ты — душою проста,
Ты закрыла глаза... приоткрыла уста...
И попала под смерч — он же с силою грубой
Мои губы швырнул на любимые губы.
Прочь их не оторву, раз припав, буду пить —
И живой поцелуй буду длить я и длить.
Губы губы поят и губами поимы
И горят и томят жаждой неутолимой.
Губы губы замкнут, плоть смыкается в клеть,
Чтобы лучший наш миг не сумел улететь.
Губы страждут в губах, словно мякоть под спудом
И течет сладкий сок опьяняющим чудом.
Но того не могу ни вместить, ни понять
Что придется нам их хоть когда—то разнять.

* * *

Nos cœurs se sont ouverts, nos crimes se sont bus
À toutes lèvres jointes,
Nos bras se sont repris pour quels tendres abus
De nos forces étreintes ...
Rien ne vaut de revivre un temps qu'on crut perdu,
D'en respirer les roses,
Et de revoir aux cieux tel soleil descendu
Dans la fange de choses
Oui, nous avons tout dit ... Mais, plus fort que les mots,
Et pur comme une flamme,
Le Baiser brûle l'ombre où fermentent les maux,
Qui se forment dans l'âme.
Oui, rien ne peut passer en puissance l'amour
Que le destin rappelle,
Après qu'on a maudit la lumière du jour
Et sa clarté cruelle.
Amour au désespoir qui se vit à jamais
Prendre mon cœur pour tombe,
Je te tien par le sein de celle que j'aimais
Doux comme une colombe,
Plein comme le bonheur, chaud comme le désir
Et vivant dans l'attente
De moments tels que ceux que nous sûmes saisir
Par l'aile, ô palpitante!

* * *

Распахнуты сердца, и общий грех допит
Стакнутыми устами,
И вновь преодолен забытый нежный стыд
Заблудшими перстами,
Жизнь дважды не прожить: ты солнца не вернешь
С заката вспять к притину,
К цветущим берегам обратно не дойдешь
Сквозь жизненную тину.
Да, все сказали мы... Но, наших слов сильней,
Но, чистый словно пламя,
Сжигает поцелуй все зло постылых дней,
Что ныне правит нами.
Ничто не устоит, любви спасенья нет,
Когда в мгновенье ока
Вдруг осветит дневной неумолимый свет
Нас с ясностью жестокой.
Отчаянье теперь мой скрашивает путь,
И сердце, как гробница...
Но под моей рукой бывлой любимой грудь
Нежна, как голубица,
Как счастье — полна, как горлица — тепла,
Вся жизнь, вся ожиданье
Того прошедшего, в котором жгло дотла
Двойное содроганье!

* * *

Ma Bien-Aimée,
Un jour si beau
Le malheur vint
D'entre tes lèvres...

Le Jour était
D'or et de soie
Toute une joie
Qui m'attendait...

Ma bien aimée
Ta bouche tendre
Fit un poison
De tout mon sang....

Le soleil jeune
Aimait ces murs
Où tant d'amour
Dorait nos jours.

Ma bien aimée
Trois mots suffirent :
Ce fut pour dire :
Tu dois mourir ...

* * *

Моя родная,
В столь ясный день
Меж губ твоих
Смерть проскользнула...

День этот был
Златой, шелковый,
С надеждой новой
Я ждал, любил...

Но рот твой нежный,
Моя родная,
В яд превратил
Всю кровь мою.

Младое солнце
Златило сны.
О, как огни,
Все наши дни...

Двумя словами
Приговорила.
Приговорила:
«Иди умри».

« La vie exige
Qu'un autre obtienne
Celle qui fut
La seule Tienne;

« Mon lit, mon cœur
Ma chair, mes fleurs,
Tout ton bonheur
Je le lui donne ... »

Ô bien aimée
Ta bouche tendre
Me fit entendre
Ces mots de mort....

Est-ce bien toi?
Est-ce possible?
Ma bien aimée,
Ma tant aimée

Ô noir azur
Du jour maudit
Que tu m'as dit
Ton secret dur...

Jamais, jamais,
Ô bien aimée
Je n'oublierai
Ce coup mauvais ...

Le jour était
D'or et de soie
Et moi la proie
Du désespoir

Другой получит
— Мол, жизнь решила —
Ту, что была
Твоею милой.

Любовь, мечты,
Слова, цветы,
Что знал лишь ты —
Его отныне...

Родные губы
Раскрыты нежно!
И неизбежно
Несут мне смерть...

Но ты ли это?
Возможно ль это?
Моя родная,
О, столь родная!

Дня синева
Угля черней.
Еще черней
Твои слова.

Душа до дна
Тобой, родная,
Оскорблена
И пронзена...

День этот был,
Как шелк злаченый,
И, обреченный,
Я погибал —

Prêtre et Poète
De la Beauté
Je t'avais faite
Divinité.

Mais ton cœur d'ombre
Était rongé
D'un rêve sombre
Longtemps songé.

Va, sois heureuse
Si tu le peux
Comme tant d'autres
Âmes du peu ...

Et que le mal
Sans nul remède
Que tu me fais
Te vienne en aide.

Ô bien aimée
Ma tant aimée
Est-ce bien toi?
Est-ce bien vrai?

Ô bien aimée
Ô jour si beau
J'y suis venu
Comme au tombeau.

Весь напоенный
Тобой, мой свет.
Обожествленной
Слуга, Поэт.

Давно, томима
Угрюмым сном,
Была палима
Ты злым огнем.

Что ж, коль сумеешь,
Счастливой будь.
Топчи со всеми
Свой малый путь.

Необлегчима,
Боль сердце гложет.
Пускай хоть это
Тебе поможет.

Моя родная,
О, столь родная
О, ты ли это,
Как ночь черна?

Моя родная,
О, светоч мой,
Ты скрыла все
Могильной тьмой.

CORONILLA

SONNETS À JEAN VOILIER

ROMANCE

Je ne veux pas que tu sois triste
Puisque tu sais qu je le suis
Ma lointaine, moi qui ne puis
Ignorer que l'amour existe

Depuis que mes jours et mes nuits
De tes yeux mirent l'améthyste
Et m'agitent cette batiste
Qui voilait ce que je poursuis...

Amèrement ma bouche avide
Baise une place que je vois :
Mes mains se perdent dans le vide

Où se perd l'ombre de ma voix...
Ô fantôme du château mien,
Ne sois pas triste : c'est mon bien.

КОРОНИЙЯ

I СОНЕТЫ ЖАНУ ВУАЛЬЕ

РОМАНС

Не печалься — уже немало
Для двоих — печали моей.
Существует любовь! О ней
Я все знаю: не миновала

И меня она. Сто ночей
Шел к тебе я — ты ускользала,
Но сияли сквозь покрывало
Аметисты твоих очей...

О, как жадно уста алкают
Уст твоих... Только тьма пуста —
В ней слова мои затихают...

Пустоту целуют уста.
Не печалься, любовь моя:
Пусть уж буду печальным — я.

À LA PÉTRARQUE

Suprême Rose, Orgueil de mon hiver,
Ô le plus beau malheur de mon histoire,
Tu fais, ô fleur, qu'au-dedans de ma gloire,
L'amour me ronge et je vis de ce ver.

Douce à baiser, délicieuse à boire,
Ta bouche vaut les plus doux de mes vers
Et les regards de tes beaux yeux divers
M'en disent plus que toute ma mémoire.

Tu me fais mal de toutes tes beautés
Et de ton corps les tendres cruautés
Quand je suis seul venant vives se peindre

Et dans la nuit me torturer dormant
C'est te chérir sans cesser de me plaindre,
Suave Toi, LAURE de mon tourment.

В МАНЕРЕ ПЕТРАРКИ

Верховный цвет, отрада поздних зим,
Не знал мой век прекраснее страдания,
Пусть червь любви — среди славы и признанья —
Меня грызет, но жив я только им.

Как сладостно мне пить твои лобзанья —
И лучший стих с губами несравним.
Твои глаза, горя огнем живым,
Мне памятей, чем все воспоминанья.

Меня своей ты мучишь красотой,
Пытаем я сладчайшей пыткой той,
Когда в мой сон ты входишь каждой ночью —

Телесная, в сияньи наготы...
Всех мук моих жестоких средоточье,
Сладчайшая! Лаура — это ты.

EN ACTE

Les nus bien joints, leurs sources mieux que jointes,
L'amour en force, à huit membres ramant,
Presse les corps vers l'éblouissement
Du haut sommet aux deux divines pointes.

Aux flancs, aux reins, aux seins, les mains empreintes
L'être avec l'être ajustent fortement
Pour l'œuvre intense et l'âpre emportement
Des heurts dansés par leurs fureurs étreintes.

L'âme commune, à chaque tendre choc,
Sent le délice exhausser roc sur roc
Les vifs degrés qui visent à la cime :

Sa hâte ébranle une vie aux abois
Et la chair verse une plainte unanime
Qui plane et meurt sur la suprême fois...

* * *

Тела сплелись и корни их — едины,
В разгаре страсть: раскинув восемь крыл,
Двуглавый зверь все силы устремил
На штурм одной божественной вершины.

В одном клубке колени, руки, спины —
И труд кипит: угрюможадный пыл
Два существа в одно соединил
И в спазмах сжал заветные глубины.

Еще, еще — и за толчком толчок,
Скорей, скорей — и за скачком скачок,
Вперед и вверх, ступенью за ступенью,

И наконец, отчаянно спеша,
Взорвется плоть, и в высшем наслажденьи
Ввысь воспарит единая душа!

* * *

Fleur de mon Soir et miel de mon dernier breuvage
Calice d'amertume et d'âpre enchantement
Oui, lys, dont chaque jour m'arrache lentement
Comme une voile échappe au regard du rivage,

N'est-ce point de mon sort un infernal outrage
Que toute la douceur de votre don charmant
Ces lèvres, leur silence et ton consentement
Viennent si près du pâle et du suprême ombrage,

Me tendre, avec tes yeux, la rose et le nectar,
Quand toute vie en moi gémit qu'il est trop tard
Et que ma chair vers l'ombre affreusement recule?

Mais je bois le délice avec le désespoir,
Et te bénis, Beauté, triomphe de mon soir,
Dont le regard d'amour dore mon crépuscule.

* * *

О Цвет вечерний мой! Теряю, полный боли,
Тебя по лепестку — последний, горек мед!
Ты — призрак паруса, что средь бескрайних вод
Бледнеет каждый миг и уж не виден боле.

В том тяжесть адова моей несчастной доли,
Что чашу сладкую томительных щедрот
С последней нежностью судьба мне подает
На грани вечной тьмы — туда по доброй воле
Протягиваешь ты и розу и нектар,
Но все во мне кричит, что я уж слишком стар,
Что немощная плоть к теням уже стремится —

И я с отчаяньем твой принимаю дар:
И будь благословен последний тот пожар,
Которым сумрак мой предсмертный озарится!

POÈMES DATÉS

QUATRE HEURES DU MATIN

... Je m'éveille à mon nom que vous dites, peut-être?
J'ouvre à la nuit mourante où la lune se fond ...
PERSONNE ... que la mer et les feuilles qui font
Quelque peu de rumeur avant que d'apparaître,
Et je demeure, au bord de l'aube, à ma fenêtre,
Comme n'osant troubler votre sommeil profond.

Je ne vois point du tout ce naissant paysage
Ni l'arbre vaguement qui tremble sur la mer;
Mais l'esprit qui ressent l'éloignement amer,
Vous figure dormante au paisible visage,
Parfois qu'anime à peine un soupir pour présage
Des promesses d'amour d'une parfaite chair?

Faut-il, devant ce corps envahi de son aise,
Et comme auprès de fruits qu'on ne doit cueillir,
Craindre le bel espoir d'y faire tressaillir
La vie, et ce qui suit d'une bouche qu'on baise,
Douceurs, fureurs, tourmente étrange qui s'apaise
Dans un suprême effort ivre de défaillir?

*II СТИХОТВОРЕНИЯ
С ПРОСТАВЛЕННОЙ ДАТОЙ*

ЧЕТЫРЕ ЧАСА УТРА

... Как будто голос твой меня окликнул где—то.
Проснулся. НИКОГО... Давно зашла луна,
Ночь близится к концу и шорохов полна —
И море и листва, в остатки тьмы одеты,
Невидимые мне, шумят и ждут рассвета,
Боясь спугнуть твой сон, застыл я у окна.

Скрыто от меня рождение пейзажа,
Ни море, ни листва не переборют тьму;
Отсутствие твое столь горестно уму,
Что он рисует сам подробности миража:
Спокойное лицо, и легкий вздох... и даже
Как будто плоти зов почувдился ему.

Как разбудить мне жизнь, чтоб задрожали крылья
Ее? Плодов чужих — решусь ли я вкусить?
Излишества любви, лишь стоит губы слить,
Посыплются на нас из рога изобилья,
И я в безумии верховного усилия,
Вдруг натянув, сорву трепещущую нить!

NON. Pendant que je songe et contemple un lit tendre
Qui porte jusqu'au jour votre entière langueur,
Absente, dont j'entends battre le calme cœur
Parmi tant de beautés que je voudrais surprendre,
Hélas, le Soleil vient qui me réduit en cendre,
Illuminant d'aurore un vieillard sans vigueur.

Cinq heures 15
20 avril 1938

НО НЕТ! Пусть нежится безвольно мысль нагая,
Пусть сердца мерный стук мне слышится пока,
И тянется к нему во мрак моя рука,
Зиянья пустоты едва не достигая...
Багряный Диск взойдет, в золу меня сжигая,
И мир бессильного увидит старика.

Четверть шестого
20 апреля 1938

* * *

Amour, tu pars... À peine un peu moins te verrai-je
Puisqu'on se voit si peu que l'on en perd le fil
De ce discours sans fin, à deux bouches fondues,
Qui fait parler en nous le bonheur d'être un seul ...

Je te suivrai du cœur dans ce petit voyage
Heureux si dans le tien je m'en vais avec toi
Hôte d'un coin très doux de ton vivant bagage
Souvenir, s'il te plaît; oublie, si tu le veux.

Tout à coup, je me sens l'âme qui se travaille :
J'invente je ne sais quels prodiges subits
L'impossible me point, l'absurde me tenaille
Je me vois te joignant dans le couloir du train.

Quel froid... Rapproche-toi... Serre-moi. Dors, chérie.
Moi, je veille. Quel rêve est plus doux que celui
De veiller, de tenir, de tiédir la chair même
De l'être tout aimé s'il rêve qu'il vous aime...

27 novembre 1942

* * *

Ты едешь... Что ж, с тобой лишь ненамного реже
Встречаться будем мы — ведь оборвалась нить
Бесед бесчисленных двух голосов веселых,
И счастье *стать одним* потерянно молчит...

Я мыслью за тобой отправлюсь осторожной,
Счастливым, что хоть так с тобой побыть могу —
Насельником угла в твоей мечте дорожной,
Хоть памяткой... иль хоть... совсем из сердца вон.

Внезапно оживет душа в работе трудной
Начнет изобретать стечения чудес:
Какой нелепый сон — на станции безлюдной
В вагоне поезда мы встретились с тобой.

Как холодно... Усни... Прижмись ко мне теснее...
Согрею, сберегу тебя я в этом сне:
В моих руках ты спишь, а мне совсем не спится —
Что любишь ты меня, тебе быть может снится.

27 ноября 1942

* * *

BALLADE À L'AUBE

AMOUR là-bas veille sous quelque lampe,
Esprit qu'il est, à cette heure sans corps;
Rien qu'une Tête au doigt dur sur la tempe,
Toute en lueurs et pensifs désaccords...
Mais bien ailleurs gisent ses vrais trésors!

Ma pauvre main, lâchez donc cette rampe
Qui mène aux mots que l'âme tire au sort;
Rouvrez ces doigts qui se donnent la crampe :
Peu de beauté s'engendre par effort;
Errez plutôt sur la Belle qui dort...

FOIN de la prose ou fumeuse ou fameuse
Qui fait penser ou bâiller l'inconnu,
Engance vaine, ou vile, ou venimeuse...
Mieux vaut chanter le chant qui n'est tenu
Qu'au seul souci d'amuser ma dormeuse,

Bien te paiera d'un quelque peu de nu....

22 février 1943

ПРЕДРАССВЕТНАЯ БАЛЛАДА

Хоть бодрствует под лампою зажженной
Моя любовь, в уме — царит разлад.
Лоб высится, лучами освещенный,
Невидящий, сосредоточен взгляд...
Но, подлинный, не там ищу я клад!

Рука моя! Не нужно исступленно
Тянуть слова из мрака наугад!
Пусть пальцы, вдруг разжавшись, потаенно
Уснувшую тихонько навестят...
Силком слова являться не хотят!

Что проза мне? — Ведь и в животворящей,
Как и в мертвящей, мало красоты.
И много в ней тщеты ненастоящей,
И холодом разят мои листы!
Уж лучше мне балладу спеть для Спящей,

И взять взамен немного наготы...

22 февраля 1943

* * *

Ce ciel gris, moins d'été que d'hiver attiédi,
Ce jardin, tout ému de si légères larmes,
Et ce tendre sommeil d'intime après-midi
De qui les songes furent charmes,
Quoi de plus simplement orné d'âme et d'amour
Que ce temple secret élevé dans ce jour
Par nos vœux, par nos cœurs, par les dons de notre être,
À la divinité qui nous fit nous connaître,
Nous aimer et subir cette adorable loi
Qui t'ayant faite belle, et moi, m'ayant fait moi,
Il fallait qu'en dépit du monde et des années,
Fussent dans l'ombre en fleur jointes nos destinées.

11 juillet 1943

* * *

Как зимой, потускнел и поблек небосклон,
Весь в дрожащих слезах, сад волнуется старый.
У себя мы, и тих пополуденный сон:
Сновидения — словно чары.
Безыскусен и прост тот таинственный храм,
Что воздвигли мы здесь благосклонным богам,
Давшим встретиться нам так счастливо с тобою,
Средь теней и цветов — столь чудесной судьбою —
Нас друг в друга влюбя, и закон сотворя,
Тот, что ты — хороша, ну а я — **это я**,
Тот, что — назло годам и враждебному свету —
Двум дорогам сойтись суждено в это лето.

11 июля 1943

POÈMES SANS DATE

ÉLÉGIE

Mon amour est de crainte et vit dans les alarmes.
Cet amour à soi-même est plus mystérieux
Que tout amour de chair que font naître tes charmes
Et je ne puis jamais te regarder aux yeux
Que mes yeux aussitôt ne s'emplissent de larmes.

À peine j'ai laissé tes lèvres et ta main
Trouvant la solitude en retrouvant la rue
Je porte un cœur trop lourd tout le long du chemin
Je sens à chaque pas une tristesse accrue
Qui se bâtit d'ennui tout un noir lendemain.

Morne et tout absorbé dans mon enfer étrange
Je vis en apparence et fais ce que je dois
Je mâche un goût de cendre en tout ce que je mange
Et si l'on vient troubler mon songe de ta voix
Je hais l'homme qui parle au chagrin qu'il dérange.

À peine je te quitte un autre va jouir
Des biens que j'abandonne au bruit sec de ta porte,

*III НЕДАТИРОВАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ*

ЭЛЕГИЯ

Мою любовь кругом тревоги обступили,
И странен ей самой ее окольный путь,
Хотя ей ясно все в моем телесном пыле, —
Я никогда не мог в глаза твои взглянуть,
Чтоб сразу же мои слезами не поплыли.

На волю выпустив измученный твой рот,
Иду домой один по улице просторной,
И чувствую печаль, что на сердце растет
И завтрашнего дня тоскою самой черной
Исполнен каждый шаг и каждый поворот.

Твой голос снится мне, а я в извивах ада
Свершаю нехотя обязанностей круг.
Вкус хлеба моего — вкус тленья и распада,
И если кто—нибудь меня окликнет вдруг,
Звучит в моих словах смертельная досада.

Я знаю горестно, почти наперечет,
Все то, что сбудется, лишь за моей спиною

Je sais qu'à d'autres yeux tu vas t'épanouir
Je vous vois, je gémiss, l'amertume l'emporte
Et toute force en moi se sent évanouir ...

Alors le souvenir du léger paysage
Que voit ta chambre tendre au travers de tes fleurs
M'est un poison du cœur dont mon cœur fait usage
Je sens ma vie étreinte et le jour fondre en pleurs
Devant mes yeux voilés qui cherchent ton visage.

Ударит сухо дверь. К тебе другой войдет.
Слабея, вижу я, как радостью иною
Твой равнодушный взор внезапно оживет.

Мне вспомнится окно, увитое цветами
И вид на улицу из комнаты твоей...
Пусть мысли ревностью себя отравят сами!
Жизнь сжалася в комок, день меркнет вместе с ней,
Я все ищу тебя ослепшими глазами.

ÉPÎTRE AU VIDE

Je suis l'Horreur du Vide, âme sans plus d'envie
De soi-même ... Car la musique de sa vie
Cette vivante manque, et tout le prix du soir
La douce invention à deux têtes, l'espoir
Oui, l'espoir même du dimanche et de son heure
D'émeraude, tout manque. Et le temps passe et pleure
Sous ma fenêtre, comme un pauvre aux pas perdus.
Ô JOURS, gris mendiants des bonheurs suspendus
Jours qui boitez, de l'aube à l'ombre, morne marche
Quand rien ne fait bondir le cœur battant vers l'Arche
Vers la maison des yeux, des sens, et de la voix
Vers ce que l'amour cède aux vendanges des doigts
Jusqu'aux doux bords braisés du précipice tendre
Où vient se rompre l'âme et le délice épancre
Les larmes de plaisir de l'une et l'autre chaire...

Comment vivre sans vous, moments puissants et chers?

ПОСЛАНИЕ ПУСТОТЕ

Я — ужас Пустоты, душа, что расхотела
Сама себя... Ведь прочь куда—то отлетела
Вся музыка ее, всех наших вечеров
Погасли радости, и наших двух голов
Затеи кончились — на встречу в воскресенье
Надежды больше нет, и время, бледной тенью,
Как нищий, под окном рассеянно бредет,
А попрошайки—дни у запертых ворот
Под мрачный храмлют марш с рассвета до заката,
Прозя былых щедрот, но сердце, как когда—то
Не встрепенется уж при входе в тайный храм
— Дом голоса и глаз... душа напополам
Не разорвется уж пред пропастью безбрежной
Разверзшейся, когда коснутся пальцы нежно
Сокровищ в темноте... Верховные, скажите,
Мгновения мои, как мне без вас прожить?

* * *

Ô plante vivace
Et fragile aussi
Toi que j'aime si
Vivante ou si lasse,

Ô jette sur moi
Le faix de tes branches,
Si peu que tu penches
Je tombe avec toi :

Tombons, douce lutte,
Dans un seul oubli,
Quel rêve accompli
Qu'une même chute!...

Écoute... Plus rien
Ne subsiste au monde :
C'est l'heure profonde
Du Suprême Bien.

Oh Silence... Écoute
Quel apaisement
De l'amour semant
Sa plus douce goutte...

* * *

О та, что предстала
Живой купиной!
Любимая мной
Склонилась устало.

Приникла ко мне
Своими ветвями —
И вниз головами
Летим мы во сне.

Нам рухнуть в забвенье
Столь сладко вдвоем —
Мы в пропасть падем
Стремительной тенью.

Мир пуст — ничего
В нем не сохранилось,
Но вдруг проявилось
Все благо его.

Прислушайся к страсти:
Внезапно замрет —
И каплю прольет
Верховного счастья.

* * *

Ô cheveux forts et drus et doux,
Ô dents claires comme bijoux,
Ô vrais yeux verts qu'à deux genoux
Interroge mon existence,

Ô grand Corps, mon souverain bien,
Que je voudrais qui fût tout mien
Et qui, saisi, rien ne m'est rien
Qu'amère ou vaine circonstance,

Ô ma Statue à douce voix
Déesse à qui je prends les doigts
Et baisés, dis ce que je dois
Selon le cœur de mon langage,

À Vous, à Toi, à notre Amour
Toujours plus tendre chaque jour
Je chante une ode toute pour
À ma ferveur servir de gage.

Lèvres, ma vie, et vous, cheveux,
Vous, voix suave, et vous, mes vœux,
Forme et substance que je veux
Choyer, chanter, et mordre et peindre,

* * *

Волос тишайший водопад,
Зубов жемчужных ровный ряд,
И пристально—пытливый взгляд —
Два восходящих вверх сиянья.

О Тело — власть и естество —
Как алчу я его всего.
А обниму — и... ничего
Лишь горечь тщетного желанья.

К устам моим Твоя рука
Прижата. Речь Твоя сладка,
Я — по веленью языка —
Одной Тебе — заветным слогом —

Нет, нам двоим — среди этих дней —
Слагаю оду... Должно ей,
Пусть страсть час от часу сильней,
Любви моей служить залогом.

О, волосы и руки — вы
Веленьям верные волхвы,
Вы — губы (сжать до синевы
И пить — я слаще меда не пил!)

Dites ensemble aux vifs esprits
De cette Personne sans prix
Que l'âme prise et le corps pris
Brûlent eux-mêmes de la ceindre.

Скажите Той, что хороша:
В плену ее едва дыша,
Алкая, тело и душа,
Себя самих сжигают *въ пепель!*

ODE VIVANTE

Viens, mon espoir, toujours trop loin
Formons un seul corps dans ce coin ...
Oh! Que ta bouche est douce à prendre,

À boire, à mordre... Qu'elle est tendre
Avec la mienne; et quelle extrême
Caresse intime elles se font ...
Quoi de plus simple quand on s'aime
Que de fondre ce qui se fond
En un fruit de l'Autre et de Même?

Que j'adore ce premier don!...
Mais il veut d'autres découvertes,
Je sens te venir l'abandon
De ta chair délicate et dont
Parlent tes cuisses entr'ouvertes...
Oui, je descends par le chemin
De velours jusques vers ma main
Qui fait frémir ce qu'elle touche.
Laisse-moi reprendre à ta bouche
Pur surprendre une autre saveur
Mas langue prête à la ferveur...
Elle a sucé comme une mangue

ОДА ЖИЗНИ

Любимая! Накоротке
Сойдемся вместе в уголке...
О, что нежней и слаще вкуса
Полуглотка—полуукуса?
Сплетясь, друг в друга впились или
Друг в друга влились Инь и Янь —
Не разберем: то Я ли Ты ли,
А! Все одно! мы эту грань
Во рту, как льдинку, растопили.

Пусть первая прекрасна часть
Иных открытий жду я бодро,
Мне говорят — всему пропасть! —
Мы над собой теряем власть! —
Уже не стиснутые, бедра...
Решусь я, выбрав путь другой,
К дрожанью под моей рукой
Тропинкой бархатной спуститься.
Готов туда переместиться
Хоть к вкусу губ твоих привык
Мой, ждущий нового, язык.
Я твой своим неволил вволю,
Как мнем во рту мы манго долю.

Longuement ta suave langue,
Mais le temps vient d'un fruit plus doux
Ce rubis d'entre tes bijoux
De mon doigt plus ne se contente...
Ouvre vite... ouvre tes genoux
Ouvre à mon œuvre, ô palpitante...

Que ma lange vienne chérir
Et de douceur faire périr
Ce que déjà ma lèvre effleure,
Cette grotte où le plaisir pleure.

Longtemps, longtemps, tant qu'il le faut ...
Je n'irai point chercher plus haut
Ce que je bois et qui m'enivre,
Mais tu frissonnes, tu rougis,
Tu sens l'onde venir te vivre...
Tes traits sont autres et ravis...
Oh, c'est à moi ... je m'assouvis
Je monte à toi, je te gravis
Tout mon amour se précipite
Je prends ta forme qui palpite...

Ho ... Tu me hâtes vers les cieux,
Vers la cime de mon essence
Char de chair aux souples essieux,
Cuisses sûres de leur puissance,
Fesses qui faites rondement
À larges coups de fondement
Bondir l'âme à la jouissance.
Oui, tout mon corps vibre, et j'étreins,

Теперь иной настал черед —
Нежнейший мне потребен плод —
Ему постылы шутки пальца,
Открой, скорей открой же вход
К рубиннокрасному страдальцу!
Колени только лишь раздвинь,
Опять сольются Янь и Инь!
Язык иную чует сладость
В том гроте, где рыдает радость!

Я выше не ищу отрады:
Здесь буду долго — сколько надо.
Все пью и пью неутоленно...
Дрожа, вдруг покраснела ты,
Волной накрыта потаенной.
Искажены твои черты,
Пора! Сжигая все мосты,
На штурм разверстой тесноты
Иду! Дороги мне открыты,
Лишь миг — и форма с формой слиты!

О—о!.. Тут уж трудно медлить нам,
Рывком вздымаяся на кручи,
Плот плоти скачет по волнам.
Самоуверенногогучи,
Два полушарья бьют и бьют
— Размах широк, удар их лют —
Швыряя душу вверх за тучи.
И крупной дрожью задрожав,
Густую гриву грубо сжав,
На миг дыханье задержав,

Des cheveux drus jusques aux crins,
Tout, le col, les seins et les reins
Que l'imminence heureuse ploie,
Tandis qu'en pleine et vive voie,
Mon désir trouant la toison,
Rué sur ton ventre de soie,
Je sens fuir de moi la foison
D'un flux de semence et de joie.

Oh... Tu jouis et je jouis,
Nos yeux fermés voient une aurore
Nous nous sommes tout éblouis,
Formant ensemble un feu qui dore
Toute une vie, ô Polydore ...

Я жизни вдруг услышал голос!
Золоторунный жесткий волос
Пронзая, замер грозный пыл...
И содрогнулся гибкий колос,
И пламя из себя излил,
И тотчас небо расколосось.

Счастлива ты и я счастлив,
Горит во тьме слепого взора
Двойное солнце, осветив
Золоторозовой Авророй,
Всю нашу жизнь, о Полидора...

* * *

Nous avons bien dormi, Vous et Moi ... Chose étrange,
Non dans le même pli du même tendre lange,
Amants aux doigts mêlés, demeurés dans leur don;
Mais chacun dans la chair de son propre abandon
Expirant sans désir un souffle solitaire.
Mais un cœur qui bat seul a perdu son mystère
Et, comme devenu quelque horloge d'ennui;
Il compte vainement tous les pas de la nuit.
.... Mais la nuit périclité et je sens la merveille
De l'amour, mon Amour, qui peut-être t'éveille...
Me voici. Je te viens et veux qu'à peine ouverts
Tes yeux lisent ces mots qui se prétendent vers.

* * *

Нам хорошо спалось, но... что же это с нами —
Не под одними мы лежали пеленами,
Сплетя персты во сне, средь преизбытка благ —
Нет, были души врозь, и в собственных телах.
А сердце все стучит в своем уединеньи,
Но тайны больше нет в пустом его биеньи!
Все хочет, кажется, оно часами стать
Чтоб все шаги в ночи бесцельно сосчитать.
...Но на исходе ночь, и мы с моей Любовью
Тихонько к твоему подходим изголовью —
И вот: мои слова — стихи уже почти,
Проснись, открой глаза, и сразу их прочти.

* * *

Grande Belle que tout débauche
Gemmes, castels, soirs de plaisir,
Toi de qui l'œil, de droite à gauche,
Se trouve un objet de désir,

Ô Merveille de fantaisie,
De bijoux folle et de jardins,
Toi que chacun rêve saisie,
Monstre d'amour ou de dédains,

Je t'assure que si je fusse
Dictateur (tel a l'horizon,
Le Romain, le Boche ou le Russe)
Je te tiendrais dans ma prison.

Faut-il donc amasser des pierres
Pour à loisir pouvoir t'aimer
Si mes lèvres sur tes paupières
Ne suffisent à t'enfermer?

Si des choses éblouissantes
Sont le besoin de ton ennui
Songe aux ténèbres si puissantes
De mes yeux clos qui voient ta nuit...

* * *

Все переймешь, все переманишь,
И званый вечер и наряд.
Не заполучишь — не отстанешь
Все что ни схватит жадный взгляд.

Фантазию любую сразу —
Лишь только промелькнет — лови!
Подай сейчас сады, алмазы...
О монстр презренья и любви,

Клянусь, коль был бы я могучий
Диктатор — кто там на уме:
Железный бош, великий дуче —
Тебя держал бы я в тюрьме.

О тяжелей не будет веки
Повинности: тебя любить —
Я не умею даже веки
Твои губами притворить.

И если блеск вещей слепящий
Твоей тоске необходим,
Увидишь мрак ты настоящий
Лишь встретится твой взор с моим.

Chère nuit d'intime existence,
Même s'étreindre a moins d'émoi
Que de sentir dans ta substance
Frémir la véritable TOI.

Ночь нежного существования
Кончается у той черты,
Когда я чую содроганье
Во мраке *подлинного ТЫ*.

* * *

Ô Belle Personne
Qui mangea ton fruit
Frémit et frissonne
Au cœur de la nuit.

Je veux qu'elle dorme :
Moi je veille et vois
Une lune énorme
Sur l'onde aux abois ;

Je suis seul au monde
Pendant qu'elle dort
Et que la mer gronde
Sous un réseau d'or.

Ô belle Merveille,
Bien avant le jour
Je pense et je veille
Sur le feu d'amour.

* * *

Изгнанница Рая,
Бессмертное «Ты»!
Дрожишь, догорая,
Среди темноты.

О хоть бы уснула!
А мне не до сна:
Из темного гула
Восходит луна.

И с миром молчащим
Мы — наедине,
Над морем, горящим
В холодном огне.

Во сне наяву я
И ночью и днем,
Любовь, все живу я
В сияньи твоём.

* * *

Belle... Oui. Mais plus tendre encore, et donc plus belle
Toute proche et réduite au regard adouci
Quand nous jouons à vivre une joie immortelle
Sur tes bords frémissants, Beauté, mon beau souci...

Les dieux n'ont pas voulu que s'accordent nos astres,
Mais nos semblables cœurs plus justes que le ciel
S'aimèrent, et mêlant le délice aux désastres,
Nos caresses dans l'ombre ont échangé leur miel.

Près de toi mon esprit brûle ses divers âges,
Tout ce qui fut de moi se consume à tes yeux,
Et j'offre à la douceur de nos tendres partages
Mon front qui s'abandonne à ton sein précieux.

Mais l'extrême de l'être et sa suprême plainte
N'épuisent point les dons de nos secrets moment,
Car à peine un sourire a pu rompre l'étreinte,
Deux amis sont en nous qui viennent d'être amants.

Ô quelle intimité d'âmes récompensées
Quand notre bouche heureuse et nos yeux reconnus
Échangent dans l'amour les biens de nos pensées
Et se disent l'accord de nos mystères nus!

* * *

Хороша... но еще и нежна и порою
Столь близка, что твой взор — это вся ты и есть.
Вживе тешимся мы вечно юной игрою,
Трепеща на краю — там, где счастья не счесть.

Нашим звездам сойтись не дано в небосводе,
Но сродство все равно сердце к сердцу прижмет:
Радость с горем сольем в своевольной свободе,
Наших ласк в темноте мед меняя на мед.

Обратила в ничто без малейших усилий,
Лишь взглянув, ты мой ум и им пройденный путь.
Мы хаос их потом нежно перемесили:
Бедный лоб приняла драгоценная грудь.

Но могучий порыв пред вершиною зыбкой
Нежных тайн не сметет бурной мощью своей.
И стеснение сил разрешится улыбкой
И любовники вмиг превратятся в друзей.

Все теснее сродство! И о, сколь упоенно
Наши губы слились! Как близки Я и Ты!
С мыслью сходится мысль в тишине потаенной,
И согласно поют две святых наготы!

AS

Je te quitte... Mes mains tremblent,
Ta douceur rêve en mes doigts,
Et j'entends des mots qui semblent
Des nuances de ta voix.

Il me semble que tu m'aimes
Jusqu'à tel sinistre coin
Où commencent les blasphèmes
Du tout près qui se fait loin.

Ta douceur vit dans mon ombre
Et tourmente tout le jour
L'âme aux questions sans nombre
Que lui pose son amour.

La main même sur ta cuisse
S'enivrant de t'effleurer
Comprends-tu que je ne puisse
Te regarder sans pleurer?

* * *

Руки не уняли дрожи —
Но тепло твое хранят.
И слова — с твоими схожи —
В тишине еще звучат.

Кажется — твои объятия
Завлекли меня туда,
Где по странному закланию
Близкая — уже чужда.

И во тьме, многоголоса,
Дни и ночи напролет,
Душу рвущие вопросы
Страсть в сомненьи задает.

И рука пьяна, тоскуя,
Плеч касаясь и волос.
Знаешь ты, что не могу я
На тебя смотреть без слез?

* * *

(Prestissimo)

Les moments forts, les moments doux,
Les moments purs, les moments fous
Et toutes belles attitudes
Les yeux riants, les yeux mouillés,
Les sourires émerveillés
Le mélange des solitudes.

Les échanges les plus divers,
Bouches, projets, bêtises, vers,
Et silences, sinon pensées,
Tout nous est bon, tout nous est cher
Esprit, regards, tendresse ou chair
En caresses récompensées,

Ces moments doux, ces moments forts,
Tous ces moments qui sont ressorts
Du reste triste de la vie ...
Nous aimons que nous nous aimions
Et l'un par l'autre nous formions
Cela seul qui nous fait envie ...

* * *

(Prestissimo)

Иногда — да, иногда — нет
Иногда — мысль, иногда — бред
Все — твои прекрасные позы.
И в глазах блеск, и в глазах смех
И веселие без помех
И стоящие тихо слезы.

Смесь безумная пустяков,
Планов, губ, болтовни, стихов,
Двух тишин (иль дум удивленных).
Все нам по сердцу, все под стать —
И смеяться, и трепетать
Средь порывов вознагражденных.

Иногда — нет, иногда — да,
Вся чудесная ерунда,
Что печальной жизни — пружина...
И нам нравится быть вдвоем
Ты — во мне, все мое — в твоём,
И отдельные суть едино.

* * *

Ferme les yeux! Voici ma voix... voilà la palme
De ma légère main... Je te viens effleurer
Et sur toute ta chair feindre une onde de calme.
Quoi de plus doux que moi, sur le point de pleurer?

Je veux être pour toi tout autre que quelque homme
Mais la tendresse même, un silence charmant
Auprès de quelque source, un matin d'or, — comme
Si l'air très pur t'offrait un murmure d'amant.

Ferme tes yeux! Je suis l'invisible présence!
Pense de tout ton cœur ce que pense le mien,
Tandis que leurs trésors d'intime complaisance
Se livrent aux faveurs d'une extase qui vient...

* * *

Закрой глаза! И я легчайшею рукою,
Как ветвью пальмовой, коснусь твоих волос...
И охвачу тебя как бы волной покоя...
Где близость сладостней, чем на пороге слез?

Я для тебя хочу быть больше, чем прохожим:
Быть тишиной твоей и нежностью самой,
На золотой рассвет хочу я стать похожим,
На воздух, где живет влюбленный шепот мой.

Скорей закрой глаза! Я здесь, с тобою рядом!
Невидимый тебе, я за собой позвал!
Два сердца шепчутся, делясь заветным кладом,
Пред тем, как все сметет грядущей страсти вал...

DERNIERS VERS (1945)

IL DISPERATO

Ce qui sera bientôt ne sera plus;
Demain se meurt au cœur de ce jour même :
Derrière moi, qui perdrai ce que j'aime,
Du temps futur fuit vraiment le flux.

Jours qui viendrez, vous êtes révolus,
Gens qui naîtrez, enfants que l'amour sème
Dans l'avenir aux couleurs de poème,
Vous êtes morts qui vivrez superflus.

La vie est riche en fausse pierrerie;
S'il t'arrivait que l'heure te sourie
Tiens l'espérance une vieille catin :

Vois sous son fard l'éternelle grimace,
Garde ta bouche, ou crains demain matin
Q'elle ait baisé quelque immonde limace.

IV ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ (1945)

IL DISPERATO

День завтрашний теперь уж не придет,
День нынешний — под черной пеленою,
Грядущее отхлынуло волною
И навсегда ушло в водоворот.

Рожденных вновь — ничто уже не ждет,
Бессмысленно отныне остальное,
Исчерпано живое и иное,
Я разорен — теперь и их черед.

Поддельно все: бриллианты, души, лица.
И коль тебе надежда вдруг помстится —
То старая заигрывает блядь:

Сквозь слой белил проступит мерзость жизни,
Не разберешь сперва, а утром, глядь:
Ты целовал отвратнейшего слизня.

* * *

Longueur d'un jour sans vous, sans toi, sans Tu, sans Nous,
Sans que ma main sur tes genoux
Allant, venant, te parle à sa manière,
Sans que l'autre, dans la crinière
Dont j'adore presser la puissance des crins,
Gratte amoureuxment la tête que je crains,
Longueur d'un jour sans que nos fronts que tout rapproche
Même l'idée amère et l'ombre du reproche
Sans que nos fronts aient fait échange de leurs yeux,
Les miens buvant les tiens, tes beaux mystérieux,
Et les tiens dans les miens voyant lumière et larmes ...
Ô trop long jour... J'ai mal. Mon esprit n'a plus d'armes
Et si tu n'es pas là, tout près de moi, la mort
Me devient familière et sourdement me mord.
Je suis entr'elle et toi; je le sens à tout heure.
Il dépend de ton cœur que je vive ou je meure
Tu le sais à présent, si tu doutas jamais
Que je puisse mourir par celle que j'aimais,
Car tu fis de mon âme une feuille qui tremble
Comme celle du saule, hélas, qu'hier ensemble
Nous regardions flotter devant nos yeux d'amour,
Dans la tendresse d'or de la chute de jour...

22 mai 1945

* * *

День долог... без тебя, без нас, без «Мы», без «Ты»,
Руке моей среди пустоты
Знакомые не отыскать колени,
Вторая — вся в тоске о плене
Густых волос... И не могу я, сам не свой,
Сойтись — лицо к лицу — с опасной головой.
День долог... опершись о мой, твой лоб не сможет
Развеять мысли в нем, что так его тревожат.
Не можем заглянуть в глаза друг другу мы,
Не пью я из твоих манящей черной тьмы
И нет в моих ни слез, ни светлого всполоха.
Как долог день... Мой ум — беспомощен. Мне плохо.
Объятье разомкнешь... и смертью засквозит.
И мне родною став, она меня сразит.
И выбор за тобой... Решение простое:
Вот ты, вот смерть. И я застыл меж вами стоя,
И знаю я теперь уже наверняка:
Жизнь может оборвать любимая рука.
И в ней моя душа — как слабый лист дрожащий
На иве, что вчера, мы видели горящей
В потоке золотом закатного огня
И гаснувшей во тьме с лучом последним дня*.

22 мая 1945

* Последнее стихотворение Поля Валери (ум. 20 июля 1945 г.).

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Поэтическое наследие Поля Валери (1871–1945) сравнительно невелико, в двухтомном издании его литературных произведений в *Bibliothèque de la Pléiade* (около четырех тысяч страниц всем знакомого чрезвычайно компактного формата, кроме того, в той же серии «Плеяды» издан еще и столь же объемный двухтомник знаменитых «Тетрадей») собственно стихам отведено меньше ста страниц: двадцать одно стихотворение «Альбома старых стихов», поэма «Юная Парка», двадцать одно стихотворение книги «*Charmes*» и около десятка стихотворений, объединенных под названием «Разные пьесы всех эпох» (состав этого цикла меняется от издания к изданию), исчерпывают канонический корпус стихов Валери, если не включать в него несколько драматических произведений и перевод «Буколик» Вергилия. В комментариях издания «Плеяды» можно найти еще довольно значительное число юношеских стихотворений, никогда не включавшихся поэтом в свои итоговые собрания, и цикл «Двадцать стихотворений», опубликованный в 1959 году, через четырнадцать лет после его смерти. Таким образом, совершенно ослепительная (и уже прижизненная) поэтическая репутация Валери (крупнейший европейский поэт XX века и последний великий поэт французской литературы) основывается не более чем на двух десятках стихотворений, в основном входящих в

знаменитую книгу «*Charmes*», изданную в 1922 году, когда поэту уже перевалило за пятьдесят, — без «Морского кладбища», «Пифии», «Пальмы», «Наброска Змея», «Поэзии», «Шагов», «Песни колонн», «Платана» европейская поэзия прошлого столетия потеряла бы добрую половину своего величия.

С другой стороны, холодноватый олимпийский блеск законченных и совершенных стихов, как правило, отпугивает обыкновенного читателя. Валери больше уважают, чем любят. Поэтическая репутация довлеет репутации общественной: «Боссюэ Третьей Республики» и «универсальный ум» по определению не может стать чьим-либо задушевым собеседником. Немаловажно и то, что в нынешней Франции «нераскаившийся андрейфусар, защитник армии, традиции, родины, упрекавший дрейфусаров в желании разрушать, под предлогом защиты невинного» (характеристика взята из статьи Бернара де Фаллуа, о которой речь пойдет чуть ниже) в силу столь же нелепого определения не может быть слишком популярной фигурой. Валери — поэт для немногих.

Все это настолько общеизвестно, что, право, и не стоило бы писать это послесловие. Но, как имел обыкновение говорить в конце своих лекций знаменитый лингвист Щерба: «А, может быть, это и вовсе не так». История литературы полна чудес.

Пожалуй, одно из самых удивительных случилось в 2008 году, когда в парижском издательстве Бернара де Фаллуа вышла посмертная книга Поля Валерии «Корона, Коронийя, Сонеты Жану Вуалье» («*Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier*»), содержащая *сто сорок* стихотворений, о существовании которых до недавнего времени знали лишь единицы.

Стихотворений — не проходных, не случайных, не забракованных автором. Заветных. Тех, о которых он сам — строжайший и требовательнейший мастер — говорит в последней записи своей последней тетради: «<...> мои стихи <...> которым я отдал все мое мастерство и всю мою душу <...>» («<... > mes vers <...> faits de tout mon art et de tout mon coeur <...>»).

За отточиями здесь скрыта одна из поразительнейших историй мировой литературы: история последней любви великого поэта и его черного отчаянья.

Приведем начало блистательной статьи Бернара де Фаллуа, напечатанной в качестве послесловия к книге 2008 года.

В конце позапрошлого века в окситанском городке Монпелье необыкновенно голубоглазый двадцатилетний молодой поэт встретил на улице незнакомку, влюбился в нее с первого взгляда и, так и не решившись с ней заговорить, целый месяц писал ей письма, которые уничтожал, не отправив.

Затем, в одну грозовую ночь*, он принял два окончательных решения — отказаться и от поэзии и от любви.

На это у него были веские причины. Он считал себя неспособным хоть когда-нибудь встать вровень с теми, кого он считал гениями: с Малларме и Рембо. Что до любви, то она почти довела его до самоубийства и поставила под угрозу его умственное равновесие — то, за что он держался крепче всего.

* Генуя, ночь с 4 на 5 Октября 1892 года. Запись в тетради Валери: «Страшная ночь. Провел ее сидя на постели. Гроза повсюду. Моя комната, освещенная каждой вспышкой молнии. В голове разыгрывается вся моя судьба. Я — меж мной и мной» (цит. по книге P. Valéry, *Oeuvres*, II, [Bibliothèque de la Pléiade, Édition Gallimard, 1960, p. 1435]. — *Примеч. перев.*

Итак, любовь была недостойна его, а он был достоин поэзии.

Пятьдесят лет спустя, по дороге разом — минуя все промежуточные ступени — достигнув мировой известности и, если можно так выразиться, уже при жизни обретя бессмертия в потомках, он увлекается женщиной вдвое моложе себя, проводит семь последних лет своей жизни в плену этой любви, пишет этой женщине почти тысячу писем, сочиняет для нее больше ста пятидесяти стихотворений и навсегда гаснет от горя в день, когда она сообщает ему о своем намерении выйти замуж за другого.

Адресат всех — шестьдесят три года пролежавших под спудом — поздних стихов Поля Валери — Жанна Ловитон (1903–1996), адвокат, издательница, романистка, выступавшая под псевдонимом Жан Вуалье. Литературные ее достижения не слишком значительны, более всего она известна своими романами с парижскими литераторами, издателями и дипломатами (список имен известен и чрезвычайно внушителен, не будем его здесь приводить). К моменту знакомства с Валери ей было тридцать пять, поэту — шестьдесят семь. Всемирно прославленный поэт и мыслитель, член Французской Академии, один из сорока «бессмертных», очевидно, помогал начинающей романистке на первых шагах ее литературной карьеры. Связь их длилась семь лет — до начала апреля 1945 года, когда Жанна Ловитон объявила Валери о разрыве и о своем предстоящем браке с издателем Робером Деноелем. Валери не сумел перенести этот разрыв — он слег и умер три месяца спустя.

Робер Деноель был убит в Париже на ночной улице выстрелом в спину, когда менял проколотое колесо своей машины. Жанна Ловитон, ехавшая в той же машине, в этот момент отлу-

чилась, чтобы отыскать такси — они опаздывали в театр. Преуспевающее издательство «Деноель» перешло во владение Жанны Ловитон и было тут же продано ею Галлимару — главному конкуренту Деноеля. Бывшая жена Деноеля открыто обвиняла Жанну в этом убийстве, но доказательств у нее не было.

В книге 2008 года Бернаром де Фаллуа был опубликован поразительный документ. Нижеследующий текст целиком взят из этой книги.

В последней рукописной тетради Поля Валери, хранящейся в отделе французских документов Университета города Остин (штат Техас), есть одна, поистине необычайная, страница. Она датируется 22 апреля 1945 года

Тремя неделями раньше, Жанна Ловитон (более известная под своим литературным псевдонимом Жан Вуалье) объявила Валери о разрыве. Это был день Пасхи, Великое Воскресенье — «Воскресение, обратившееся для меня Положением во Гроб». 22 апреля тоже выпало на воскресенье — *их день*. Он провел его в одиночестве. Чтобы развеяться (или чтобы ещё раз побыть с нею), он открывает конверт со стихотворениями «Короны» и перечитывает их.

Любовь ушла от него. Он вскоре умрет. Мы это знаем. Он это чувствовал.

И в этом его последнем письме, письме, которое никогда не было отправлено и которое может быть озаглавлено «Прощание со стихами», две власти — любовь и поэзия — две химеры, от которых он, двадцатилетний, думал навсегда избавиться и которые теперь стали всей его жизнью, объединились.*

* Отрывок из вступления Бернара де Фаллуа к французскому изданию посмертной книги Поля Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», Éditions de Fallois, Paris, 2008.

«Вот уже пять часов как я здесь, наедине со слишком красноречивой тишиной. И все еще — воскресенье. Время тянется медленно, и его много. Я ощущаю сладость Вечности. Песчинку за песчинкой отсчитывает, падая, черный песок.

Но надо отвлечься. Я открываю ящик стола, беру тяжелый конверт. Перелистываю страницы...

Polydore, front beau
De chevelure drue ...*

Дальше...

Comment vivre sans vous, moments puissants et chers ...**

К кому обращены эти стихи, для кого они? —

Tes yeux me sont au cœur des pierres enchâssées ...***

А эти? —

Mon amour est de crainte et vit dans les alarmes...****

Ô TOI que je ne puis regarder au visage
Que mes yeux aussitôt ne se voilent de pleurs.*****

или эти? —

* Из стихотворения «Высокое чело ...»

** Из стихотворения «Послание пустоте».

*** Из стихотворения «Глаза твои блестят, что камни грановиты».

**** Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили»

(Элегия).

***** Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили» (Элегия).

Amour sur toi veille sous quelque lampe,
Esprit qu'il est, à cette heure sans corps...*

Кажется, что это написано в 1560 году вслед Петрарке.
Но и эти — ТАКИЕ ЖЕ**:

Je respire en esprit la plus tendre des chambres ...***

(Увы! — нежная комната... комната брачных ночей. Ты верно рассчитала, эти стихи придется вернуть туда, откуда пришли, рогачу их не оценить.)

И это маленькое стихотворение, которое я нахожу таким изящным:

Ô ma statue à douce voix
Déesse à qui je prends les doigts
Et baisés, dis ce que je dois
Selon le cœur de mon langage ...****

— оно просится в антологию.

Листаем дальше — сердце сжимается сильнее и сильнее:

Ô de tes mains saisi, fraîches comme des fleurs
Mon front ne songe plus de toute autre couronne... *****

И еще:

* Из стихотворения «Предрассветная баллада»

** Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили»
(Элегия).

*** Из стихотворения «Глаза твои блестят, что камни грановиты».

**** Из стихотворения «Волос тишайший водопад».

***** Из стихотворения «Короною иной прельстится ли чело».

... Cette adorable loi
Qui t'ayant faite belle, et moi, m'ayant fait moi,
Il fallait qu'en dépit du monde et des années
Fussent dans l'ombre en fleurs jointes nos destinées... *

Какая чушь этот «восхитительный закон»!
О, в этом что-то было:

Suprême Rose, Orgueil de mon hiver
Ô le plus beau malheur de mon histoire... **

Или

Fleur de mon Soir et miel de mon dernier breuvage ***

И начинает действовать другой яд: мне больно смотреть на эти стихи. Все же есть в этой груди что-то стоящее — о, бедная, бедная грудь — мои заветные часы, часы песен, часы молитв...

Досадно. Могла бы выйти книга, какой еще не бывало в нашей поэзии. Я никогда не слышал вот этой, особенной ноты:

Ferme les yeux... Voici ma voix... Voici la palme
De ma légère main... Je te viens effleurer... ****

И этой — пронзающей:

Tremble, tombe légère, un souffle t'aime, SAULE... *****

Ива — мертва. Она — догадалась. Она не захотела заглядывать в окно, чтобы увидеть все остальное...

* Из стихотворения «Как зимой, потускнел и поблек небосклон».

** Из стихотворения «Верховный цвет, отрада поздних зим».

*** Из стихотворения «О Цвет вечерний мой! Теряю, полный боли».

**** Из стихотворения «Закрой глаза! И я легчайшею рукою».

***** Из стихотворения «Ива».

Бедная Ива, бедный трепет нежности и поэзии, который мы разделили с ней! Стемнело. И стихи, мои бедные стихи, которым я отдал все мастерство, всю душу — вы обречены. Вы выставите меня на посмешище: этих слов я не могу произнести, пусть исчезнут бесследно и гордость моя, и нежность.

Не напечатают вас с суеверной точностью, не выйдет маленький томик — а я почти уже видел его. А ей... — и бывать ей моим издателем.

Мне уже стыдно, что я сплел этот венок, в котором вы сияли алмазами... Вы не заслужили этого, но вас отвергли, от чести считаться вашей вдохновительницей отказались.

Я вас люблю, мои стихи — я не только вас вижу, я чувствую что там были еще и другие, много других...

Но верить нельзя никому, ни на чье сердце нельзя полагаться.

А Ты... никто не будет любить тебя так глубоко и сильно, как я.

Музыки, подобной музыке моей любви, ты не услышишь больше никогда. Никогда».

Теперь Валери един в двух ликах: первая ипостась — надмирного парнасца и изощреннейшего интеллектуала знакома нам издавна, вторая же открывается только теперь в «Короне и Коронийе», пришедшей к нам из небытия великой книге раскаленно-страстных и доверчиво-беззащитных любовных стихов. По слову Бернара де Фаллуа, Валери, возможно, теперь перейдет из разряда поэтов безоговорочно чтимых в разряд поэтов *любимых* *.

* Первые переводы из «Короны и Коронийе» были опубликованы мною пять лет назад: с тех пор мне неоднократно приходилось встречать в интернете русские тексты «Элегии», «Prestissimo», «День без тебя погас» и т. д., размещенными среди сомнительного толка любовных стихотворений других авторов, эротической живописи довольно дурного вкуса и даже сопровождаемыми столь же отчаянными музыкальными композициями. Мне трудно

Обратимся теперь к «парадному» Валери — прославленной книге «Charmes» 1922 года. Сразу скажем, что русский перевод ее названия — «Очарования» (иногда «Чары») — условен и не передает подразумевавшейся автором французско-латинской игры слов *charmes* — *carmina*. Не сложись уже русская (скорее, советская) традиция, следовало бы переводить проще: «Стихотворения». Жеманная претенциозность и поэзия Валери обитают в разных вселенных.

В этой книге нет ничего, кроме чистой поэзии в единственно возможном смысле этого слова: ее автор, который не раз встречал прогуливающегося Анри Пуанкаре и переписывался с Пикаром и Адамаром (других его современников: политиков, генералов, ночных пилотов, создателей многотомных эпопей и даже поэтов — ровесников или младших — вряд ли стоит тут упоминать), вполне мог протянуть руку Горацию.

«В области поэзии, — писал Валери в статье об одном старом французском переводе духовных стихов св. Иоанна Креста, — у меня есть порок: я не люблю (почти до страдания) все то, что не дает мне ощущения совершенства. И, подобно другим порокам, он только усугубляется с возрастом».

Из отличительных признаков поэзии Валери достаточно назвать четыре: кованую форму (при необычайном версификационном разнообразии), кристальную прозрачность смысла (при головокружительной глубине), точечное воскрешение архаичного словоупотребления (изучение этимологических словарей — необходимая часть работы поэта) и необычайную музыкальность.

В русской поэзии XX века параллели Валери нет. У Малларме (преданным учеником которого был Валери) есть русский

решить — наказание это или награда, но ясно одно: никакой — даже самый блистательный — перевод заоблачно-отрешенного «Морского кладбища» или экстатической «Пифии» никогда такой чести не удостоится.

собрат — это Иннокентий Анненский, русский Малларме. Русский Валери либо зарыт в галицийских полях, либо расстрелян большевиками.

Сам Валери описывал «Charmes» как собрание «просодических экспериментов». Два десятка стихотворений отличаются необычайной технической виртуозностью и — при полном единстве тона и характера — изрядным разнообразием метрики и строфики: в этом главное отличие книги от «Альбома старых стихов» и поэмы «Юная парка», где царствовал классический александрийский стих (двенадцатисложник с парной системой рифмовки), доведенный Валери до высшей степени совершенства. Поэма «Юная Парка» темна, суггестивна и не поддается рациональной расшифровке — семантика ее скрыта в фонетике, сколько-нибудь убедительный перевод ее невозможен по самой сути вещей. Именно на этой поэме основывается репутация Валери как поэта трудного и темного. Но в «Charmes» все по-иному, тут стихи кристально прозрачны. Дадим только самые необходимые пояснения к ним.

В настоящем издании двадцать два стихотворения, а не двадцать одно. Дело в том, что первоначально Валери включал в «Charmes» «Песнь Семирамиды», но потом перенес ее в «Альбом старых стихов». Но в некоторых изданиях — в том числе и знаменитом комментированном издании «Charmes» Алена — «Семирамида» остается в составе «Charmes», мы следуем здесь этому изданию Алена (сохраняя порядок стихотворений, принятый в этом издании).

Нуждаются в комментарии два латинских эпиграфа.

Первый, самый важный, ко всей книге: *Deducere carmen* — «изготавливать стихи».

Здесь, вероятнее всего, отсылка к «Метаморфозам» Овидия:

*In nova fert animus mutatas dicere formas
corpore; di, coeptis (nam vos mutastis et illa)
adspirate meis primum ab origine mundi
ad mea perpetuum deducite tempora carmen.*
(1.1-4)

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы
Новые. Боги, — ведь вы превращения эти вершили, —
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

(Перевод С. В. Шервинского)

Глагол *deduco* можно перевести как «ввожу», «переселяю», «изготавливаю», «сочиняю». Напрашивается и столь же знаменитая отсылка к Горацию:

*princeps Aeolium carmen ad Italos
deduxisse modos.*

(Первым) в латинские стихи эольску меру ввел. (Перевод В. В. Капниста)

При всей очевидности этих двух отсылок основным значением *deduco* здесь все же следует избрать «изготавливаю». Валери, сочиняя стихи, всегда стремился к *полной сознательности*.

Вот иллюстрирующая это завершающая запись из собрания «Другие румбы»:

Образ, представляющий поэтов, получающими свои лучшие творения от воображаемых существ, — непереносим, или должен быть непереносимым. Концепция «передаточного звена» — унижительна. Что до меня, то я этого совсем не хочу. Я взываю только к случайности (составляющей основание любого разума) и затем к упорной работе, даже идущей против этой самой случайности.

Вот другая — поразительная по своей точности — запись оттуда же.

Поэзия. Я ищу слово (говорит поэт), это слово должно

- 1) быть существительным женского рода
- 2) Состоять из двух слогов
- 3) Содержать П или Ф
- 4) Заканчиваться немой гласной
- 5) Быть синонимом надлома, распада
- 6) Быть не ученым и не редким.

По меньшей мере шесть условий!

Второй латинский эпиграф «Cur aliquid vidi» предвещает колоссальные «Фрагменты Нарцисса», стихотворение-двойник поэмы «Юная Парка». Последнее определение принадлежит самому Валери, он говорил, что в его намерениях было создать произведение, повторяющее «Юную Парку», но, в отличие от нее, не представляющее трудности для понимания и не имеющее столь сложной формы, направляя при этом все усилия к достижению гармонии языка.

Эпиграф взят из самого знаменитого и самого загадочного места «Скорбных Элегий» Овидия, 2.103 (возможно, служащего ключом к объяснению до сих пор неочевидных причин ссылки поэта) и переводится «Зачем я увидел нечто?»:

О, для чего провинились глаза, увидевши нечто?

(Перевод З. Морозкиной)

В заключение скажу несколько слов о предшественниках. Среди очень незначительного числа поэтов-переводчиков, бравшихся за Валери, были два гиганта — Бенедикт Константинович

Лившиц (1886–1938) и Сергей Владимирович Петров (1911–1988).

В свою прославленную антологию «Французские лирики XIX и XX веков» (Ленинград, 1937) Б. К. Лившиц включил два стихотворения из «Альбома старых стихов» — «Елену» и «Дружескую рощу», перевод небольшого фрагмента «Юной Парки» и три стихотворения из «Charmes» — «Погибшее вино», «Intérieur» и знаменитейшее «Морское кладбище». Все эти переводы стали бесспорной классикой и многократно с тех пор перепечатывались.

С. В. Петров, крупнейший русский поэт второй половины XX века, перевел «Лето» из «Альбома старых стихов», три стихотворения из «Charmes» — «Шаги», «Сильфа» и «Тайную оду» и два из «Нескольких стихотворений всех эпох»: второго «Льстеца» и «Ласку». Превосходны все шесть, но два — «Шаги» и «Лето» — суть подлинные шедевры русской поэзии:

Твои шаги прошелестели,
Воспитанники тишины,
К моей недремлющей постели,
И медленны и ледяны.

Какая сладость! Слава Богу,
Что ты лишь поступи тени!.. Но
Ведь только так, на босу ногу,
Любое благо мне дано!

(«Шаги», перевод С. В. Петрова)

Холм из воздуха — лето с прозрачной вершиной!
Море, пламенный улей! Мушиная дурь
На растрепанной плоти влажнее кувшина
И до неба, где знойная ноет лазурь,

Жгучий дом — ты, Пространство мое дорогое,
Где от дерева дым лебединый идет,
Где взрывается масса морского покоя
Громом марша над войском грохочущих вод.

Бочки запахов, светлых племен хороводы
У залива-обжоры — пруды из травы,
Вы, о чистые гнезда, тенистые воды,
Детским пористым сном колыхаетесь вы!

Раскаляя моря, гор вздымая буруны,
Светопадами рушась на жизнь без конца,
К небу тщетно материи рвутся перуны,
И от ржания бесов клокочат сердца.

Ты на хрупком песке, где от плача и гнева
Вал, теряя алмазы, прилег и затих,
Восклицаньям стихий не внимаешь ты, дева,
Усмирившая скуку чудес мировых.

Всей душой свою малую ночь полюбила,
Затворила себя ты и грудь — на запор,
Ведь в сумятице светлой блажное светило
Дел и слухов кует золотящийся вздор.

Как зверька приласкала ты чуточку тела,
Мимолетных грудей лобызая испуг,
Жертвой славы ничтожною ты захотела
Полюбить себя гордо, как нежный недуг.

Ты богам, искупавшимся в звездчатой пене,
Предстаешь напоказ, но тиха и светла,
Ты на сон-островок, полный неги и тени,
На свой смертный, от игрищ вселенских ушла.

А с небес громовержа на время людское,
Жрец грядущего, бывший чудовищем встарь,
Жертвоносное Солнце не знает покоя
И кладет день за днем на лазурный алтарь...

Но упругие груди, и плечи, и ноги,
У которых бедро при бедре належке,
Розовея друг другу, атласно отлоги,
И ладонь, задремавшая в пенной щеке.

Как сирены, покинуты, блещут и реют,
Окружая сиротами темный сосуд,
Где, как соки, звериные рыки дуреют
В светлых клетках листвы и бессильно текут

В ячеях океана, в морских мукомолках,
В росных хижинах дня, вокруг которых возрос
Виноградный простор ... Воздух, как на иголках,
Золотится всей кожей в сетчатке из роз.

«Лето», перевод С. В. Петрова)

С тех пор такой мощи больше никто не достигал. Светлой памяти Сергея Владимировича Петрова посвящаю эту свою работу.

Алексей Кокотов

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
В 15

Поль Валери
СТИХОТВОРЕНИЯ

Paul Valéry
POÉSIES

Художник *А.П. Иващенко*
В оформлении обложки использованы
xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

ISBN 978-5-7516-1375-4

© А. Кокотов, перевод, составление, послесловие, 2016
© «Текст», издание на французском и русском языках, 2016

Редактор *О. В. Поляк*
Технический редактор *В. Ф. Нефедова*
Корректор *Т. В. Калинина*

Валери П.
В15 Стихотворения / Поль Валери; пер. с фр., сост., послесл. А. Кокотова. — Москва: Текст, 2017. — 349[3] с. — (Билингва).

ISBN 978-5-7516-1375-4

Первый в России двуязычный сборник стихотворений Поля Валери (1871–1945) включает полный русский перевод книги «Charmes» (1922) (куда входят такие шедевры французской поэзии, как «Кладбище над морем», «Пифия», «Шаги» и «Пальма»), небольшого собрания «Несколько стихотворений разных эпох» и посмертного цикла «Двенадцать стихотворений». Кроме того, в издание вошли стихотворения из сенсационной посмертной книги Валери «Корона. Коронийя. Сонеты Жану Вуалье» (2008) – уникального в своем роде свода любовной лирики (в диапазоне от выверенных стилизаций в манере Петрарки до раскаленной и откровенной эротики), созданного великим французским поэтом в последние восемь лет жизни.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Подписано в печать 19.01.17. Формат 70 x 108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 9,8. Тираж 2000 экз.
Изд. № 1280. Заказ №
Издательство «Текст»
127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82.
E-mail: text@textpubl.ru <http://www.textpubl.ru>